

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 8 (ноябрь 2009)

ИЗДАНИЕ

Тамбовского отделения Союза писателей России,
Тамбовского отделения Литературного фонда России

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
управления культуры и архивного дела Тамбовской области.*

Главный редактор

Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет

Валентина ДОРОЖКИНА

Людмила КОТОВА

Евстахий НАЧАС

Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 8. Тамбов: Изд-во Тамбовского
Т 17 отделения ООП «Литфонд России», 2009. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

Содержание

ПРОЗА

Борис ПАНОВ. На окраине. <i>Рассказ</i>	3
Василий КРАВЧЕНКО. Губернский предводитель. <i>Рассказ</i>	18
Анатолий ЛОБОЦКИЙ. Человек из Министерства. <i>Рассказ</i>	53

ПОЭЗИЯ

Анатолий ОСТРОУХОВ.....	81
Татьяна МАЛИКОВА.....	89
Лариса АСТАХОВА.....	99
Наталья МЕРКУШОВА.....	106
Вадим МАРКУШИН.....	117

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида КОРОЛЁВА. Мурза. <i>Сказка</i>	123
Елена ВЛАДИМИРОВА. Митины сказочки.	126
Анатолий КАДЫКОВ. Кот-избавитель, или Неоконченная война. <i>Сказка</i>	137

ЮНОСТЬ

Людмила ПОЛИКУТИНА. Нацист. <i>Рассказ</i>	144
Елена АНТОШКИНА. Химия. <i>Рассказ</i>	158
Александр НИКОЛАЕВА. Вторая рапсодия Листа. <i>Рассказ</i>	162
Елена МОЛЧАНОВА. <i>Стихи</i>	167
Сергей ЛЕОНОВ. <i>Стихи</i>	169
Залина ДАЛГАТОВА. <i>Стихи</i>	171
Сергей ПОПОВ. <i>Стихи</i>	174

ЮБИЛЕИ

Лариса ПОЛЯКОВА. Остров спасения поэта (О Валентине Дорожкиной)	177
Валентина ДОРОЖКИНА. <i>Стихи</i>	185

КРИТИКА

Маргарита МАТЮШИНА. “Крепкая переплетённость плоскостей” <i>О современной прозе Тамбовского края</i>	198
Мария ЗНОБИЩЕВА. Музыка жизни. О поэзии Александра Макарова	232

ИСТОРИЯ

Владимир ПОПОВ. Василий и Георгина Чичерины	240
--	-----

ЛИТЖИЗНЬ

Будни и праздники.....	254
Новые книги.....	255

Борис ПАНОВ

НА ОКРАИНЕ

Рассказ

1

Ивановку незнакомцами на улицах не удивишь. В двух километрах от села старый прославленный санаторий. Просторнейший белокаменный дворец со службами. В своё время живал в нём знаменитый князь. Дворец окружён обширным парком, давно ставшим лесом. Вековые деревья его вместе с хоромами отражаются в глади широко раскинувшегося пруда. В центре его зеленеет небольшой островок с аккуратной белой часовней. Как рассказывают старые санаторские работники, и тот остров, и часовню возвели под надзором князя крепостные мужики единственно ради молодой княгини-польки. Католичка, она там молилась по-своему.

От парка к Ивановке тянется прямая аллея из лип в два обхвата. Летом в пору цветения их тут стоит неумолчное гудение — трудятся пчёлы. К липам извне подступает вплотную желтизна богатых хлебов санаторского подсобного хозяйства. В парке, помимо большого, есть и несколько малых прудов. Между ними проложены тропки-стежки для прогулок.

Борис Константинович Панов (1923 — 2008) родился в с. Елань-Колено Воронежской области 9 декабря 1923 г. Большую часть жизни прожил в Мичуринске. Работал редактором районных газет.

В 1971 году был принят в Союз писателей России.

Автор нескольких книг прозы, в том числе трилогии «Посреди степей», получившей широкую известность.

Публикуем рассказ из сборника Бориса Панова «На окраине», который готовится к выходу в издательстве Литфонда.

В погожие дни разбредаются здесь отдыхающие и безлюдно вроде бы становится среди деревьев. Тишина позванивает в ушах. Отдыхай душой и телом в одиночестве.

Но не всё же время проводить в уединении. Прошёл заезд, миновала первая неделя и, глядишь, компанейские натуры сбиваются в группки и идут после обеда в Ивановку, на люди. Село это немалое, с вместительным и богатым магазином, с двухэтажным рестораном, с современным кинотеатром, со старинными достопримечательностями. Можно здесь, к примеру, побывать возле уцелевших палат в своё время наезжавшего сюда Кочубея. Правда, от их прежней роскоши ничего не сохранилось. Нет парадного подъезда. От лепнины над ним, бывшим, только кое-где следы остались. Широкие окна сплошь неряшливо заложены кирпичом. А в самих палатах соль сельповская навалена да высится ярус разошедшихся, никому не нужных саней. Напротив палат приземистый, с наглухо забитыми ставнями обомшелый дом. Обитала в нём когда-то дворянка. После войны в одной из пустующих комнат разместился краеведческий музей. Он держался целиком и полностью на заботах хлопотах получившего ранения в боях, изможденного многими хворьями, хмурого и строгого пожилого учителя. Умер тот учитель, и от собранного им в сельском музее мало что осталось — прялка, маслобойка, деревянная соха, стопка пожелтевших снимков из жизни первой на селе сельхозартели и невесть как угодившая в эту стопку фотография военного времени. На ней молодой немецкий тщедушный солдат подавал на воз навильню сена, а с ним рядом стояла большеглазая простоволосая девчушка. Кто-то «щёлкнул» их с воза. Под девчушкой было нацарапано карандашом: «Нем. овчарка».

Как уж было сказано, незнакомец в Ивановке — не событие. И на этом, приехавшим в полдень с автобусом белобрысом узкоплечим лет под тридцать пять мужчине, никто глаз не задержал, хотя был он нерусским, говорил с немецким акцентом. Первым делом он спросил по выходе из автобуса о Ксении Сбитневой — как найти её в селе. Молодые лишь пожали плечами. Хорошо, оказался рядом с ними горбатый старик. По его подсказке, приехавший прошагал до края длинной главной улицы, свернул вправо, миновал два сучковатых заброшенных сада, холм осевший и заросший бу-

рьяном и увидел за ним почерневшую от давности деревянную избу. Она была крыта шифером, и местами он пророс мхом, покоробился, оплыл по краям.

На стук в приоткрытые сенечные двери вышла невысокая старуха в длинной юбке, в старенькой, в горошину, белой кофте, и спросила, кого нужно пришельцу. Тот, поздоровавшись, с любопытством оглядел её бледно-голубыми глазами и сказал, что он Брокман. У хозяйки дома застыло на миг испещрённое морщинами лицо, дрогнули растерянно губы.

— Арон? Арик? Да не может того быть.

Мужчина смешался и переступил с ноги на ногу.

— Нет, я Франц. Вы меня — как это по-русски? — перепутали. Арон — фатер мой. Отец.

Старая женщина облегчённо выдохнула и лицо её ожило и прояснилось. Успокоилось.

— Ох, господи. А мне уж помстилось бознать что.

Франц Брокман мимоездом завернул в Ивановку к этой старой незнакомой женщине против всякого желания. То была последняя просьба давно умершего отца — если выдастся когда-нибудь случай, навестить её. В пути ему оставалось лишь надеяться, что этой женщины нет теперь в живых. Перед ней, живой, ему стало стыдно за эту надежду. Тем более, когда она назвала отца его Ариком. Выговоренное ею это имя неожиданно породило в нём как бы нечто родственное к ней, благодарное, чуть ли не сыновье. Столь мягко и нежно в их семье отца не называли. По немецки нет такого — Арик.

3

С Ксенией Петровной приехавший просидел поменьше часа. Ничего, помимо того, что он слышал о ней от отца, она ему не поведала. А о том, как жила все годы после войны, всего в трёх словах сказала:

— А как все.

Она попросила, чтобы он пришёл под вечер и остался на ночлег. Он пообещал, но с одним условием — если нынче не управится со своими планами в Ивановке. Он рассчитывал непременно побывать возле здешних княжеских хором, а представится возможность, осмотреть их изнутри.

Трёхэтажный дворец сохранил старинный, выложенный камнем дичком широкий подъезд. Хоть сейчас подкатывай на карете. Уце-

лели ниши для свечей в колоннах. Но среди камней там и тут пробивалась чистая травка. Оцинкованные крыши дворца и приделов к нему ослепляли отражённым солнцем. Заходить во дворец он передумал. Лишний раз прошёлся вокруг него. Постоял у пруда под отвесно ниспадающими тонкими ветвями старых и высоких берёз. Долго просидел на скамье у самого пруда. Сидел и грустил. Жалел и себя, и вообще людей. Как же быстротечна человечья жизнь! Может, вот на этом самом месте молодым совсем отдыхал его отец. Отца давно нет. И ему, его единственному сыну, под сорок катит. Половина прожита. Впереди не так и много. А дворцу и парку этому стоять ещё да стоять. Что для них какой-то век?

На обратном пути он зашёл на автобусную станцию, чтобы взять билет на последний рейс, пойти после попрощаться с Ксенией Петровной да и в город, к поезду. На станции кассы не работали. Он из расписания узнал, что последний автобус с полчаса назад ушёл. Делать было нечего. Он зашёл перекусить в ресторан и отправился знакомой улицей к знакомому уже дому. Предстоящая ночёвка в жильё одинокой старой женщины ничего приятного не обещала. Даже в жаркий полдень в низких сенях да и в хате стоял затхлый и неистребимый запах сырости и плесени.

Вечером они чаевничали. Он с сомнением наблюдал, как она готовила чай — в заварной объёмистый чайник из трёх тёмных баночек клала по щепотке сероватую, со стебельками заварку. Он с опаской сделал первый глоток, совсем маленький. А напиток оказался духовитым, приятным на вкус. Слушая хозяйку, он стал повторять, запоминая:

— Ча-брец. Мята. И...

— Зверобой ещё. Хорошая травка.

— Зверобой. Слово страшное — вкус отличный.

Она обнажила в улыбке неожиданно ровные зубы.

— Коль понравился, хорошо. Угодила, значит, тебе. — И следом же перешла на «вы». — Вы по-нашему, по-русски разговариваете как покойный ваш отец. Я забыла, где и у кого наострился так он.

И легко, и быстро вспомнила, едва начал он напоминать.

— Ну-ну, правильно. Теперь всё воскресло в голове. Он рассказывал, как мать его приходила к русским убирать в квартирах их. И его с собой прихватывала. Он с детишками играл нашенскими и от них — слово за слово — по-нашенскому наловчился. А вот как попали наши к вам — вон из головы.

— Это были семьи посольских. До прихода Гитлера происходило.

— Ишь, как. Значит, я про это мимо ушей.

Он над «мимо ушей» улыбнулся, а она навострилась и спросила:

— Я не так чего-то, да?

Он поспешно заводил ладонями.

— Что вы! Так всё. Так. Хорошо сказали: «Мимо ушей». Надо бы запомнить. — И прибавил. — Вас отец не забывал всю жизнь.

Она коротко прерывисто вздохнула и задумалась над чем-то, отошла, как видно, в прожитое.

С серого и низкого потолка на них проливался слабоватый свет голой электрической лампочки. Франц молчанию хозяйки не мешал. Всё глядел в её лицо. В электричке из Москвы и в автобусе со станции до Ивановки почему-то ехало много вот таких же пожилых женщин. Везли они разную поклажу, по две, по три сумки. И были как сёстры — с похожими преждевременно увядшими лицами, с крупными и жилистыми кистями рук, с отстранёнными уставлыми взглядами.

Вернувшись из дум, она выговорила ровно:

— Ну, чего ж. Вам, должно, пора на боковую. Находились, поди, за день-то, устали. Я вам в сених постелила. Там ложитесь. Вольным воздухом надышитесь.

Он кивнул согласно и спросил её, о чём не осмелился узнать от отца, спросил вкрадчиво и тихо:

— Ксения Петровна, вы с отцом как... крепко любили друг друга?

И вспомнил мгновенно: в детстве он её, безликую для него, втайне очень ревновал к отцу.

Она поглядела на него задумчивым взглядом.

— Он, сынок, жалеюшкой моим был.

— Я не понял, — сказал Франц.

— Я его жалела. Берегла.

Слова эти не встречались ему прежде. Но по тону, каким были они сказаны, он убедился: да, они любили друг друга. Но теперь прежней ревности в нём это не вызвало.

Через дверь, открытую настежь, в сени наплывало свежее, росное, отгесняющее спёртый душок. У верха дверного проёма в темноте дре-

мотно мигали две далекие звезды — синяя, едва приметная, и крупнее, красноватая. Уроженец крупного города, Франц так ночевал впервые — с дверью настежь в полевою беспроглядность и глушь.

Перед сном ему вспомнилось, что вот здесь, в этих сеньях, и у бывших княжеских хором, и в старинном парке, он везде сегодня будто бы встречал отца — видел его светлые волосы, узкое лицо и усталый, неизвестно отчего застенчивый взгляд. Точь-в-точь как на плохонькой единственной фотографии, привезённой им из этих мест.

Отец пробыл тут всё лето, осень и зиму. Дворец был подарен Гитлером фон Паулюсу, и в нём размещался взвод охраны пожилых уже солдат. Арон Брокман, мальчишка, угодил к ним из-за слабого здоровья и сложенья.

Когда по ночам сюда стали доноситься с востока отдалённые орудийные гулы, во дворец приехали минёры. Они во многих местах заложили под фундамент взрывчатку. Но в свой срок на этом направлении русские танки так стремительно вошли в прорыв, что в смятении начальство про имение забыло. Позабыло и про охрану. Хорошо, она за сутки до танков подалась отсюда сама.

Отец Франца немного пораньше ушёл из дворца, попытался скрыться в Ивановке до прихода русских, чтобы сдать в плен. Ничего из этого у него, однако, не вышло. О девушке, в чьём жилье он хоронился неделю, рассказывал дома не очень-то. В сорок пятом, по его словам, посылал ей несколько писем. Посылал и позже, много позже. Хотя понимал, что к ней они не дойдут. И хозяйка подтвердила сегодня — ни одно к ней не дошло. Ни единого она не получила.

А ещё он думал о том, как пошла бы жизнь отца, если б удалось ему остаться тут. Был бы плен. Может быть, Сибирь. И его б, скорей всего, погребли б намного раньше, чем дома. И сейчас бы не было на свете Франца Брокмана...

Он долго не спал, а когда заснул, две звезды в дверном проёме всё ещё светились — синяя, пропадающая как бы временами, и крупнее, красноватая.

И хозяйка хаты долго не могла уснуть. Ей печально думалось: и чего не вытворяет жизнь. Значит, Арика давно нет. А чего б ему не жить, если выучился на учёного и, как сын рассказывал, никакой нужды не знал. Но, поди же ты — судьба... А Франц вылитый в

него, поосанистей немножко. Но и то сказать: Арику девятнадцати не было, Францу около сорока. Что ж касаемо обличья — капля в каплю. А характером, должно быть, младший поупористей. Поди ж ты, отыскал её... Только лучше бы не находил. Полынь, горечь одна — старое-то растревлять.

После мысль скользнула в давнее. Трофим Федорович, учитель её, даром что историю вёл, был не больно-то умён. И с чего ему внедрилось, что его Валерка с ней дружил? Не дружили они, на одной сидели парте, вот и всё. Нет, узнав про Арика, до того презирал её, дальше некуда. Особенно, когда под конец войны получил на Валерика похоронку. Замечал на улице — на другую сторону переходил, будто замараться об неё боялся. Фотокарточка ему попала, на которой она с Ариком оказалась случайно, — после на витрину приспособил в музее своём и под ней, рассказывают, написал: «Нем. овчарка». А какая из неё овчарка? Да и Арик, кто он? От своих терпел побольше, чем ивановские. Только с виду вроде фриц. Да и то из самых заваливающих. Шинелишка куцая. На ногах опорки рваные. И когда меж них, девчонок, в первый раз заговорил — натуральный Славка Кобзев. Был такой на их порядке. Убили на фронте. Заикался прямо точно как Славка, но что всех их поразило — без запинки по-русски чесал. Верка Прокшева поначалу от обалдения рот раскрыла: «Слушай, ты откуда взялся такой, что по нашему несёшь всю?» И он, помниться, словно сделал что не так, покраснел аж. «Из Берлина я, — ответил. — Родился в Берлине». — «Не брешь, — она ему. — Небось, где-нибудь у нас взростал. Пришли ваши — перекинулся к ним». Только тут в нём немец и просёкся: «Что есть это: “Не брешь?”»

Он в охране был за толмача. Приезжали немцы летом в Ивановку сено брать колхозное своим лошадям, он переводил, что старший вылаивал. В середине лета чаще стал завёртывать к кочубеевским палатам. Собирались там по вечерам девчонки — посидеть, потолковать, далеко ли наших угнали, где она теперь, война. Он пристраивался с краю, ни к одной не приставал, всё больше молчал. Иногда девчонки прогоняли его от себя, иногда терпели. Принялись прогонять и тогда, когда вынул он однажды из кармана губную гармошку и начал играть весёлое. Верка Прокшева, раздув ноздри, пошла грудью на него. «Ну-к проваливай-ка, гармонист, откуда пришёл. Сидел, сидел молча — отелился. Веселиться он надумал! Проваливай, говорят». И взяла его в толчки от брёвен. В это

время из-за угла показался тучноватый старый немец, чин какой-то малый в охране. То ли навернулся сам собой, то ли Арика искал — кто знает. Но скорей всего искал — потому что враз выкатил порачьи глаза и пошёл по-своему на него орать. Кричал так — слюна с губ летела. Арон что-то исподлобно возразил, одно слово только и сказал, но в нём было, видно, что-то, от чего чин на мгновенья даже речи лишился, лишь опешенно, без звука захлопал губами. Наконец сомкнул их жестко в одну линию и ударил так Арона, что тот прокрутился перед ним волчком. Её жаром оплеснуло изнутри при виде этого, и она, не помня себя, бросилась на старого немца. Он ударил и её. В лоб. Она кубарем откатилась к брёвнам и не враз пришла к себя. Прежде никогда её не били, и ей почудилось, будто на неё обвалилось само небо. Когда старый немец затолкал Арона в спину от бревен, на неё набросилась Верка: «Ты чего, дурная, полезла меж ними? Нашла кого жалеть. Сдался тебе этот недоделанный!» Она слышала её словно через вату в ушах, и ей было не до Верки — всё ещё не могла опомниться от удара.

6

Поздней осенью — по утренникам — временами стало доноситься с востока отдалённое и смутное погромыхивание. Словно что-то там переставляли, двигали.

В крайней своей хате она больше года жила в одиночку. Мать скончалась от перитонита в сороковом. Отец воевал.

Наступила зима. В ту ночь, зябкую и тихую, понесло сухим летучим снежком.

Её разбудил вкрадчивый, негромкий стук снаружи. Сердце подскочило к горлу и отчаянно забухало. Она села на печи с одеялом на плечах и, насколько смогла, задержала дыханье. Надеялась, может, ослышалась. Нет, опять легонько стукнули щеколдой. Чего только не подумалось за какие-то секунды. Из своих, из сельских кто? Так чего бы ночью да так тихо? Может, из пробравшихся оттуда кто? Может быть, отец? И она метнулась босиком к дверям. Услыхала из-за двери шепотное: «Это я, Арон. Откройте».

Он прошёл в избу, роняя с плеч снежок. Стоя перед ним, она мелко-мелко застучала зубами, сотрясаясь и от холода, и от только что пережитой пугающей неизвестности, ожидания, чем кончится она, и испуга. Арон сказал, во дворец опять приезжали из зондер-

команды, заложили под фундамент дополнительные фугасы и закончил: «Скоро ваши придут. Я хочу остаться у вас, сдать им».

Поразившись, она даже перестала дрожать. «С какой стати? Ты что?!» Он приблизился к ней на полшага, разделяющего до этого их. Она быстро отступила назад. «Очень нужен ты нашим. Они враз тебя прибьют». — «За что?» — выговорил он как недоумок. — «Да за то хотя б, что фриц!».

После непомерно затянувшихся секунд под ним слабо скрипнула половица. Повернувшись, он шагнул к дверям. И тогда у ней непроизвольно вырвалось: «Стой! Куда?» Он ей кратко объяснил, что бросил пост, что его, наверно, уже ищут сейчас. Надо где-то прятаться. И она, уже жалея его, но всё не избавившись от враждебности к нему так вот вдруг заявившемуся к ней, обречённо выдохнула — ну коль он навялился ей на шею, то чего ж теперь. Гнать его она не станет. Возвратившись от порога, он впопыхах нашёл её руку, холодными пальцами благодарно сжал её и поцеловал. От прикосновения его губ у неё вдруг сладко и мучительно распёрло горло. Она испугалась этой не ко времени наступившей её жалости к нему, переморщилась во тьме с омерзением к себе, резко выдернула свою руку. Чужим голосом решительно отчеканила отрезвляюще-насмешливое: «А ты ишь, деляга какой. Уже с поцелуем. Чтобы больше не касался меня. Слышишь?» Он поспешно извинился: «Прости».

Шесть дней и ночей пробыли они вместе. Шесть дней и ночей. И все эти дни в селе его истово искали. Но он и она не знали про то. Да и как могли узнать? За шесть дней Ксения всего дважды выходила на улицу, за водой к колодцу.

Она застелила ему старой одежкой тёмное подпечье, и он коротал там целые дни, выходил во двор лишь в самую темь и всё вслушивался в ветерок с востока. Но как раз на эти дни выпала полнейшая тишина. От неё шелестело и давило в ушах.

Они спали днем: он — в подпечье, она — на едва степенной печи. А ночами разговаривали — или в полной тьме избе, или при коптишке в подполье. Им уютно было там. Тонкой ниточкой поднималась от коптишки гарь. Стоило подвинуться, поглубже вдохнуть, ниточка сбивалась в сторону, начинала размываться и курчавиться. Он рассказывал о детстве своём, как при Гитлере остался без родителей — забрали обоих. Иногда смешно, не так выговаривал слова, и она, случалось, прыскала в ладони. В иные ж минуты слушала в пол-уха, думала и думала, что же будет дальше. За себя

не очень страшилась. А вот как-то повернётся с ним? Робковатый. Всего раз сказала, чтобы к ней не прикасался, и с тех пор он опасался даже задевать её плечом или локтем. Одно только позволял себе — глядеть ласково и нежно ей в лицо. В передрыгу попадёт, когда немцы здесь его найдут, или наши заподозрят его в чём, да возьмут в оборот — сломается скоро.

За те дни крепко подморозило. Земля токами гудела от стужи. В чёрном небе слезились высокие звёзды. Мир пустынен был под ними — словно вымерло всё навечно вокруг. А им было хорошо в тесном, смутно освещаемом подпечье. Они согласились бы, наверно, просидеть так до весны. Незаметно как-то он стал ей своим и близким, и когда его в разговоре смаривал сон, она замирала и не двигалась — чтоб его не потревожить. В такие минуты чем-то смахивал он на отца её, кроткого и ласкового, и её переполняла нежность к нему. И однажды с гулким сердцем, опасаясь быть застигнутой им, если он проснётся вдруг, она еле-еле, воровски приложила ртом к его щеке. Приложилась и отпрянула тут же. Но тепло его щеки долго-долго оставалось на её губах.

На седьмые сутки отошла она за кизьяками во двор, а когда вернулась с ношей, посреди избы возвышались два солдата охраны и меж ними стоял Арик в лёгонькой и грязной шинелке и в пилотке с наушниками из сукна. Из его разбитой нижней губы редко капала кровь. Он с обжѣгшей её виноватостью поглядел на неё.

Уронив кизьяки, она бросилась меж солдатами и им, спиной отеснила от него солдат. Не могла она теперь отпустить его с ними. Потому что знала, это будет навсегда уже, навечно.

Старший из двух немцев за руку отдёрнул её от Арона, а его толкнул плечом к дверям. Спотыкаясь, она поспешила за ними вдоль улицы. Когда приближалась вплотную, старший немец отталкивал её в грудь. Возле липовой аллеи толкнул очень сильно. При падении у неё подвернулась нога. Поднявшись, она еле сделала несколько шатких шагов, поняла, что не догонит уходящих и плашмя упала на обочину, в снег, окончательно теряя силы от перехвативших горло слѣз. Пролежала так, должно быть, с минуту. Пока не услышала над собой переполненное гребостным презреньем:

— И не совестно тебе так?

Над ней высился серолицый отец Валерки. В телогрейке и в разошнанных валенках.

Она стала молча подниматься. Ей было не до него. Он же, дёр-

гая губами, повторил ещё брезгливей.

— И не стыдно, спрашиваю? А когда оценишься, тогда что?

Она поглядела на него выболевшими глазами. И вздохнула.

— Вы что говорите? Да вы хуже немцев, если так.

7

...У неё была коза. Франц от молока, однако, утром отказался. Съел яичницу и, как вечером, с удовольствием выпил чаю.

Ночью спал он всё-таки неважно. Но проснулся утром посвежевшим, хотя чуточку и грустноватым. Он чувствовал, что запомнит навсегда и увиденные им вчера старые хоромы в парке, в своё время охраняемые в числе прочих и отцом, и пруд, отражавший зеркально белокаменные этажи, и аллею древних лип с гудящими пчёлами, и вот эту старую женщину с тёмным и морщинистым лицом. Давным-давно, за десяток с лишним лет до его рождения, в этих местах встретились случайно двое молодых. Отец и Она. Вместе пробыли всего-навсего неделю, а запомнили те дни на все свои годы. Может быть, как самое дорогое.

И она глядела на него светло и печально. И благодарила Бога, что он не приехал лет на пятнадцать-двадцать раньше. Ей в ту пору видеть его было б много больней. А теперь не то. Отошло, зарубцевалось прежнее... И ещё она завидовала Арику. Молодец, какого сына породил. А она вот... Хотя тоже бы могла. Подвалился к ней один в крутую годину и, глядишь, поимела б от него ребёнка, если б... Как же полыхнуло в ней от слов его: «Слушай, никогда не думал, что ты девка. А тот немец как же?» Резко вывернулась из-под него и с поры той никогда ни с кем близко не сходилась...

Она проводила Франца до автобусной станции. На сей раз в Ивановку прикатил новенький «Икарус». На стёклах его ярко голубели снежные занавески. Франц устроился у окна и как только уселся, отодвинул шторку и прощально поводил ладонью. Поводил и, улыбнувшись, покивал ей головой. Покивала и она. Ей было чудно. Провожает до вчерашнего дня незнакомого совсем, а как сердце-то сейчас щемит...

Стоило автобусу тронуться, один парень поднял в крыше люк и внутри салона заходил и загулял освежающий, чистейший ветерок.

Франц подвинулся на сиденье облегчённо. Всё, прощание миновало. Его тяготили всегда последние миги расставанья, когда надо

что-то говорить, а не знаешь что. Потому что всё уже сказано.

Впереди у него была ещё полная неделя путешествий по России. Он давно наметил для себя побывать во Владимире и в Суздалье. Сколько звонут в этом слове. Суздаль! А какие здесь просторы! И опять вперебой подумалось об отце и о только что проводившей его женщине, одиноко доживающей своё в полутёмном и сыром жильё... Как же дико и непостижимо, что не в пору фараонов и цезарей, не в Египте и не в Риме Спартака — в цивилизованном двадцатом веке, в просвещённой Европе люди не позволили им больше свидеться!

За стеклом плавно каруселились плоские золотистые и чёрные дали, ближе к городу понеслись обочиной берёзки, рябины.

К себе Ксения Петровна возвращалась замедленным шагом. Ей на рёбра спины словно кто подвесил неудобное и ноющее. Ноги сделались чужими, отставали от тела. Она трижды останавливалась, отдыхала. В третий раз уже по соседству с хатой своей, у давным-давно заросшего конским щавелем и пустырником былого подворья, сгоревшего ещё до войны.

Женщина оглядела чащобу бурьяна, раздвигая будылья, шагнула в неё, чтоб увидеть лаз в подпечье. Не увидела. Завалило его, видно, много лет назад. Вышла и остановилась там, откуда шагнула в бурьян. Покачала мелко головой... Здесь в подпечье дозимывала она ту далёкую и страшную зиму.

Немец так поспешно отступал, что Ивановку прошёл без задержки. Наши тоже просквозили протёсом. А полмесяца спустя попутной подводой приехал отец. Он, оставшись без ноги, умудрился раньше срока распрощаться с госпиталем — так тянуло человека домой, к единственной и любимой дочери... А она на вторые сутки после появления его приползла вот сюда, к уцелевшему подпечью, угнездилась кое-как под низкими сводами и должна была бы вскорости иль окоченеть от стужи, или умереть от голода. Но выжила... Отупев от пережитого, смекнула-таки изредка протапливать в подпечье. Чтоб не задохнуться от дыма, приспособила для вытяжки дырявую самоварную трубу. Кипятила в банке воду и варила мёрзлую картошку. Прокшева Верушка приносила бураки ей. Она с месяц не умывалась. Обовшивела. Сломанные кости срастались с кри-

винкой. Струпя мокли. Пахло от них тошным. Лаз в подпечье она затыкала изнутри собранными с огорода ботвой и плетями тыкв. Они так смерзались за ночь, что с трудом их удавалось по утрам вытягивать на себя.

Кроме Верушки, приходила изредка Лукерья, строгая, суровая бабка. Остановливалась, поджав губы, смотрела на лаз, уходила. В самые морозы принесла ей старый зипун. Молча сунула в лаз и молчком ушла. А Верушка, глядя на неё, не раз доходила до слёз. «Да ты что ж такая, а? Ты хоть на ночь приходи в нашу избу. Околеешь ведь тут». Вышло шиворот-навыворот. Она выжила в подпечье, а её подружки за одну неделю не стало. Застудилась, умерла.

К весне ближе во вьюжное утро выкликнула её из подпечья Лукерья и сказала сурово: «Вот что, девка. Чего там у вас с отцом вышло, это теперь всё не в счёт. Поучил тебя он круто — забудь. Он теперь отходит. Со дня на день отойдёт. Так что, милая, вылазь да в хату. Походи за ним в остатний час. У меня с ним управляться уже мочи нету. Захворала, нынче еле встала».

От лукерьиных слов в ней всё дрогнуло и замерло — как отходит? На отца у ней обиды не было, хоть и бил он её смертным боем, прежде чем прогнать из хаты. А как мог не бить, коль в селе ему сказали, что она вожжалась с фрицем да ещё вступалась за него при людях? На вторые сутки возвратился из села домой он и с порога потребовал силпо, пропадающим голосом, чтоб она ему ответила единственным словом, правду говорят о ней и каком-то там Ароне люди. Замерев среди хаты и пугаясь за него, задрожавшего всем телом в ожидании её ответа, она лишь кивнула — чтоб потом, спустя немного, рассказать ему, что и как на самом деле было. А ему хватило кивка. Он с порога запустил в неё костыль. Попал в голову, рассёк ухо. Пошатнувшись, она подняла и подала ему его деревяшку — чтобы смог пройти он от дверей. Он опёрся на неё подмышкой, перебросил трижды тело к середине хаты и остановился перед ней — испитой до синевы, с ненавидящим, горячечным блеском глаз. Его продолжала колотить нервная дрожь. До того момента никогда она его таким не видела. Он всегда был ласков с ней. А с таким лицом мог, наверно, и убить. Она попыталась заговорить. Но он слушать не стал. Из него рвалось своё: «Они наших били, жгли! Отца твоего... А ты миловалась с немцем тут!» И он вновь ударил её костылём. Она отступила в угол хаты, там споткнулась и упала. Отец в бешенстве на одной ноге подскочил к ней сле-

дом и с гадливым выражением лица дважды пнул окольцованным железом концом деревяшки в её тело. Пнул с отчаянной, слепой силой. У неё хрустнула ключица, вошло остро внутрь треснувшее нижнее ребро. Он в запале начал бить её пинком. И не устоял с костылём, тяжело упал спиной на пол. Закрыв голову руками, она вжалась в самый угол. Прележала так живым сгустком боли до тех пор, пока не услышала мальчишеский, со всхлипами, неутешный плач. Плакал так её отец. Плакал озлобленно и несчастно, деревянно стучаясь в половицу лбом. Этот его плач заглушил в ней собственную боль. Но когда она пододвинулась к нему, прикоснулась утешающе к его плечу, он отдёргнулся мгновенно словно от ожога, рывком поднял голову и с рвущимся отвращением крикнул снова гневное уже в самое её лицо: «Как же ты и с немцем, а?! Они в мясо весь наш полк, а ты!» И зашёлся с пеной у рта. «Уходи из хаты! От меня! От греха избавь — убью!»

... После слов Лукерьи она неуверенно, с опаской прошла в хату. В ней с подслеповатыми, с тепляками до верхних глазков окнами было сумеречно, а со света — почти ничего не видно. У кровати отца, на лавке, готовясь погаснуть, дёргалась, мигала копилка. Её жиденький свет делал восковыми, неживыми впалые родительские щёки.

Отец ни движением, ни словом не ответил на послышавшиеся, приближающиеся к кровати шаги. Он трудно дышал. В холодной избе напрочь сбил с себя одеяло и от тела его веяло жаром. Жаром и тяжёлым духом. Она быстро догадалась теплить воду на загнетке. У отца прочернела и сукровицей сочилась культя. Она стала её обмывать и почувствовала, как горячее мясо побрело местами под пальцами.

При ней он всего единожды пришёл в себя, узнал её. Горячими пальцами прикоснулся к волосам её на виске и погладил мягко их. Она вжалась головою в плечо его и заплакала навзрыд... С той поры ничто так не ушибало её, как навертывавшаяся временами на память предсмертная ласка отца. Ушибала многие годы. До седых волос. До старости...

Вот что встало перед ней, проплыло в её памяти у заросшего бурьяном давнего пепелища.

Через месяц стриженная под мальчишку тонконогая почтальонка принесла на край села Ксении Петровне ненашенский длинно-

ватый конверт. Вручала его с острым любопытством — откуда старухе такой? Постеснялась, не спросила, однако.

Ксения Петровна села в хате за стол и оборвала с конверта кромку, дивясь, отчего у ней дрожат руки.

Ничего особенного в письме Франца не было. Описывал кратко, где он побывал после Ивановки, и сообщал, что на вложенном в письмо фото его отец, Арон Брокман. Снимок сделан за год до его кончины.

Фото из конверта никак не задело и не тронуло её сердце. С глянцевиной бумаги глядел незнакомый узколицый человек с глубоко задумчивым взором. Не старый ещё, но уже, как говорится, в годах. Ничего от Арика в нём не было.

Вечером она уснула, позабыв и про письмо, и про фото. А среди ночи внутри у неё словно кто толкнулся. Сон пропал. Поднявшись с постели, старая женщина щёлкнула выключателем. Подошла с фотокарточкой под самую лампочку. Но сколько ни шурилась и с какого бока ни приглядывалась, ничего из примерещившегося во сне в ней не разглядела. Хоть одна бы чёрточка от прежнего Арика... Зато стало возникать и прорисовываться, что могло ей только примститься. Будто б лоб и нос на снимке были точь-в-точь как у покойного её отца. Она поворчала на себя по-старушечьи за надуманное виденье и пошла досыпать. Но с той ночи сходство то стало повторяться в её представлении. Фото из дальних земель уподобливалось для неё продававшимся на почте календарикам с помещёнными на обратной стороне изменяющимися рисунками. Прямо поглядишь — одна картинка, избочишься — она делается иной. Вновь посмотришь прямо — опять первая картинка... Теперь в фото по ночам — хотя она его не вертела — диковинно возникали по очереди то давнишний молоденький Арик, то отец последних своих дней. И она обоим им кивала родственно и обоих их сердечно жалела. И была та жалость и щемяще горькой, и какой-то непонятно сладостно-скорбной. И она тогда корила себя. До чего, ишь, дожила. Мерещится неподобное.

Видно, уж пора и ей к ним двоим, давно отошедшим на тот свет.

Василий КРАВЧЕНКО

ГУБЕРНСКИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ

Рассказ

1

Безделье рождает идеи. Так случилось и с Антоном Епанчиным, бравым закройщиком женской верхней одежды. Теперь уже трудно сказать, кому пришла мысль выучить юношу на эту отнюдь не современную профессию. Конечно, в школе он учился весьма посредственно и из всех уроков любил только физкультуру.

Жил он с бабушкой. Отца он никогда не видел. Мама ездила по вербовке на Север и вернулась оттуда беременной. После родов она вышла замуж и уехала в Киев, оставив сыночка на попечение бабушки, у которой был свой домик почти в центре города.

Бабушка работала на ткацкой фабрике и часто приносила пряжу, которую охотно покупали соседки. Так и перебивались. Но трудно, конечно, приходилось, особенно со здоровьем. И когда Антон окончил восьмилетку, то решил освободить бабушку от забот и определился в ПТУ, которых тогда было множество в городе. В этом ПТУ и готовили мастеров швейного дела. Так и стал он закройщиком.

Василий Васильевич Кравченко родился 18 мая 1937 года в Гомельской области (Белоруссия). С 1963 года живет на Тамбовщине.

Окончил Мичуринский педагогический институт.

Работал учителем, завучем, директором школы, в райкоме КПСС, журналистом.

Публиковался в газетах, журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Российский колокол», в коллективных сборниках. Автор многих книг прозы.

Член Союза писателей России с 1976 года.

Вырос он в крепкого, весёлого парня с чёрными усиками. Женщины почитали за удачу попасть в его ловкие руки. Он умел так обмерить фигуру, так щекотно пройти по рёбрышкам, что они просто повизгивали от удовольствия.

И дефицит, конечно, играл не последнюю роль. У Антона всегда имелся в запасе первоклассный материалчик, который он и рекомендовал особо почётным (богатым, естественно) клиентам. В общем, с профессией он определился удачно, заработков на хлеб с маслом хватало. И женился он удачно, взял девушку с приданным — родители дали за ней «Жигули», сама она работала на хлебозаводе и без буханки хлеба со смены не приходила. Потом перешла в кондитерский цех, появились в доме сгущёнка, яйца, даже коньяк хорошего качества.

Бабушка умерла своевременно, долго не болела, и даже деньжонки оставила в сундуке.

Жить бы да жить, но затеялась дурацкая перестройка! Это застарелая болезнь России — перестраиваться, реформироваться. Всё пошло через пень-колоду. Как раньше было хорошо: все поворовывали понемножку, все об этом знали, жили тихо, не роптали. А тут вдруг приватизация, ваучеры, акции, фирмы, компании, холдинги и всяческая нечисть. Воровать стали вагонами, составами, деньги возили в самосвалах. Простой человек не мог протолкнуться к кормушке.

В то время Антон встретил своего давнего школьного друга Диму Петрова. Дима стал обижаться на жизнь:

— Раньше как было? Иду я домой после работы. Ну, ты знаешь, я на мясокомбинате обвальщиком работал. В сумке у меня кусок мяса. Меня на проходной даже не досматривали. Теперь, понимаешь, костей для собаки не возьмёшь! Всё в дело идёт! Хозяин ходит по цехам, за всеми наблюдает. Всё, уйду я с этой работы. И фамилию буду менять.

— Разве Петров — это плохо? — удивился Антон.

— Не Петров я! Наша фамилия была — Цукерман. Отец женился и взял фамилию жены. Евреев, знаешь, прижимали.

— А ты еврей?

— Да. Теперь буду и Цукерман, и еврей.

— А можно так?

— За деньги всё можно. Еврей, дорогой Антон, не национальность. Нет, это звание! Абрамович! Вансельберг! Шмулевич! Пря-

мо музыка, а не фамилии.

— Ну и что, если ты снова станешь евреем? Думаешь, к тебе потекут молочные реки?

— Потекут... Евреи своих в обиду не дают.

И правда, Петров-Цукерман вскоре открыл свой колбасный цех. Помогла еврейская община, дали ему уставной капитал.

Задумался Антон. А что если открыть своё ателье? На первых порах будет шить дома, а там и другое, более просторное помещение займёт.

Но никто не пошёл в захудалый домик Антона заказывать себе костюм... Прогорел он моментально. После чего жена и сказала ему:

— Всё, Антон! Привет. Так жить невозможно. Да, я уйду к богатому. Это стыдно? Твоими усиками, дорогой, сыт не будешь. Ими только щекотать кое-где.

— Сволочь ты, Анька...

— Может быть. Но такова жизнь. Прощай.

И остался Антон совершенно один в своём ветхом домике. Как жить, чем кормиться?

Пробовал и на стройке работать и даже в одну редакцию пристроился, но ничего у него не получилось.

Пошёл на поклон к Цукерману, тот взял его подсобником, но когда Антона поймали с куском колбасы в кармане, тут же уволили.

Настали совсем постные дни. От нечего делать в мусорных баках собирал выброшенные газеты и читал.

На одну публикацию в местной газете обратил внимание. Некий автор сообщал о том, что издана краеведческая книга, в которой собраны сведения о всех проживавших когда-то в Лысогорской губернии помещиках. И даже некоторые фамилии приведены: Егорычевы, Плехановы, Кучушевы, Горбуновы, Епанчины... Так-так... Епанчины! А ведь он тоже Епанчин! Значит, потомок древнего дворянского рода.

Ну и что? Мало ли их, этих потомков, бродит по земле.

А всё же это интересно: он, Антон Епанчин, дворянин, его деду, возможно, принадлежало какое-нибудь село, дед ездил в карете, а может быть, служил у Деникина или Шкуро; воевал за царя, спасал Отечество от большевиков. Из этого можно кое-что извлечь. Грамотёнки у Антона было маловато, но он всё же кое-что соображал. Раньше ловкие люди кормились рассказами о том, как они совер-

шали революцию, брали штурмом Зимний, падали под пулями юнкеров.

А теперь выяснилось, что Зимний никто не брал, юнкера побросали оружие и разбежались. Теперь начали говорить о доблести деникинских и колчаковских офицеров. Можно насочинять с три короба и этим кормиться. В общем, надо подумать...

Не поленился Антон, побывал в библиотеке, нашёл эту книжонку и почитал о Епанчиных. Оказывается, в дальнем районе есть даже село Епанчино. Последний представитель этого рода эмигрировал в Мексику. Возможно, у Антона за границей живут родственники. Можно поискать по Интернету, затеять переписку, попросить деньжонок... Разные мысли роились в голове Антона. Затем стали как-то более определённо концентрироваться, мелочёвка отсеивалась. Книжка вон какая большая! Много помещиков было в губернии. Не все же уехали за границу. Живут потомки в Лысогорске. Нужно их найти, объединить, организовать. А что? Есть, например, общество трезвости... Говорят, прибыльное дело.

Из этой же книжки Антон узнал, что в каждом уезде было дворянское собрание, во главе которого стоял предводитель, а в Лысогорске был губернский предводитель дворянства.

Замётано! Нужно сколотить группу дворянских потомков, собрать их и провозгласить себя предводителем. А дальше? Хо-хо! Будем выколачивать денежки на возрождение России.

2

Кое-какой опыт организации «дела» у Антона имелся, он же в своё время пробовал открыть ателье, вернее, даже открыл, но быстро прогорел. Теперь предстояло открыть «дворянское собрание». Нужен был устав. И тут Антон понял, что без помощника, грамотного и настырного, ему не обойтись. Хорошо бы это был юрист. Пораскинув мозгами, Антон вспомнил Веру Степановну, которая шила у него костюмчик. Материальное состояние женщины легко определить по её белью. А оно у Веры Степановны было более чем скромное, застиранное. Из разговоров Антон понял, что она женщина одинокая, воспитывает дочку и шиковать на свою зарплату работника отдела кадров задрипанного заводика по ремонту подшипников никак не могла. Физиономией и задней частью фигуры она побуждала мужчин к действию, и Антон раза два назначал ей

примерки в вечернее время. Костюм, естественно, был сделан ей бесплатно, она хотела ещё занять и платье, но Антон остыл к ней, заинтересовавшись бюстом новой заказчицы.

Вера Степановна по-прежнему жила в двухкомнатной «хрущёвке» (дай Бог царствие небесное этому радетелю за простой народ, этому изобретателю убого жилья), войдя в которую, Антону показалось, что он был здесь ещё вчера.

Стоял тихий летний вечер. За соседними домами прятался красный шар солнца. В квартире немножко пахло пылью и каким-то запустением.

Гостю хозяйка была удивлена и обрадована.

— Антон! Что это вдруг ты вспомнил?

Бледное лицо её вдруг порозовело, в глазах вспыхнул огонёк.

— Да вот иду... Я же тут недалеко...

Антон что-то бормотал, вдруг пожалев, что заглянул в этот уголок бедности.

— А я одна живу. Дочка замуж выскочила. Видишь, как время бежит... И я совсем постарела...

— Ну, не говори... Нормально выглядишь.

— Эх, Антоша... Никому не нужна старая кляча. Раньше мужики на мою задницу заглядывались, помогали решать вопросы...

— Это точно, — согласился Антон.

— ... а теперь я не у дел. Сократили меня, Антон. Живу на пособие. Тебя сам Бог ко мне прислал...

— Ну что ж, как дворянин я обязан помочь женщине, — значительно произнёс Антон.

Вера Степановна с удивлением посмотрела на него.

— Да, я столбовой дворянин Лысогорской губернии. Предводитель!

Вскоре они пили чай и Антон посвящал Веру Степановну в свои планы. Она с азартом слушала, восторженно качала головой.

— Ты гений, Антон! Тут можно грести деньги лопатой. Ну, ты меня берёшь в свою контору?

— За этим и пришёл. Только чур: на первых порах поработаешь за «так». Денег у меня нет.

— Я потерплю! У нас будет много деньжищ! Антоша, миленький, дай я тебя поцелую!

— Без этого, Вера! Только деловые отношения.

Не мог же Антон признаться, что от Веры Степановны исходил

запах сырости и старой капусты.

— Да, да, Антон... Сергеевич?

— Точно.

— Сергеевич... Я уже не та. Я понимаю. У женщины есть две главные части тела: голова и задница. У меня, к сожалению, осталась только голова. Она ещё работает. И мы с тобой такие дела провернём! А женщины... В каждой порядочной фирме всегда держат двух-трёх молоденьких шлюх. Не пропадёшь. Уж я позабочусь.

— Ну ты, Вера, придумаешь...

— Не рассказывай сказки! У мужиков только одна главная вещь... Она заменяет вам и голову, и сердце. Ладно! Давай о деле. Устав я подготовлю за пару дней. Найду что-нибудь похожее. Например, Союз ветеранов Афгана. Идёт? Ты ищи учредителей. Их нужно человек десять. И уставной капитал. Он есть у тебя?

— Нет.

— Думай. Продай машину.

— Она и даром никому не нужна.

— Возьми кредит.

— Слушай, может ну его всё к хренам? — обескуражено сказал Антон. — Влезешь в долги... И где я так быстро найду десяток дворян?

— Ну, милый мой, берёшься за гуж — тяни. Первой дворянкой у тебя буду я.

— Ты?

— А что? Моя фамилия — Зубова. Вот и всё.

— Всё, да не всё! Девичья какая фамилия у тебя?

— Зубова. Я не меняла при замужестве. Так что я — дворянка.

Притом графиня!

— А чем докажешь?

— А кто будет копать? Больше юмора, Антон. Относись к своей затее с юмором. Мы все произошли от обезьяны. Знаешь об этом?

— Да, говорили в школе...

— Так что дворяне, всякие князья, бароны — это чушь собачья. Но нажиться на этом можно. Вперёд, Антон!

Вера Степановна буквально загорелась начавшейся авантюрой и на глазах у Антона преображалась, словно обмякший шар наполнили воздухом. На какой-то миг Антон испугался, что эта женщина перехватит у него инициативу, настолько она пришлась ей по душе.

Любой справочник начинается с буквы «А». «Лысогорские помешики» не изменил этому правилу: Абакуловы, Арбузовы, Арачивы, Арцубашевы... Много их плодилось на этой земле. И все жрали, танцевали, прелюбодействовали. А народ в это время гнул на них спину. Правильно сделали большевики, что скинули это ярмо. Примерно так ещё недавно думал простой закройщик Епанчин. Однако, став «помещиком», он несколько перестроил ход своих мыслей. Совсем неплохо иметь тыщонку гектаров земли да впридачу ещё и крепостных. Каждый день щи с бараниной, стопочка холодной водочки и к услугам хорошо отмытая девка. Допустим даже, что у неё потрескавшиеся пятки — это дело устранимое, нынче разных кремов напридумывали. Помещик Антон Епанчин к своим крепостным относился бы гуманно, разрешал бы вечерами играть на гармошке и плясать «Барыню». Красота! «Выйду я на улицу, гляну на село...»

У пруда дом с колоннами, на пруду лебеди, посреди пруда — островок, а на нём балерина в чём мать родила...

Итак, начнём с Абакуловых. Есть в области село Абакуловка — он ездил туда с приятелями на рыбалку. Открываем телефонный справочник. Ого, их сколько! Не объяснять же каждому причину звонка. Нужны люди пожилые.

Начнём...

— Алло, квартира Абакуловых? Здравствуйте, вас беспокоит комитет ветеранов войны. Скажите, у вас нет... Ах, нет. Извините.

Раз за разом, наконец, вот оно:

— Есть ветеран?

— Да, есть. Дедушка, тебя...

Поговорили, условились, встретились. Сухонький старичок, в потёртом кителе и пропотелой фуражке образца Отечественной войны, с небольшим медальным иконостасом на груди. Ещё бодренький, подвижный, с острым взглядом.

Говорили во дворе четырёх многоэтажек, как в глубоком колодце, сюда не пробивалось солнце и посаженные когда-то новосельцами берёзки неестественно вытянулись, как запоздалые невесты. И хотя Антон смутно представился работником непонятного комитета, старик все равно считал его корреспондентом и пытался дать интервью.

— Мы, значит, на левом берегу Днепра, а немец нас жмёт с правого... А вода холодная...

— Пётр Игнатьевич! Меня интересуют ваши корни...

— Это как же?

— Ну, откуда вы родом, какая у вас родня...

— Родом я из Замотаевни. У нас там почитай все Замотаевы. И барин был Замотаев. Мой папаша самолично срубил ему голову. На коне, саблей! Вот так подлетел, взмахнул и раз — голова слетела. Сам видел.

— Сколько же лет вам было тогда?

— Ну, считай... Я-то родился в двадцатом.

— Так, может, вас ещё и на свете не было?

— Может, и не было? Ну, другие видели, рассказывали. Отец был отчаянный рубака. У Будённого служил. Он этих беляков рубил как капусту. Так и напиши. Не бойся. А что слышно насчёт прибавки к пенсии?

— Будет прибавка, обязательно будет. Кто рубил беляков — тем обязательно будет.

— Да ведь их, почитай, уж и нет — будёновцев-то. Все повымерли.

— Будут туда пересылать — Антон ткнул пальцем в воздух.

Старик принял шутку и засмеялся. С тем и расстались.

Антон понял, что таким образом он ничего не добьётся. Нужно подходить с другой стороны, от противного. Теперь он знакомился с ветеранами и говорил примерно так:

— Я представляю международную ассоциацию русских дворян. Мы в России ищем потомков древних фамилий и будем оказывать им материальную помощь.

Шкала роста дворянских наследников резко подскочила вверх. Самым популярным был вопрос: «А сколько будут давать в одни руки?» На это Антон, наученный пресс-секретарём Верой Степановной, отвечал: «Это зависит от того, какие доказательства своего высородства вы представите». Повторных звонков было мало.

С одним из претендентов Антон встретился для более тесного знакомства. Встреча происходила рядом с его домом возле магазина «Перекрёсток». На небольшом клочке земли, огороженном на кладбищенский манер, стояло несколько вкопанных столиков, а возле них, вдоль ограды, росли кусты акации, создавая великолепную тень. Мимо шли прохожие, пронеслись на дороге автомоби-

ли, а в этом алкогольном оазисе было уютно, выпивохи разговаривали мирно, тихо, словно поминая покойников. Рядом находилась аптека, в ней Антон с новым знакомым взяли пару пузырьков спирта, в магазине купили целую селёдку, кружок ливерной колбасы и разовые стаканчики. Будущие помещики привыкали к роскоши.

Претенденту на дворянство было тоже лет под сорок, работал он автомехаником и выглядел довольно культурно, а фамилию имел очень звучную — Самохвалов, Игорь Семёнович. Его предок служил акцизным чиновником и удостоился потомственного дворянства.

— Скажи самое главное: убивать никого не придётся? — допытывался Игорь Семёнович. — У меня двое детей...

— О чём ты говоришь? — возмутился Антон. — Мы же дворяне, благородные люди! Мы объединяемся!

— А для чего?

— Как для чего? Ну, чтобы... Ну, помогать друг другу... Вон как чернобыльцы, афганцы...

— Ты не крути, Антон! — они были уже на «ты» после третьего пузырька. — Не вешай мне лапшу на ушу. И афганцы беспощинно торговали импортом. И инвалиды... А ты что будешь иметь?

Короче, мужик попался настырный и неглупый, пришлось частично раскрыть ему карты. Игоря это устроило и он добровольно, за свои кровные, взял в магазине бутылку водки и два плавленых сырка.

В разгар банкета, когда они обнимались и плакали по поводу безвременной гибели государя-императора, нагрянула патрульная милицейская машина и доставила их в медицинский вытрезвитель.

Составили протокол. На вопрос о месте работы, Антон сказал:

— Предводитель дворянства.

Сержант скривился:

— Уж сказал бы проще: принц Уэльский. Допился до белой горячки. Сейчас мы приведем тебя в чувство.

И Антона сунули под такой обжигающе-холодный душ, что он заверещал заячьим визгом.

— Во, сразу видно: предводитель команчей! — посмеивался сержант, обучающийся заочно в университете. — Сначала научись водку пить, а уж потом...

Он не знал что «потом», махнул рукой и включил горячую воду, после чего Антон проснулся только к утру.

- Штраф будем платить? — спросил сержант. — Деньги есть?
- Нет. Я безработный.
- А что, предводителям не платят? — насмеялся просвещённый мучитель.
- А где мои деньги? — встрял в разговор Самохвалов. — У меня были двести рублей. Теперь их нет!
- Ну ты, наверное, тоже дворянин? — спросил сержант.
- Не твоё дело!
- Ай, как некультурно! Я, между прочим, при исполнении! И за оскорбление...
- Я ещё не оскорблял!
- Вот и воздержись! Двести рублей... Ты хоть помнишь, как тебя зовут? Пропили со своим дружкой-предводителем, а теперь... Штраф взыщем через суд. Марш отсюда!
- На улице Самохвалов сказал:
- Ну тебя с твоим дворянством. Глупость всё это. Никто тебе гроша ломаного не даст. Прощай, предводитель!
- Неудачно закончилась и эта попытка. Хорошо шли дела только у Веры Степановны. Она записала уже несколько «дворянок». Одну из них, вертлявую девицу лет двадцати пяти, она привела к Антону домой.
- Вот, познакомься: Галина Голицына. Звучит?!
- Угу... — буркнул предводитель.
- Только я на групповуху не согласна, — заявила Голицына.
- А иначе нельзя! У нас ведь будет дворянское собрание.
- Ого! Это уже полный облом!
- Так, давай к своему корнету Оболенскому! — выпроводил её Антон. — Ты кого привела? — спросил он Веру Степановну. — Под каким забором ты её нашла?
- Ничего подобного! Очень достойная девушка, работает в банке. Просто у неё мозги куриные. Тебе какая разница?
- Прямая разница! К нам будут приходиться, приезжать из-за границы... Мы же не в бордель набираем.
- Можно подумать, что графини святые... Все одинаковы. Так, пришло время регистрации. Я составлю протокол учредительного собрания. Подпишут человек пять — и достаточно.
- Давай, — согласился Антон.
- Через несколько дней газета «Курьер» сообщила о возрождении в городе дворянского собрания.

— Ваша фамилия Нарышкин?

— Да.

— Иван Семёнович?

— Да. А в чём, собственно, дело? У меня на участке полный порядок.

— Подумать только! Нарышкин! Потомок древней фамилии — и с метлой в руках. Дворник! Вас никогда это не смущало?

Пожилой мужчина, почти старик, со спокойным любопытством смотрел на Антона.

— Вам-то что, собственно, за дело?

— Иван Семёнович! Вы, наверное, слышали, что у нас в городе начинается движение за возрождение дворянства.

— Не слышал. А зачем его возрождать?

— Ну как же! Культура столетий, так сказать... Благородство. Служение Отчизне.

— Это всё пустые слова. Служить возможно и без титулов. Была бы совесть.

— Вот! Сразу чувствуется, что вы не простой дворник! — воскликнул Антон.

— Конечно, не простой. Да и возраст, между нами говоря, уже не позволяет сидеть над чертежами. А всё равно хочется что-то делать. Так и взялся за метлу. Не вижу в этом ничего зазорного.

— Но ваши предки носили графский титул!

— Не знаю, никогда не копался в своей родословной. Мой отец погиб в ополчении, как и тысячи других. Он мне ничего не рассказывал о своих родителях. Они умерли ещё до революции.

— И вот так по всей Руси сотни, тысячи наследников славных предков ходят с лопатами и мётлами! — высокопарно воскликнул Антон.

— И что с того? — присаживаясь на скамейку, возразил дворник Нарышкин.

— А сколько нашего брата погибло на фронтах Гражданской войны! Сколько загубили в лагерях!

— Да, всё это так. Жаль, конечно, людей. Но вот же стоит Россия на месте, ничего с нею не случилось. А скажите, дорогой, если бы уничтожили всех дворников, что было бы? Или, тем более, хле-

бопашцев. Заглохла бы нива жизни! Без князей жить можно, без рабочего люда нельзя обойтись. Так-то вот... И пустое дело вы затеяли, скажу вам прямо. Извините, мне нужно продолжать уборку.

Антон нехотя поднялся и пошёл прочь. Какой это князь! Дворник по натуре. Ну их всех... Что за дурацкая идея пришла в голову возрождать дворянство? Жрать хочется, вот в чём дело. Нужно опять сосать кровь трудового народа. Эх, найти бы хорошенькую дворяночку, не такую стервозу, какую приводила Вера Степановна... Соскучился Антон по женской ласке, по домашней пище, приготовленной заботливой женщиной. Сидеть бы сейчас в своём имении, ловить карасей в пруду, пить чай на веранде... А вокруг челядь бегаёт... «Эй, Манька! Поди сюда. Ну-ка, садись на колени к барину!» Погоди, Антон! У тебя жена, дети, причём тут Манька? Ладно, обойдёмся без неё, нехорошо, в самом деле, ты же дворянин — Антон Сергеевич Епанчин. А что, в самом деле, не съездить ли в село Епанчино? Сто километров — это пустяки, зато будет развлечение, утешение для души.

Вечером пришёл Игорь Самохвалов. Решил он все же примкнуть к дворянскому сословию.

— Обрыдла серая жизнь, — сказал он Антону. — Давай возрождать. Будем балы закатывать, девок в баню водить.

— Игорёк! Ну, нельзя же так примитивно...

— А как? Расшаркиваться перед ними? Перед девками? Не те времена!

— Ты знаешь, у меня возникла идея. В Старо-Козловском районе есть село Епанчино. Наше родовое имение. Давай съездим?

— Хочешь вернуть? — засмеялся Игорь.

— А что? Может сохранился дом.

— Поехали! — согласился приятель.

Имелась у Антона старенькая «копейка», так прозвал народ «Жигули» первого выпуска. Машина малость облупилась, слегка тарахтела и крепко дымила, но все же передвигалась.

Сельцо Епанчино стояло на высоком берегу небольшой речушки. Издали ещё увидели друзья большой красивый дом, обнесённый кирпичной стеной. И дом и стена сложены были из красного кирпича, который привозят из Финляндии поштучно завёрнутым в целлофан.

Они остановили машину, вышли из неё и залюбовались.

— Не дом, а замок! — сказал Антон. — Это ж надо как сохранился.

— Ха! — засмеялся Игорь. — Ты разве не видишь, что строение

современное? Оно сложено из кирпича, каждая штука дороже тех черепков, которые ты называешь посудой.

— Ну, а где же мой дом?

— Давай искать школу. После революции в барских домах, как правило, открывали школы.

И в самом деле, примерно через версту от замка они увидели приземистое одноэтажное здание, тоже кирпичное и с портиком. Остановили прохожего, спросили, что это за дом.

— Дык школа была. Сначала средняя, потом семилетка, вчерась ещё была начальная. А ныне деток нет, закрыли её.

— А в здании что? Пустует?

— Пустует... Внутри оно всё сгнило. Считаю без хозяина жило. То крыша прохудится, то балка провиснет. Пока соберутся починить... Мы и детишек боялись отпускать на учёбу. Писали жалобы. Приезжали комиссии, смотрели, составляли бумаги, а всё оставалось по-прежнему...

— Ничего. Вот хозяин объявился, — Игорь кивнул на Антона. — Он наведёт порядок.

— Это в каком смысле? Купил что ли эту рухлядь? — удивился старик.

— Купил. Хочу снести и поставить дворец. Как вон тот, что на бугре.

— Да у тебя машина... У того знаешь какая? Длинная, чёрная. В ней, говорили мужики, он сейф железный возит с деньгами. В бумажник не помещаются, так он в ящик...

— Кто ж это такой?

— Говорят, какой-то Дубов... или... Дубровский. Лешай его знает. Ни он к нам, ни мы к нему... Бабы, правда, молоко носят, но их дальше ворот не пускают. Там всё, говорят, из золота.

— Так никто ж не был, не видел!

— Это так... Ну, дай вам Бог...

Старик неспешно поплёлся дальше, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть. Очень редко проносились машины, поднимая пыль. И тишина!

— Сдохнуть можно, — сказал Игорь. — И чего занесло сюда этого Дубровского? Отомстить Троеурову?

— Дубровский... — Антон потёр переносицу. — Так я же знаю его! Вместе учились в школе. Точно, он возглавляет строительную фирму. Едем!

— А собак не спустит?

— Не должно.

Ворота, конечно, были на запоре. Увидели кнопку звонка, где-то послышался его звук, по домофону спросили:

— Кто?

— Нам бы услышать господина Дубровского, — прерывающим голосом спросил Антон.

Имя хозяина — Виктор — он знал, а вот отчеством никогда не пользовался.

— Ты, что ли? Антон? — раздался весёлый голос. — Ну, заходи!

Щёлкнул замок в калитке, они вошли, а на крыльце в это время появился хозяин — чуть полноватый широколицый мужчина в цветастых шортах и без рубашки.

— Тебя что занесло сюда?! — весело спрашивал он, обнимая однокашника. — А я плюнул на все дела и умотал сюда. В глушь! Ну и тоска, скажу я тебе.

— А я вот... приехал... посмотреть на своё родовое имение. Дом совсем обветшал.

— Имение? Какой дом? — удивился Дубровский.

— Да вон, видно отсюда...

— Так это же, говорят, была школа.

— Была. А до того был барский дом. Мои предки жили. Служили царю и Отечеству. А их за это турнули с родной земли.

— Антон, ты какую-то ерунду несёшь! Так не пойдёт. Без поллитра, как говорится, не разобраться. Идите в дом.

Да, олигархи умеют жить! Это не задрипанная барская изба, пропахшая мужицкими онучами. Тут сразу захотелось разуться у порога, но хозяин остановил:

— Не надо! У нас всё просто. Проходите в зал.

Громадный двухэтажный зал вполне мог бы вместить сотни две гостей. От камина шёл приятный запах дыма. Бесшумный кондиционер охлаждал воздух.

Неслышно ступила из дверей, наверное, кухни нестарая, опрятная женщина.

— Мария, накрой нам по-быстрому, — мягко приказал Дубровский.

Очень быстро на журнальном столике появились сёмга, ветчина, оливки и прочая незатейливая закуска.

Между тем Антон посветил олигарха в свои дела.

— Извини, Виктор, я забыл твоё отчество...

— Ты его и не зна! Вообще-то Иванович. Так, на всякий случай. Не будем же мы с тобою...

— У тебя дворянская фамилия — Дубровский. Ещё Пушкин написал...

— У нас всё село было — Дубровские! Дед мой землю пахал, а прадед был крепостным у помещика Селезнёва. Я свою родословную знаю. И чту! А теперь я сам помещик! Видал свою хибару? Бедно жили твои предки. Нет, Антон, ты меня на авантюру не подбивай, мне липовое дворянство ни к чему. Я и так дворянин новой формации. А что друг твой такой кислый? Давайте повторим! — он весело взялся за графинчик. — Какие-то мысли тревожат? — участливо спросил он Самохвалова.

— Можно, я позвоню? Есть проблемы у дочери.

— Пожалуйста! Вон телефон. А хотите — мобильник.

— У меня свой, — сказал Игорь, доставая из кармана трубку.

Разговор у него был короткий и неутешительный. Хозяин вопросительно посмотрел на гостя.

— Какие проблемы, если не секрет?

— Дочь никак не может устроиться. Окончила юрфак. Работала в милиции. Недавно приехала с мужем. Уж через знакомых к генералу обращались — нет места. Хотя, известно, кадров не хватает.

— И всего-то? — усмехнулся Виктор Иванович. — От меня примите помощь?

— Почему бы и нет.

Дубровский подошёл к телефону, набрал номер.

— Андрей Павлович? Да, я... Просьба небольшая. — Он коротко изложил суть дела. — Фамилия? Сейчас, — Дубровский посмотрел на Самохвалова. — Голубева Инна Игоревна. Да, спасибо Андрей Павлович. Обязательно зайду, — и положив трубку, обратился к Самохвалову: — В понедельник пусть идёт в отдел кадров с трудовой книжкой.

— Андрей Павлович? Рогов? — уточнил Антон. — Так это же сам Рогов! Глава лысогогорской мафии! Вор в законе.

— Был... А теперь директор банка, депутат областного собрания.

— Спасибо, — недоверчиво сказал Самохвалов, всё ещё думая, что это розыгрыш.

Вошла Мария, неся на подносе поджаренные бараньи рёбрышки с гречневой кашей. Руки потянулись к рюмкам...

Друг Дубровского сдержал слово, дочь Самохвалова без напряжения приняли на работу в один из городских райотделов милиции.

А Антон после поездки заболел. Наконец-то он понял, что значит одинокий человек, когда даже некому сходить в аптеку за лекарством, некому пожаловаться на ломоту в теле и некого послать за водкой.

Зашёл Самохвалов, принёс бутылку и малосольные огурцы.

Выпили. Водка не шла, Антону было противно.

— Душа не принимает, — сказал он.

— Слушай, а почему ты не попросил денег у Дубровского? — перешёл к делу Самохвалов. — Он же миллионер! Куры не клюют! Мог бы отстегнуть на благородное дело.

— Дубровский наше благороднее дело раскусил с полуслова. Ты не понял, что ли? И вообще... Их сила берёт верх. Пришли новые помещики. У него уже более двух тысяч гектаров земли в собственности. А захочет — и весь район скупит. Дочь взяли на работу?

— Да. С первого захода.

— Видал? Вот это власть! Один звонок — и ты в дамках.

— Ну, давай к Рогову обратимся. Назовём его дворянином... Ему надо чем-то прикрывать своё прошлое.

— Банком он прикрывает! Понял? Чихать ему на прошлое. Он живёт настоящим.

— Ну, должен же он помогать...

— Никому и ничего он не должен... Это мы должны примкнуть к его мафии. Но там уже все места заняты.

Пришла Вера Степановна, принесла молодой картошки, поставила варить, затем принесла на диван к Антону, пошупала ладонью его лоб.

— Врача вызывал?

— Не нужен!

— Может, и не нужен, а хорошая медсестра нужна. Я уже позвала, это моя знакомая. Укольчик тебе сделает, температуру снимет.

— Вера Степановна!

— Ладно, ладно, не хорохорься.

— Опять приведёшь какую-нибудь...

— Не волнуйся, женщина очень порядочная. Почти как я. Да вот и она!

В дверь позвонили, Вера Степановна пошла открывать и вернулась с молодой женщиной лет тридцати. Это и была медсестра. На ней трещали короткие брюки, блузка на груди готова была лопнуть от натуги. Круглое лицо светилось добрейшей улыбкой, а губы, казалось, только что наполнились вишнёвым соком.

— Где наш больной? — пропела она.

И Антон почувствовал, как у него ослабела подруга, и по телу поползло живительное тепло. Он в жизни никогда не слышал такого голоса.

— Её зовут Маша, — сказала Вера Степановна. — Она самая лучшая медсестра в городе. А может быть, и во всей нашей необъятной России, — со смехом добавила она. — Я думаю, вы найдёте общий язык. Идём, Игорёк, не будем мешать выздоровлению. Маша! На плите картошка варится, выключишь... Я скоро приду.

— Ладно. Только не долго! У меня ещё пять больных.

Остался Антон один на один с медсестрой. Она делала всё неспешно, но ловко, быстро. По поводу температуры сказала:

— Тридцать семь с половиной — это ерунда. Конечно, дети переносят такую температуру легче. Разок я вас уколю. Придётся трусики приспустить, да не здесь, а сзади. Поворачивайтесь!

И не успел он охнуть, как она уже вытирала спиртом уколотое место.

— Вот так... А водку пить не нужно. Уж лучше сухое красное вино. Есть у вас?

— Нет, — отрезал Антон.

— Я схожу принесу, тут рядом магазин...

— Не нужно! — не мог же он сказать, что у него нет ни гроша в кармане.

Но Маша, по всей видимости, была хорошо проинформирована Верой Степановной.

— Кризис? — с улыбкой сказала она. — Ничего, потом отдадите. Мне пациенты хорошо платят.

Не дожидаясь согласия Антона, Маша выключила газ, воду сливать не стала:

— Пусть картошка дойдёт. Я мигом. Дверь не запирайте?

— Не нужно.

Не прошло и четверти часа, как возле дивана была поставлена

табуретка, в миске дымился картофель, на тарелочке лежало крупно нарезанное розовое сало, стояла открытая бутылка сухого «каберне» — по-народному огнетушитель и стояли два отмытых (в кои веки!) стакана.

— Ну, со знакомством? — сказала Маша.

— А это откуда? — Антон кивнул на сало.

— Из магазин! Горячая картошка с салом — что может быть вкуснее. Я белоруска. Росла в деревне.

— Я бы лучше встал, сел к столу, — сказал Антон. — Не так уж я и болен.

— Дорогой Антон! У вас ангина. И Вера правильно поступила, сварив картошку. Очень прогревает гланды. Ну, пейте вино. Немножко не повредит, это любой врач скажет.

И выпил, и съел картошки с салом, и под мерный говорок медсестры уснул Антон.

Проснулся, когда на улице было уже темно. За столом сидела Вера Степановна.

— Что я тебе говорила? Завтра будешь бегать.

— Ну ты и обер, Вера Степановна. Не голова, а Дом советов. Где ты её выкопала?

— Машу-то? Да мы сто лет общаемся! Моя соседка. Замечательная женщина. Вот такую бы тебе жену.

— Ну, ты уж сразу... Мне теперь, прежде чем жениться, нужно сто раз подумать.

— Это почему же?

— А потому... Я предводитель дворянства!

— Ты хоть мне голову не морочь! Дворянин отыскался... Приводи себя в порядок. Завтра заседать будем. Протокол учредительного собрания я написала и к документам приколола, а самого собрания ещё не было.

— С тобой, Вера, и загреметь не долго!

— А с тобою будем копать. Нужно ковать железо, пока горячо. Где твои парадные штаны? Давай я выглажу.

— Нет у меня парадных...

— Дожился... Предводитель... Да кто поверит? Ладно, от мужа остались, принесу утром. Серые, почти новые.

— Ещё чего придумай!

— И придумаю! Я пойду. Дома дел полно. Маша утром забежит, проведает тебя, штаны занесёт. Будь готов!

— Всегда готов, — вяло пошутил Антон.

Выключив свет после ухода Веры Степановны, он долго лежал в сумерках, иногда впадая в дрему, и тогда ему грезился дворец на берегу тихой речки, дощатая пристань, караси, которых ловили на удочку мальчишки. Антон с Машей сидели в лодке, которая легонько качалась на речной волне...

6

Считая самих организаторов, учредителей собралось семь человек. Вера Степановна нашла древнего старика со звучной фамилией Кутузов, столетнюю старуху с обычной русской фамилией Протасова, пришла ещё совсем молоденькая студентка Горбачёва и студент Пожарский.

Антон выступил с краткой речью о той роли, которую сыграло дворянство в истории государства Российского и о том, как много ещё работы впереди.

Перешли к прениям. Старуха Протасова, несмотря на почтенный возраст, была подвижна и имела зычный голос пропойцы.

Этим голосом она и спросила:

— Скажи, милоч, когда мне крышу поправят?

— Какую крышу? — оторопел Антон.

— Мою. Моего домика. Раньше в нём жил садовник. А когда наш дом отбирали, мой дед переселился к садовнику. Теперь я там живу. Домик-то ещё ничего, а крыша совсем худая. Теперь самое время покрыть бы железом.

— Простите, Ольга Сергеевна... — глядя в список, забормотал Антон. — Мы этим делом...

— Конечно займёмся! — перебила его Вера Степановна. — Обязательно сделаем вам новую крышу.

— ...и новое корыто, — добавил Пожарский.

Они с девушкой прыснули. Старуха шутку поняла, но не обиделась.

— У меня есть стиральная машинка. Ишь, насмешники нашлись! Ну, так что насчёт крыши?

— Ты погодь с крышей! — остановил её Кутузов. — Поясни, как будет с пенсией? Прибавят нам за дворянство? Деда наши жизни не жалели ради Отечества. Мой дед на Шипке стоял...

— Давайте сначала решим главные вопросы! — пытался Антон

направить разговор в нужное русло.

— Так это и есть главное! Коли власть возвращается, так надо всё вернуть трудовому дворянству! — провозгласила Протасова, которая, как потом выяснилось, ранее работала библиотекарем. — А чего попусту слова тратить.

— С чего вы взяли, что власть возвращается? — обеспокоенно, поглядывая на дверь, сказал Антон. — Власть как есть, так и будет. А мы просто пытаемся наладить наше содружество. Ну, к примеру, как у евреев. Чтобы помогать друг другу, устраивать всякие мероприятия...

— Балы! — вставила Горбачёва. — Вечеринки.

— Стриптиз, — саркастически добавил Пожарский.

— Заткнись! — отрезала девушка. — Всегда выпендриваешься.

— Фу, как вульгарно, — заметила старуха. — Так что будет с крышей?

— Сделаем! — заверил Антон. — Давайте перейдём к голосованию. Нам нужно избрать предводителя.

— А что тут думать? Конечно Вовика, — решительно сказал студентка.

— Какого ещё Вовика? — удивился Антон.

— А вот этого! — Горбачёва ткнула пальцем в Пожарского. — Владимир Георгиевич князь Пожарский собственной персоной! Молодой. Отличник учёбы. В этом году заканчивает университет.

— Давайте не будем хохмить! — остановила неожиданный поворот событий Вера Степановна. — Мы пригласили вас для серьёзного разговора. Нам нужен взрослый опытный руководитель организации областного масштаба. Губернский предводитель! Есть мнение, — она подняла палец к потолку, — рекомендовать Антона Сергеевича Епанчина.

— А, так у вас тут уже всё решено, — насмешливо сказала Горбачёва. — Так бы сразу и сказали. Пошли, Вовка.

— Идем, дорогая мадмуазель Горбачёва. Подадимся в детей бывшего генсека.

Молодые люди засмеялись и покинули собрание.

— Нахалы! — возмутилась Вера Степановна. — А у нас и чай приготовлен. Не уходите.

Через минуту на столе появился чайник, недорогие пирожные и конфеты.

Разговор стал более непринуждённый.

— Возвращать имения, конечно, никто не будет, — говорил Антон. — Но мы будем добиваться компенсации за те потери, которые понесли как наследники.

— Это бы хорошо, — сказал Кутузов. — Нужно собрать документы. Этим, наверное, и займётся ваша организация?

— Да, в скором времени! — заверила Вера Степановна.

— А крышу сделайте первым делом, — гнула своё старуха Протасова. — Я в газету напишу. Благодарность выскажу.

Чаепитие закончилось подписанием протокола, что было чистой формальностью, так как Вера Степановна давно его сама подписала и отправила по инстанциям.

Выпроводив учредителей, троица достала припасенную бутылку водки, колбасу и малосольные огурцы. Выпив и закусив, вытерли вспотевшие лбы и засмеялись.

— Так дело не пойдёт! — сделал вывод Антон. — Что-то мы не продумали.

— Конечно! — согласилась Вера Степановна. — Начинать нужно с добычи денег. Зубами вырывать их у жадных клиентов. А уж с деньгами жизнь пойдёт веселее.

— И что ты предлагаешь? — спросил Антон.

— Не сидеть сиднем! Действовать! Какое дело нынче самое прибыльное?

— Эстрада, — хмуро сказал Антон. — Всякие шоу.

— Верно. Эстрада рвёт деньжищи. К сожалению, петь мы не сможем. Но есть ещё печать.

— Хо! Сказанули. Да ни одна газета теперь не платит гонорара. За книги не платят!

— Смотря за какие. А мы выпустим книгу «200 лучших фамилий губернии». Что ты на это скажешь?

— Угу... И кто её купит? Кому она нужна?

— А те купят, о ком мы напишем. Притом, заплатят авансом.

Мужчины заинтересованно посмотрели на Веру Степановну, даже перестали хрустеть огурцами. Новоявленный Бендер в юбке произвел впечатление на уровне сексуального.

— Готовься! Довольно симулировать болезнь! — твёрдо сказала она Антону. — Утром делаем первый удар!

И действительно, утром она пришла к Антону, сама повязала ему галстук, выстригла из ушей волосы.

— Вот так вроде бы похож на дворянина. Едем на завод резино-

во-технических изделий.

— Закажем партию презервативов? — саркастически спросил Антон.

— Противогаз тебе закажем! Чтобы никто не видел твою унылую физиономию. Распрями плечи! Голову подними. Улыбку сделай, по-американски. Перестраивай свою жизнь и свой внешний облик.

— И ты хочешь Портоса записать в эту книгу?

— Какого Портоса?

— Ну, директора резинки. Это его кличка. А вообще-то фамилия Зайцев. Ты знаешь сколько раз он был женат?

— И что с того? Об этом не обязательно сообщать лысогорскому обывателю, — возразила Вера Степановна. — Он видный мужчина.

— Конечно! Центнера полтора.

— Тем более — ему одной бабы мало.

— Он в Сочи дом построил!

— Молодец! Тебе завидно?

— Да, завидно. Мне негде украсть.

— Слушай! А давай сразу обратимся к Рогову. За ним потянутесь и все остальные деятели! — воскликнула Вера Степановна.

— Рогов? Ты что? — возмутился Антон. — На нём же ни одного светлого пятна.

— А ты его почисти, поскобли, на то ты и писатель.

— Нет, ты уж меня на крайности не толкай, дорогая Вера. Уж я-то хоть маленькую, но совесть имею.

— Получается, что у нас и людей порядочных нет? — спросила Вера Степановна.

— Есть, но они бедные. А что о бедном человеке напишешь, даже если он и очень умный? Умом в магазине не расплачиваются.

— Ладно, Антоша, ты затеял эту кутерьму, ты и выкручивайся. А я подоткну подол и стану лестницы мыть. Может, какой мужик и клонет на мою задницу.

— Или клонет или плюнет, — грубо съязвил Антон.

Вера Степановна обиделась и ушла.

Антон доел остатки колбасы и с грустью убедился, что холодильник пуст.

Какая песня без баяна, какая повесть без любви? Не нужно пояснять догадливому читателю, что дальше речь пойдёт об отноше-

ниях Антона и Маши. Они стремительно развивались и, конечно же, вошли в постельную стадию. Маша всё чаще оставалась ночевать у Антона. В её кудрявой голове даже зародились планы завершения их отношений в загсе, чего она не скрывала от возлюбленного и на что тот ей отвечал:

— Маша! Я тебя люблю. Слов нет. Но брак с тобою невозможен! Ещё полгода назад я бы пошёл за счастье. Но теперь... Ты пойми — я предводитель губернского дворянства. Дворянин! Барин! Как на это посмотрят мои собратья? Женился на простой... женщине.

— На дворовой девке, да? Барин! Гроша ломанного в кармане не имеешь, а туда же — в аристократы подался.

— Будут деньги! Я чую нюхом — будут! Ты погоди немного. Мы что-нибудь придумаем в отношении тебя. Твоя фамилия как?

— Вишневская.

— Нейтральная... Но мы выведем куда-нибудь кривую, сделаем и тебя дворянкой.

— Да не нуждаюсь я в этом! Иди ты...

Маша, возмущённая, вскочила с постели и начала одеваться. А что значит современной женщине одеться-раздеться? Три секунды: трусики, джинсы, блузка.

Но и этих секунд хватило на то, чтобы Антон разглядел на расстоянии то, что ещё недавно обнимал. Аристократические амбиции отошли на задний план, он вскочил, заключил Машу в объятия и уволок обратно в постель. Они со смехом барахтались, затем угомонились, отдыхали и мирно беседовали.

— В конце концов, мы можем и так просто, в гражданском браке жить, — говорил Антон. — вот был Герцен... Слышала о таком писателе?

— Ну и что?

— Он родился от гувернантки. У помещика была гувернантка. Он её охмурил. У них родился мальчик. И ему дали фамилию Герцен. По-немецки герц — значит сердце. Дитя любви.

— Ясно куда ты клонишь... Сам женишься на графине, а я буду тебе герценов рожать. Спасибо.

— Не спеши с выводами... Мы с тобою ещё по заграницам поездим. Английская королева будет принимать!

— Скажешь тоже!

— А что? Губернский предводитель! Его превосходительство!

— Знакомых будет у тебя — миллион! И всех угощать надо. Придётся купить большой холодильник.

— Глупая! У нас будет дворец. Выстроим в центре города. И при дворце заведу оранжерею. Круглый год, даже зимой, буду выращивать астры и тюльпаны.

— А почему именно астры?

— Люблю!

— Ладно. Пусть. А я буду продавать их.

— Вот сразу и видно плебейку! Торговать! Ещё придумай семечки продавать.

— Ну и что? Цветами не стыдно торговать. Чистая, культурная работа.

— Мы цветами украсим весь дом, то есть дворец. К нам будут приезжать из заграници дворяне-эмигранты. Графья, князья... А мы им — цветочки в январе...

— А куда они будут приезжать?

— То есть? В город, ко мне...

— А вот сейчас? Ты уже в газетах кукарекнул про дворян, они и станут сюда тянуться. У тебя же офиса нет!

— Да, Маша, тут ты права... Офис... Ты права... Ох, сколько забот привалило. А самое обидное — мне пособие по безработице перестали выдавать. Говорят, что я работаю, открыл своё дело — дворянское собрание.

— Они правы. Ну, я побежала, мне пора на дежурство. Вот, сотенку могу тебе подкинуть. Ладно, бери две. Я добрая.

— Маша... Я расплачусь бриллиантами!

— Буду ждать! Хорошенько шею отмою для бриллиантового кольца.

Имея в кармане две сотни, полученные от «дворовой девки», Антон смелее вышел на улицу. Ноги занесли его в пиццерию, где он взял пива и порцию пиццы, являвшую собой кусок блина с налёком ветчины и помидоров. А пиво было натуральное, местное, прохладное и горьковатое. Он отпивал глоточками и поглядывал на серо-зелёное здание, располагавшееся на другой стороне улицы. Ещё недавно здесь располагался областной комитет компартии. У входа стояли милиционеры. Из подъезжавших автомобилей вываливались толстячки в двубортных костюмах, вытирали потные затылки, брали подмышки папку и торопливо бросались к тяжёлым дверям, которые заглатывали их со стуком подвешенной к ним

гири, которая служила закрывающим устройством. (Техника в то время была фантастической!)

Теперь здесь находится администрация Сельскохозяйственной Академии. А раньше, раньше, ещё до ТОГО...? А до ТОГО, до революции, до того, как скинули батюшку царя, здесь и было дворянское собрание. Вот оно, родимое! Сверкали люстры, бряцали шпоры, весело блестели аксельбанты, щебетали барышни, в кабинетах играли в карты и проигрывали состояния... Шла жизнь, а не это мелкое прозябание, когда на пиво приходится брать у дворовой девки.

Хорошее зданьице! Вот такое бы оттяпать у Академии. Что с ним делать? Найдём. Ноги понесли Антона к Полуэктову, юрисконсульту той фирмы, где он работал когда-то.

Юрист Полуэктов являл собою маленького, присохшего, одноглазого старика неопределённых лет: может, семьдесят, а может, девяносто. Ранее он крепко запивал, три раза, а может и больше, женился, и жёны уходили от него по причине запоев. А как юрист он был виртуоз, он играл законами как на скрипке.

Эдуард Платонович был кристально трезв. Выслушав своего молодого друга, он сказал уверенно:

— Дело мы не выиграем, но нервы потрепдем здорово. И может быть, даже отхватим у них комнату тебе под офис. Можно было бы выиграть, но кишка тонковата: у нас нет денег.

— Да, денег нет... — согласился Антон.

— Поэтому ты ко мне и пришёл! — засмеялся Полуэктов. — Ладно, когда-нибудь покатаешь на рысаках. Помещик! — насмешливо добавил он.

— Эдуард Платонович, даю слово, что оплачу ваши услуги в ближайшее время.

— Поставишь бутылку. Знаю. У русского человека это как эталон расплаты: бутылка.

Полуэктов говорил, а сам в это время одевался. Прежде всего, конечно, он соскоблил свою недельную небритость. Надел почти чистую чёрную рубашку, а к ней клетчатый светлый галстук, вынул из старинного фанерного шкафа не менее старинный двубортный серый костюм. И вот он — адвокат высшего класса — готов к сражению.

— Ты хоть знаешь, к кому мы идём? — спросил Полуэктов.

— Пока не знаю.

— Мы идём к ректору Академии, к самому господину Быку.

— Да, у него фамилия другая, Эдуард...

— Знаю! Фамилия у него Росляков. А Бык — это кличка, которую он получил, будучи ещё председателем колхоза. Он прёт напролом! Поэтому я и спросил, знаешь ли ты, к какому человеку мы идём. Он Академией управляет, как колхозом.

— Интересно: из председателей в ректоры! — изумился Антон.

— Да, такой это человек. В своё время он учился в Академии на экономическом факультете вместе с Носовым. Носов защитился, стал ректором, а Росляков подался в колхоз. Но грыз червь неполноценности, очень хотелось тоже стать кандидатом наук. Загрузил он машину всяческой колхозной провизией и прибыл к старому другу. Так, мол, и так — выручай. А тот к делу отнёсся с юмором. Вызвал заведующего кафедрой экономики и дал команду: подготовьте диссертацию. Так и появился кандидат около хозяйственных наук, как писал один юморист. Но дальше! Ты ведь знаешь, что колхозы разогнали. Ой дураки, ой дураки! — не удержался от восклицания Полуэктов.

Они уже шагали по центральной улице города, прохожие оглядывались на них.

— Ты не так громко, — поостерёг товарища Антон.

— А что я сказал? Конечно, дураки, потому что нельзя было выпускать вожжи из рук. Сразу телега разбилась.

— Ты ближе к делу!

— Хорошо... Росляков не дурак. Он приватизировал всю колхозную технику. И мастерскую в придачу! Но всё это ерунда. Ему, как пушкинской старухе, захотелось, чтобы ему золотая рыбка прислуживала. Захотелось стать учёным. За деньги, Антон, всё можно! Взял его приятель в Академию. Ха! Дурачок! — снова воскликнул Полуэктов. — Не прошло и года, как Бык скинул его. Как? Очень просто. Зная, что его друг любит взятки, подловил его на этом моменте и направил милицию. Взяли ректора с поличным! А дальше денежки довершили дело, избрали Рослякова ректором... Вскоре защитил он докторскую. Стал профессором. Скоро будет академиком. Вот человек, к которому мы идём. Понял?

— Может, ну его к лешему? — засомневался Антон.

— Нет, дорогой мой! Дело принципа! Я юрист! — старичок даже подпрыгнул в предвкушении схватки с легендарным Быком.

Антон покорно втянул голову в плечи и вышагивал рядом. Отступать было поздно.

В приёмной ректора было уныло-тихо. Только иногда всхрапывал парень богатырского телосложения, сидящий в углу на стуле. Он был из числа охраны, которая буквально кишела в коридорах Академии.

Антон с Полуэктовым скромненько примостились на пустых стульях у входа. Секретарша покосилась на них, но ничего не сказала и продолжала что-то выискивать в компьютере. И тут раздался хриплый голос из динамика:

— Эмма! Это что за придурки пожаловали?

— Я думала — по вызову, Виктор Павлович. Вы по какому вопросу, господа? — обратилась секретарша к нашим дворянам.

— Мы... Мы насчёт помещения, — промямлил Антон.

— Гони их...! — рявкнул ректор. — И больше такую шваль на порог не пускай.

— Слушаюсь, Виктор Павлович, не доглядела, извините. Господа, прошу покинуть приёмную!

— Мы из дворянского собрания! — наконец обрёл дар речи Антон.

— Откуда? — усмехнулся голос в динамике.

— Из дворянского собрания! — задиристо повторил Антон. — Я предводитель, а это наш юрист.

— Дворянского собрания? Ну... мать! До чего докатились. Эмма, впусти этих детей лейтенанта Шмидта! Интересно послушать!

Антон и Эдуард Платонович, подталкивая друг друга, ступили в кабинет, равный футбольному полю. За массивным столом восседал в дубовом кресле старинной работы плотный человек с бандитской физиономией. Перед ним стоял монитор, посредством которого он и общался с приёмной.

— Господа дворяне?! — глумливо хохотнул хозяин кабинета. — С чем пожаловали?

— Мы уполномочены заявить, что Академия незаконно владеет этим зданием! — сходу по-петушиному бойко заявил Полуэктов.

— Вот как? — с весёлым любопытством разглядывая посетителей, воскликнул ректор. — И на основе чего сделаны такие выводы?

— А на основе чего вы занимаете это здание?

— Гм... Нам дали, мы и занимаем! — слегка опешил ректор.

— У вас есть документ? Свидетельство о собственности? — задиристо продолжил Полуэктов. — Это здание до 1917 года принадлежало губернскому дворянству. В нем размещалась дворянское собрание. Затем сюда вселили ВЧК. Где имеется документ о том, что здание национализировано?

— Гм... Может быть, и нет такого документа, — слегка озадаченно согласился ректор. — Ну и что?

— А то, что настоящий владелец вот он, перед вами — Антон Сергеевич Епанчин, столбовой дворянин, а ныне предводитель губернских дворян...

— Идите, ребята, к... матери! — миролюбиво сказал ректор. — Бог подаст!

— Нет, вы нам предъявите документы! — петушился Полуэктов.

— Сейчас покажу, — сказал ректор, поднимаясь.

Был он невысок, но кряжист и впрямь чем-то напоминал Быка. Он подошел к Полуэктову, взял его за шкурку, поднял перед собой и понес к выходу. Ногою пнув дверь, он крикнул:

— Охрана! Надавать этим дворянам п...лей и вышвырнуть за ворота!

Напоследок он лягнул ногою и предводителя. Ошалелые, они пришли в себя за железной оградой Академии.

— Возымело! — весело отряхиваясь, сказал Полуэктов. — Понял, что наши позиции сильны.

— Очень понял! — хмыкнул Антон. — Вот я понял, что ничего мы ему не сделаем.

— Сделаем! На это есть суд! Поднимем на ноги прессу, общественность! Придадим мировую огласку! — не унимался побитый юрист. — Посмотришь, мы выиграем процесс.

В маленьком и высушенном Полуэктове таилась громадная энергия. Пару дней он побегал по редакциям и вскоре газеты зашелестели сообщениями о конфликте старого и нового, о произволе ректора. Это было уже не шуточное дело, которое грозило перерасти в уголовное.

Антон разыскал представитель Академии и предложил мировую: дворянство прекращает лаять в газетах, а Академия выделяет две комнаты дворянству для своей благородной работы во славу Отечества. Полуэктов настаивал не соглашаться, но Антон предпочел синицу в руках. Это и так было неслыханной удачей.

Две комнатки ютились с тыльной стороны здания и служили,

очевидно, складом инвентаря.

Но все равно это было уже что-то весомое. А тут ещё из-за рубежа пришёл на счёт собрания солидный валютный перевод. Вера Степановна, ставшая сразу бухгалтером, сняла со счёта несколько зелёных банкнот, сложила их веером и помахала перед носом предводителя.

— Видал, Антон Сергеевич? Заграница нам помогает. Действуй и дальше так же решительно!

— Тебе легко говорить, а я, можно сказать, жизнью рискую.

— Подумаешь: разок по морде схлопотал!

— Меня, дворянина!..

— Заткнись. Давай заниматься делом. Ты думаешь, что много найдётся дураков, которые будут присылать нам доллары? Их клепать нужно здесь, в России.

— Ты права, Вера Степановна. Будем издавать книгу «Сто лучших фамилий».

— Правильно. И современно, и денежно. Прославлять всех, кто деньги платит!

— Циничная ты женщина, Вера!

— С вами, мужиками, станешь такой... У вас на уме только пьянка, бабы и матерщина...

— Ты чего городишь?

— Не так, скажешь? На какой хрен ты затеял всю эту возню с дворянами? Чтобы денежки выколачивать. Водку жрать... Вон Машка какая девушка! И при деле, и при теле, как говорится. А ты нос воротишь...

— Она замуж стремиться!

— Каждая женщина хочет иметь семью!

— Не пара она... Я всё же... Что скажут дворяне? Женился на девке. Мы должны возрождать традиции...

— Антон! Вякаешь ты несуряцицу. Какую дворянку ты собираешься искать? Найди хоть просто порядочную девицу... Вот она — Маша, и есть такая.

— Вы договорились окрутить меня!

— Иди ты...! — Вера Степановна выразилась, плюнула с досады и ушла.

Антон остался один. Надвигались сумерки, время стояло предосеннее и потому было как-то по особенному скверно — одиноко. С шумом открылась дверь и показался мужик с клунком за плечами.

— Тут, что ли, живёт предводитель? — раздался могучий голос лесного лешего.

— А вам что, собственно...

— Да мне он и нужен! Это ты, наверное, Епанчин?

— Ну, я...

— А я Ушаков. Потомок флотоводца. Наум Ушаков.

Вошедший бросил клунок у двери и пояснил:

— Здесь картошка. Ну, и кусок сала прихватил. Давай знакомит-ся, — гость протянул широченную ладонь и крепко, до боли сжал руку Антона. — Дворянин Ушаков. По прямой линии. Прибыл на службу.

— На какую службу?

— Ну как же? Ты собираешь дворян. Ополчение, так сказать. Вот я с харчами и прибыл.

— Какое ополчение? — опешил Антон, схватившись за голову.

— Так пойдём бить большевиков! — не унимался Ушаков. — Хватит, попили народной кровушки.

— Каких большевиков? Где ты их видишь? И вообще, кто ты такой?

— В настоящее время я просто сельский житель. Можно сказать — безработный. В колхозе был «куда пошлют». А теперь, когда началось возрождение России, надеюсь вернуть себе дворянские права. У меня там, в мешке, обрез и две гранаты. Обрез сохранился ещё с Гражданской, с Антоновщины. Не удалось тогда задавить большевиков, так мы теперь с ними поквитаемся.

Антон с опаской смотрел на гостя: нормальный он или не совсем? Как бы не открыл пальбу из своего обреза прямо здесь.

— Дорогой господин Ушаков... Вы немного в заблуждении, — начал тихо и по возможности спокойно Антон. — Мы не собираем-ся воевать...

— Так, господин предводитель... Я тоже кое-что понимаю в конспирации. Не бойся, трубить на всю ивановскую не стану. А бить их, большевиков, надо...

— Да нету их, большевиков!

— Как нету? Куда бы они в одночасье подевались? Как сидели на тёплых местах, так и сидят. Начнём с самого верха...

— Не надо! — остановил Антон.

— Не буду. Начнём снизу. У нас в районе глава администрации — бывший секретарь райкома. Директор сбербанка — председа-

тель райисполкома. Ресторан открыл бывший председатель райпотребсоюза. Куда ни кинь — везде они. Давить надо гадов! Как пили народную кровушку, так и пьют. Сложный вопрос, предводитель. Тебя как зовут?

— Антон... Сергеевич.

— Давай по-простому, без всяких отчеств. У меня там, в мешке, есть бутылочка самогона. Первака! Ну и сало... Стаканы найдутся? Давай подзакусим. Я у тебя, брат Антон, заночую. Диван, вижу, есть. Да я и на полу могу. Нам не привыкать. Мы люди сельские.

Наум говорил громко, уверенно, и можно было предположить, что он собирается расположиться здесь надолго.

— Я временно живу один, — замямлил Антон. — Но на днях приезжает мама. Она женщина больная...

— А, ты в этом смысле? Не волнуйся. Я видел, во дворе у тебя сарайчик стоит. Вот и прекрасно! Даже лучше. Признаться, я сильно храплю.

За разговором Наум достал бутылку, сало, пару яиц, лук, они налили, чокнулись и начали трапезу.

Храпел Наум действительно громче иерехонской трубы. Это была какая-то какофония звуков. Дрожали стёкла. От вибрации свалилась настольная лампа.

Антон встал, потрогал гостя за плечо, тот повернулся на другой бок и захрапел пуще прежнего. От него шёл несвежий запах деревенской избы, сарая, лука, самогона и ещё неизвестно чего. Антон открыл все двери и окна. В доме стало холодно, но запахи не исчезли.

Стоило огромного труда на следующий день выпроводить ново-явленного столбового дворянина восвояси домой.

— При первой необходимости вызывай! — на прощание сказал Наум. — Приеду, подмогну. У меня ещё и винтовка припасена.

— Вызову, — пообещал Антон.

Днём забежала Маша, широкими ноздрями вобрала в себя воздух и спросила:

— Ты что, кроликов развёл?

— Почему кроликов?

— Потому что от них стоит такой запах.

— Обычный дворянский запах! — засмеялся Антон и рассказал о ночном госте.

— Смотри, как бы тебе вшей не завезли! — постерегла Маша.

— И вообще... Наживёшь себе врагов. Читал, что пишут про тебя?

- Где? Я уже года два не читаю газет.
- На, почитай, — Маша достала из сумки сложенную газету «Лысогорская жизнь». Известный местный писатель Лозовский задавался вопросом: «С кем вы, господа дворяне?» С крестьянской простотой он писал о том, что недобитая в своё время дворянская сволочь начинает вылезать из разных щелей. Тунеядцы типа А. Епанчина делают бизнес на истории святой Руси. И т. д.
- Прекрасно! Пусть пишут, — сказал Антон. — Это подогреет интерес публики.
- А мне стыдно, — сказала Маша.
- Почему тебе стыдно? — удивился Антон.
- Ну... Мы же с тобою... В общем, все знают...
- Мы с тобой никто! — прямо взвился Антон. — Никто!
- Никто! Спим вместе — это никто?
- Ну и что? Это ещё не повод...
- Ах так... Ну ладно. Прощайте, господин предводитель. Больше вы меня не увидите.
- Не велика потеря!
- Негодяй ты, вот что. Ещё пожалеешь.
- Ой, ой... Извините, графиня Вишневецкая! — язвительно сказал Антон. — Я вас чем-то обидел?
- Хамством! И к вашему сведению, самозванный дворянин Епанчин, моя фамилия Вишневецкая.
- Это что за фантазия?
- Да. Недавно мне сообщили в милиции. Меня разыскивает Интерпол.
- Во! И что же вы натворили, графиня?
- Связалась с авантюристом! Так что сидеть будем вместе. Сказала это Маша и ушла.

Бурная жизнь закипела вокруг Антона Епанчина. Журналисты буквально ловили его за рукав: дай интервью! Писали всяческие небылицы.

В один из дней в офис явились два амбала.

— Мы из спортивного союза. Собираем средства на проведение Олимпиады. Отстегни, дорогой предводитель, пять тонн.

— Какой союз? Какие тонны?

— Ха! Не понимаешь. Вывезем за город — там всё поймёшь. Мы тебя предупредили. Придём через три дня. Чтобы доллары были готовы.

Парни, поигрывая плечами, неспешно удалились.

Прибежал Игорь Самохвалов.

— Всё, дорогой Антон! Я не я и хата не моя. Дело пахнет керосином. На кой хрен мне это дворянство! Вычёркивай меня из списков.

— Да в чём дело?

— Не знаешь? — ехидно сказал Игорь. — А Машку зачем вызывали в милицию? Почему ею заинтересовался Интерпол?

— Поди да спроси у неё!

— Сам спрашивай. Я думаю, нас подозревают в торговле наркотиками. А это знаешь... Так что прощай, предводитель

— Иди ты...

Все покидали Антона. Долше всех держалась Вера Степановна. Она-то и сообщила ему сногшибательную новость:

— Ты знаешь, зачем Машку разыскивает Интерпол? Эх, Антоша... Оказывается, она живёт под другой фамилией.

— Ну и что?

— А то, что её фамилия Вешневская!

— Дальше что?

— Дед её был польским князем. Оставил громадное наследство в Бельгии. Наследников нет. Вот Интерпол её и разыскал. Так что у Машки теперь миллиарды долларов. Понял? Голова садовая! А ты как с нею обошёлся? Теперь кусай локти.

Антон Епанчин был в отчаянии. Он потерял Машу, к которой привязался и которую почти полюбил. По своей дурасти он считал себя выше неё, а оказалось, что она-то и есть настоящая дворянка, княжна. Но кроме всего прочего — состояние! Счастье было так близко. Дом с колоннами, озеро с лебедями, парк, в котором можно стрелять диких голубей — всё это уплыло от него в один миг...

Да, надо мириться с нею, надо упасть к её ногам... Но не примет его Маша, он её предал. Всё рухнуло, вся его авантюра провалилась...

И всё же надо попробовать. Антон надел чистую рубашку, подвернул рукава, чтобы скрыть обтрёпанные манжеты, брызнул дезодорантом подмышками.

В это время в дверь постучали, он крикнул:

— Открыто!

На пороге появился бородатый мужик внушительного вида, чёрный, с выпученными глазами и выпирающим животом.

— Здорово, сынок!

— Тебе чего? — без особой злости спросил Антон.

— Говорю: здорово, сынок!

— Ну, здорово. А дальше что?

— Я твой отец, не понял, что ли?

— Какой ещё отец?

— Ну, родитель твой. Отец, одним словом.

Цыган, а это был именно цыган, Антон сразу понял, прошёл к Антону, расставил руки для объятий, но Антон остановил его.

— Погоди, дядя! Это если каждый цыган будет заходить сюда...

— Да отец же я твой! Отец. Прости, сынок. Уехал за рублём на Сахалин и застрял там, не подавал вестей. А мама где?

— Уехала в Киев за долларами, — вздохнув, сказал Антон. — Я тебя не ждал.

— Это понятно. Столько лет прошло.

— Но я не думал, что ты...

— Цыган? Какая разница? Я отец! Святое дело — родитель.

— Иди ты... Всю обедню мне портишь! Ты всё мне портишь! — заорал наконец в отчаянии Антон. — жил я без тебя и ещё прожил бы сто лет. На кой ты появился?

— Я не с пустыми руками. Ты не думай, я на твой хлеб не рассчитываю. У меня есть деньги. Я другой семьи не завёл. Всё будет твоё. Дом построим...

— Дом... Ты всё рассчитал. А меня принял во внимание? Мою жизнь? Завтра весь Лысогорск затрубит, что отец у меня — цыган!

— Ну и что? Ты же родился при советской власти. У нас все люди равны. Постыдился бы, сынок...

— Ты сломал всю мою жизнь! И напоследок добил своим приездом. Тебе этого не понять. Где теперь моё дворянство? Весь город будет потешаться надо мной.

— Какое дворянство? Растолкуй мне.

Антон собрался с силами и рассказал. Отец призадумался.

— Ладно, — сказал он. — Дело к ночи. Утро вечера мудренее. Брось мне на пол одеяло, я посплю.

— Это тебе не табор. Вон свободный диван. Сейчас постелю.

Антон достал простынь, подушку, одеяло — всё честь по чести. Согрел чайник, они попили чаю. Сын всё присматривался к отцу и

находил общие черты. Бывают же повороты судьбы! Ведь всё так хорошо настраивалось...

Уснул цыган быстро. Антон же долго бодрствовал, ворочался, вздыхал...

Утром он обнаружил, что постель на диване пуста. Антон подождал, думая что отец, очевидно, вышел в туалет, но и вещей не было в комнате. Наконец он увидел на постели газетный свёрток, взял его, развернул — в нём были деньги. Много, очень много денег крупными купюрами. Больше ничего, даже записки не оставил отец. Да, отец — всегда отец, а он, Антон, в который раз поступил подло. Жить надо иначе. Однако в Лысогорске ему оставаться невозможно. Рано или поздно, о происхождении его станет известно горожанам. Засмеют.

Антон собрал свои нехитрые пожитки, сложил в примитивный чемодан, валявшийся под кроватью, повесил на входную дверь замок, перекрестился, глядя на золотой шпиль Успенского собора, и пошёл пешком к вокзалу. До отхода московского поезда оставалась четверть часа. Он подошёл к кассе, взял билет. Занятый своими мыслями, он не видел, как следом за ним к кассе подошла Маша и тоже взяла билет.

Вагон был наполовину пуст. Конечно, цена билета в спальный вагон играла роль. Но и просто так ездить в Москву за колбасой или джинсами горожане перестали. Всё стало возможным купить на месте.

Он сидел один на мягком диване.

Вдруг дверь отъехала в сторону и в проёме встала Маша.

Она без удивления взглянула на попутчика, кинула сумку на пустой диван и села напротив Антона.

Они долго смотрели друг на друга. Затем улыбнулись. А через мгновение стали хохотать, да так громко, что появилась проводница. Глядя на смеющуюся парочку, она улыбнулась и закрыла дверь.

Поезд плавно проезжал мимо вокзала...

...Они уехали. А в это время в небольшой кафешке в привокзальном закоулке застрелился пожилой цыган.

Анатолий ЛОБОЦКИЙ

ЧЕЛОВЕК ИЗ МИНИСТЕРСТВА

Рассказ

О скором приезде человека из Минкультуры России я узнал от Клавдии Владимировны, инспектора по кадрам. Она с трудом открыла нашу тяжёлую, в три человеческих роста, дверь, оглядела поверх очков комнату, где, кроме меня, располагались три методиста и, увидев посетителей, медленно затворила её. В течение получаса это повторилось дважды, и сигнал мною был принят.

Облисполком размещался в дореволюционном присутственном здании. Широкая лестница вела из хмурого вестибюля в светлые паркетные коридоры второго и третьего этажей, куда выходили двери кабинетов, приёмных и канцелярий. О, эти огромные помещения с высоченными потолками! Там когда-то скрипели перьями за столами или сновали взад-вперёд люди в потёртых вицмундирах с картонными папками подмышками. Какой малостью, думаю, ощущал там себя даже купец или небогатый дворянин, переступив порог комнаты поистине вокзального простора.

Анатолий Наполеонович Лобоцкий — один из старейших журналистов Тамбовщины, много лет проработал заместителем главного редактора областной газеты «Тамбовская правда» («Тамбовская жизнь»).

Он публиковался в журнале «Москва», автор изданных в Воронеже сборников документальной прозы «Бой без выстрела», «Их знали немногие», «По следу "Главного"».

Несколько лет назад в Тамбове вышла книга А. Лобоцкого «Я слышу благовест...», вызвавшая большой интерес у читателей.

И только что вышла его новая книга — «Азорские острова».

Советская власть, чтобы разместить все свои управления, отделы, подотделы, секторы, группы, комиссии и подкомиссии, вынуждена была разрезать на части великолепный присутственный пирог и возвести множество перегородок. Получились разной величины, но одинаково уходящие в неведомую высь кабинеты и комнаты, у многих из которых одна новая стена, дощатая и шаткая, была снабжена дверью.

В такую дверь и постучал я деликатно костяшками пальцев в ответ на знаки Клавдии Владимировны. Английский замок, проскрежегав, впустил меня и тут же защёлкнулся.

— Садитесь, — бесцветным голосом предложила хозяйка комнатушки, слабо освещённой амбразурой доставшейся ей части окна.

Здесь надо пояснить ситуацию, которая для тех времен была обычной. Должность моя именовалась так: «начальник отдела культурно-просветительной работы — заместитель начальника управления культуры». Следовательно, по положению ваш покорный слуга был вторым человеком в департаменте, а Клавдия Владимировна входила в число восьми или десяти инспекторов. Но в те годы кадровик, который, как правило, заведовал секретной частью, обладал особым положением и весом.

Я устроился на стуле в неудобной позе сбоку письменного стола, подобрав ноги и подтянув плечи, чтобы меньше занимать места в секретной каморке, и весь обратился в слух.

Клавдия Владимировна, которую мы за глаза называли Надеждой Константиновной, — и она действительно напоминала Крупскую 20-х годов, — не торопилась. Некоторое время, склонившись над столом, переключивалась с места на место бумаги... Наконец, глядя вниз и в сторону, будто отыскивая на полу уроненную копейку, кашлянула и сказала вполголоса:

— Считаю необходимым проинформировать... Кха! Вам Леонид Семёнович ещё не говорил? К нам едет инспектор Министерства культуры.

Предупреждая вопрос, тут же добавила:

— По вашему ведомству.

Мое ведомство — клубы, Дома культуры, библиотеки, музеи. Ну и художественная самодеятельность во всём её многообразии с Домом народного творчества во главе.

Жаль, что дальнейшую нашу с Клавдией Владимировной пантомиму никто не видел и не оценил. Заместитель начальника бла-

годарно приложил ладони к сердцу. Секретная часть, бросив взгляд поверх очков, медленно покачала головой. Он встал почти по стойке «смирно» и развёл руки, насколько позволяли выдвижные ящики с биографическими данными и массивный сейф, сиявший в полутьме поворотной, похожей на пестик ручкой. Смысл мимической сцены был такой: «Очень, очень признателен за сообщение». — «Вообще-то я не должна была говорить вам об инспекторе, это мне — кха! — никто не поручал...» — «Что вы, Клавдия Владимировна, как можно! Конечно же, никому и никогда — ни словечка. Благодарю за доброе отношение».

Возвратившись к себе, принялся обдумывать ситуацию, но вскоре оставил это занятие. К тому времени я уже поднаторел в своём заместительстве и проверки из Министерства не очень-то опасался. Впрочем, там могло быть и какое-то неприятное для нас спецзадание, скажем, по жалобе. А так — что увидит у нас инспектор? То же, что и на просторах всего Центра России: неухоженные саманные или бревенчатые клубы, где то и дело меняются работники; вполне сносные библиотеки с достаточным книжным фондом и неплохими кадрами. В одном месте дела идут хорошо, в другом — хуже, а где-то и вовсе плохо, клуб на замке... Нам, управленцам, не человека из Министерства надо бояться, нет! Он приедет и уедет, а всё как было — так и останется. Опасаться следует, чтобы один из 688 клубов вдруг не рухнул от ветхости, такое прогремит на всю губернию. Но даже не здесь, как говаривали в старину, главная причина. Человеческие жертвы — вот настоящая беда!

Начальник управления пригласил к себе через секретаршу только во второй половине дня. Природа сконструировала Леонида Семёновича на особый манер: роста он был небольшого, руки и ноги имел мальчуковые, а вот лицо, высокий с залысинами лоб, да и вся голова смотрелись непропорционально крупными. Но всё это обнаруживалось, когда шеф мой надумывал пройтись по кабинету; в кресле же он выглядел внушительно и был вполне пропорционален своему массивному столу.

— К нам едет ревизор, — произнёс со страдальческой улыбкой Леонид Семёнович, и было непонятно — вызвана она огорчением от звонка из столицы или очередным приступом холецистита.

Я молча и очень внимательно смотрел на начальство.

— По вашей епархии! — продолжал он; в голосе переливалась красками сложная смесь чувств: от некоторого облегчения до едва

обозначенного злорадства.

— Характер задания?

— Говорит, общее знакомство с положением дел.

На этот раз интонация походила на слышанную однажды от пожилой ревнивицы; о муже своём, крепком ещё старике, отзывалась так: «Говорит в церковь пошёл, а там кто его знает... На прошлой неделе тоже, вроде из храма возвратился, а на рубахе капля красная. От бычков в томате».

Мне это «общее знакомство» совсем не понравилось, загадки нам ни к чему.

— Подготовить для вас какие-то материалы?

Леонид Семёнович приложил к губам сложенный в дудку кулачок, но не кашлянул, как собирался, а сказал в него со значительной гулкостью:

— Мне поручено выступить на сессии облсовета. Займитесь гостем сами, — и чтобы не осталось малейшей неясности, добавил:

— Возьмите его полностью на себя.

Это означало, что сам начальник управления даст человеку из Министерства две короткие аудиенции — по прибытии и перед возвращением в Москву.

Гость наш, Владлен Игнатьевич Крестьянинов, оказался высоким костлявым человеком лет сорока двух с жёлтым лицом и гипнотическим взглядом следователя прокуратуры. Одет в голубую тенниску с красным галстуком, светлые брюки; серый пиджак перекинут через руку. Всё вместе, если прибавить ещё льняные с легкой проседью волосы и стальные коронки зубов, делало его похожим на тренера провинциальной футбольной команды или её администратора.

Весь путь наш по коридорам власти — от кабинета начальника до моей дореволюционной двери — он прошёл в глубоком молчании. Переступив порог нашей густонаселённой комнаты, окинул всё скептическим взором и, ставя на стол портфель, веско заметил:

— Надо понимать, начальник управления не желает заниматься вплотную ответственным сотрудником Министерства культуры и сбавил меня вам. Очень интересно! Весьма!

Усадив гостя за свой стол, я извинился и направился договариваться о транспорте для поездки по районам. Толкнув плечом дверь, оглянулся. Крестьянинов сидел боком к столу и глядел в окно, где кроме неба да части стены соседнего здания, ничего видно не было

— линиялое от жары июльское небо в хлопковых облачках и глухая, угнетающая своим равнодушием, кирпичная стена. Человек из Министерства в этот момент сильно кого-то мне напоминал: поза обиженного на весь белый свет, взор, устремлённый в никуда...

Договорился о легковом «газике», проводил инспектора в гостиницу и на пути домой вспомнил: Владлен Игнатьевич у окна был точной копией моего предшественника на ныне занимаемом ответственном посту — Жмаева. В недавнем прошлом работник обкома комсомола, он очень переживал, что оттуда направили его служить не по партийной, а по советской линии, да ещё в культуру. Однажды, в разговоре по телефону он задуманным голосом бросил фразу: «Ну как, как ты не можешь понять?! Меня морально расстреляли!!» Мне тогда даже страшно сделалось; но, заканчивая разговор, Жмаев сказал собеседнику, наверно, уезжавшему куда-то: «Ну ехай, ехай», — и мне стало смешно.

Шёл — как бы не ошибиться — 1963 год от Рождества Христова, всеобщая, тянувшаяся со времен войны бедность постепенно отступала. Вот взять бы мне тогда в портфель бутылку коньяка, пакет с конфетами и пирожными и прийти вечером в гостиничный номер к столичному коллеге. Просто так — посидеть, поболтать, послушать московские новости, спросить о двух моих однокашниках по институту, служивших в Министерстве. А заодно исподволь узнать, с какой такой миссией прибыл Крестьянинов в нашу область, настолько среднюю по всем делам и показателям, что сюда из центра редко кто заглядывал; цековские и министерские комиссии и бригады посещали другие регионы — либо обобщали передовой опыт, либо вскрывали вопиющие недостатки. А с середняков — какой спрос?

Но не пошёл в тот вечер к Крестьянину, по молодости не решился. Подумал — не нарваться бы на афронт со стороны обиженного Владлена; вдруг он, узрев содержимое портфеля, криво усмехнётся и скажет что-либо вроде: «Та-ак! Задобрить решили? Не выйдет! Я вообще спиртное не употребляю, а в служебных командировках — тем более»... Или по-иному как-нибудь, но в том же духе.

Эх, попадись он мне пару лет спустя, размышляю сейчас, делая эти записи. Отвёз бы проверяющего в село, где председатель колхоза хороший мой знакомый, день продержал в клубе и библиотеке, а к вечеру местные хозяева уже приглашают нас на рыбалку.

Отказаться, значит обидеть людей. В кои-то веки, говорят, из столицы к нам гость пожаловал, и российскую природу ему не показать? Это ж не банкет какой-нибудь, а речка, да костерок на берегу, да закат в полнеба, какого в Москве не бывает, да воздух — такого в городе ни за какие деньги не купишь... Кстати, секретарь райкома по идеологии товарищ Кузмичов Василь Васильич обещался к ухе подъехать, он в соседнем совхозе на партсобрании с докладом выступает — о выполнении указаний, изложенных в Памятной записке Никиты Сергеевича Хрущёва...

После этих слов гостю начинает казаться, что не принять предложение будет шагом весьма ошибочным, вроде бы даже каким-то образом расходящимся с линией партии и содержанием Памятной записки.

И пошло-поехало! Ночь, звезды, прохлада близкой реки, бульканье и аромат, идущие из «гостевого» котла с ухой, разостланный брезент, и на нём огромный кусок холодной говядины, сваренные вкрутую яйца и нарезанное сало, ну и там помидорчики, огурчики, лучок — всё свежее, простое, полезное, заметьте себе, не купленное, своё. Колхозное, то есть. Но самое естественное и даже целебное находится в алюминиевой канистре, не автомобильной, конечно, но и не игрушечной — средней. Туда налит спирт производства местного завода — предприятия передового, имеющего отличные трудовые традиции, а главное, дореволюционную ещё так называемую медную аппаратуру, дающую спиртца высочайшей очистки.

«Но его же, наверное, надо разводить?» — интересуется гость. Это кто как любит, поясняют окружающие, правил тут нет. Вот берём рюмку чистого спирта, рядом ставим кружку с родниковой водой; подносим рюмку ко рту, выдыхаем воздух — ха! — и в это самое безвоздушное пространство вливаем спирт. Глоток, и тут же вслед ему холодную родниковую, а после неё уже можно и вздохнуть.

Как интересно! Человек из Министерства хочет сам попробовать. Желание гостя — закон для хозяев. И вот уже процедура состоялась, гость набрасывается на закуску. Он возбуждён, доволен собой, он хочет о чём-то рассказать. И рассказывает смешной и забавный случай.

Поспела уха, заполняющая окрестности укропным ароматом. Под неё не выпить — тяжкий грех. Гость снова просит налить ему

спирта и придвинуть кружку с ключевой водой; он, оказывается, даже не знает, как будет у себя дома пить водку, настолько это не вкусно, вот спирт — совершенно другое дело... Все заинтересованно смотрят на него. Ну? Ха! Ап! Отлично, просто здорово! А уха-то, уха — гость никогда такой не едал; он хочет рассказать историю, одну очень интересную историю — такую смешную историю из своей жизни, тоже связанную с выпивкой. Но уха-то, а? До чего же удобно её есть именно деревянной ложкой, что ни говори, пращурьы наши знали в этом толк... История? Какая история? Хотел рассказать смешную историю про выпивку? Возможно. Но — забыл! Может человек забыть? Мо-о-жет! А выпить он может? Обья-зан! Только — чур — новым способом. Где рюмка, кружка?.. Ага... Итак, гах, уй, ап!..

И придёт в себя проверяющий лишь в поезде Тамбов–Москва. А прояснение ума наступит после того, как вместе с хозяевами выпьет в купе «на посошок».

Мне почему-то вспомнился один такой очень хороший командировочный, который замедленно, но довольно точно, словно в сомнамбулическом трансе, прошёл по платформе, занял место в купе, некоторое время — пока мы устраивали его вещи — сидел молча, ухватившись обеими руками за край нижней полки, а затем спросил на полном серьёзе:

— Ребята, а куда я еду?

В этот момент кто-то утвердил на столике бутылку, щелкнул по ней ногтем, — дескать, сюда! Все было правильно: человек ехал в Москву, а в бутылке искрилась водка «Столичная». Выпив «на посошок», он полностью пришёл в себя и всё понял.

Представляю себе — вот состав уже покачивается на стрелках, колёса начинают скороговоркой повторять одну и ту же фразу, наш недавний гость сразу засыпает, натянув на уши шляпу и не сняв пиджак... А провожающие, покинув платформу, ещё некоторое время покурят в привокзальном скверике, посудачат о том, что проверяющий вполне достойный человек — не куражился, не блевал (а это значит весьма много, кто понимает); когда требовал организм, засыпал, или справлял нужду, или выпивал и закусывал — одно из трёх. И нисколько не мешал людям свободно поговорить о превратностях сельского хозяйства, политике на уездном уровне, посудачить о губернском руководстве и промыть косточки своему, районному начальству, слегка поспорить по делам международным,

но и по ним, всё же, прийти к согласию. Спасибо человеку из Министерства! Это благодаря ему предколхоза и заведующий райотделом культуры не маялись от скуки и не боролись со сном на очередном собрании актива, заседании или совещании, которые в период между севом и уборкой трав, в пору относительного затишья на полях, проводятся чуть ли не каждый день если не обкомом партии, так райкомом, а не райкомом, то уж низовой парторганизацией по разнарядке райкома — всенепременно. Кто-то большой, зоркий и властный строго следит, чтобы партиец, упаси Бог, не провёл вечер в кругу семьи, не пообщался с детьми или, ещё, чего доброго, не сходил с женой в театр, кино. Или не стал думать на посторонние темы вне рамок политического и экономического просвещения. Особо опасна тяга к зауми философского характера — вот где мутный исток умничания и внутреннего несогласия с непреложными выводами коллективного разума партии и её заведомо научной линией. Точнее сказать, глубоко научной.

Спасибо человеку из Министерства! Благодаря ему люди отдохнули, отвели душу, по пьянствовали на вполне законном основании. Вы, конечно, понимаете, уважаемые читатели, что место, где развели костерок, все детали встречи с гостем на природе были известны секретарю райкома по идеологии (министерство-то идеологическое!) и зампредрайисполкома, ведающему культурой, и кое-что даже было подсказано этими старшими по должности и опытными людьми. А как же иначе, не в капиталистическом хаосе живём, во всём должен быть порядок!

Да, так, пожалуй, всё бы и происходило несколько лет спустя, но тогда дело обернулось по-иному.

Окна гостиничного номера выходили во двор, на запад; в комнате этим ранним утром было сумеречно, пришлось включить люстру. Но главный свет исходил не от неё, а от В. И. Крестьянинова, сновавшего по комнате, уходившего в ванную и появлявшегося оттуда с полотенцем на шее. Да, лицо гостя, помимо его воли, источало радость с примесью коварства. Он явно что-то задумал — я внутренне подобрался.

— В какой район, вы сказали, поедем? — мимоходом поинтересовался Владлен. — Кирсановский? А в его пределах есть бывшие, ликвидированные в порядке укрупнения районы?

— Даже несколько. Например, Граждановский, Гавриловский,

да и Умётский тоже...

— Вот в Умёт и поедем.

— Но нас ждут в Кирсанове, — заволновался я.

В ответ — стальная улыбка мудрости и знания жизни, хищный блеск глаз:

— Мы и там побываем. Обязательно!

Всем видом своим Крестьянинов демонстрирует опытность и понимание сути проблемы: никакие «потемкинские деревни» с ним не пройдут, не на того напали! Пытаться возить его по лучшим клубам и библиотекам, объезжая стороной худшие, бесполезно, инспектор Министерства знает жизнь и втирать себе очки не позволит!

Ну и хрен с ним, поедем в Умёт, успокаиваю себя. Клубы и библиотеки есть всюду. Только где ночевать будем, чем питаться — неизвестно. В Кирсанове заботу об этом взяла на себя заведующая отделом культуры; теперь, бедная, станет там икру метать: куда делись визитёры из двух столиц — всесоюзной и губернской, не попали бы в аварию...

Вспомнились слова начальника моего, Леонида Семёновича, избегавшего сельских командировок: «В деревне ночевать — надобно иметь мужество».

Вскоре наш «газик» бойко бежал по пустоватому в этот ранний час шоссе, утренняя прохлада проникала сквозь щели кабины, забиралась под одежду и тревожно будоражила. Владлен Крестьянинов сурово и непреклонно восседал на переднем сиденье; шофёр, Фёдор Федотыч, человек весьма разговорчивый, пока помалкивал, присматривался к новому лицу; я разместился посредине заднего сиденья с некоторым наклоном вперёд — готовый прокомментировать то, что следует, или ответить на любой вопрос. Не подхалимничал перед приездом, нет, просто демонстрировал почтение моей конторы к его конторе. Однако Владлен Игнатъевич ни о чём не спрашивал. «Но Гарри был суров и молчалив, он знал, что ему Мери изменила»... — зазвучали в голове слова популярной тогда песенки. «Молчит — нам же легче», — подумал я и со вздохом облегчения откинулся на спинку сиденья.

Вскоре выяснилось, хуже всех общее молчание переносит Фёдор Федотыч. Мало того, что внезапно маршрут изменили, чего водители терпеть не могут, так ещё в молчанку играют; надо с этим кончать. И, окликнув меня, принялся рассказывать о случае, проис-

шедшем недавно, буквально на днях. Знакомый шофёр вёз из командировки начальство; ладно, едут они, хозяин молчит, занятый руководящими мыслями, мотор гудит, навевая сон, дорога уходит под колёса, даже окрестности одинаковые — поля и поля. Короче говоря, человек за баранкой задремал, машина ухнула в кювет, выпрыгнула оттуда и свалилась в вымоину...

— Чудом живы остались! — так закончил свой весёлый рассказ наш шофёр.

Крестьянинов заёрзал, заоглядывался и, наконец, вступил в разговор — о чём-то спрашивал, я коротко отвечал, а Фёдор Федотыч подхватывал суть ответа и расцвечивал её дополнениями, уточнениями и жизненными эпизодами, которые действительно были или, во всяком случае, вполне могли быть на самом деле. Постепенно общий наш разговор превратился в диалог шофёра с приезжим. Занятый своими мыслями, я воспринимал их беседу в странном, бессмысленном ритмическом и звуковом качестве. В ответ на тираду водителя гость откликнулся:

— Ту-ту? Ту-ту та-там!

— Ту-ту, ту-ту! Та-ра-рам, ти-ри-рим! Тири-тра-та-та там-там? Та-ра-рах ту-ту!

Многое, очень многое в жизни странно устроено, думалось мне под звуковое сопровождение беседы моих спутников. Вот я — человек сугубо городской, деревенской жизни не знал совсем, да и сейчас плохо её себе представляю. Но почему всё существо мое полнится неизбежного почтения к деревне, людям и делам её? Вроде, в голове глубокой занозой сидит броское Марксово определение по поводу идиотизма деревенской жизни... Но самых интересных, непохожих на других, людей я встречал именно там. И самых мудрых. Речь касается не образования, тут город впереди — в вершущих знаниях, умении облечь банальную мысль в привлекательную упаковку, полноте всяческой информации, в большинстве своём никому не нужной. В чём тут дело? В естественной ли работе крестьян, дающих всем хлеб насущный, казалось бы — простейший продукт, а без него не обойтись... Или близости сельского человека полю — не футбольному; лесу — а не посаженному по линейке парку; озеру и речке — а не фонтану или бассейну. А может, в том, что крестьянин ещё видит и чувствует небо — необъятное, уходящее в бездонную высь и раскинувшееся окрест до окоёма...

Но у меня-то почему в крови, душе, сердце столь робкое, грани-

чащее с восхищением, отношение к деревне? Неужели всё дело в генетике? В принципе, все мы, люди, из деревни, а я горожанин лишь во втором поколении — вот и растворилась она, матушка моя, во всей моей сущности — коли вдуматься, какое это счастье, истинный дар...

— В Кирсанове гостиница есть хорошая. Но и в деревне переночевать можно, это ничего, — врывается в моё сознание фраза Фёдора Федотыча.

— Можно ночевать, — эхом откликается Крестьянинов, таков стиль его участия в разговоре.

— Надо только кой-какой секрет знать.

— Знать секрет.

— Лёг ты, скажем, ночевать, укрылся, а оно тебя за ноги кусает. Это ничего, блоха, значит.

— Блоха!

— Но вот укусило подмышкой или на груди там, на спине; тут уж пальцами её, насекомую-то, следовало изловить и помять. И понюхать.

— Понюхать?!

— В том все и дело: завоняло меж пальцами, спи спокойно — клопы.

— Клопы!

— Да-а... А вот ежели пальцы не пахнут, а оно кусает, дело плохо.

— Плохо дело. А почему? — живо заинтересовался человек из Министерства.

— Вошь насекомая по тебе ходит, вот почему! — победно заключил диалог Фёдор Федотыч.

В кабине воцарилось сосредоточенное молчание.

В бывшем райцентре пришлось испытать тягостное чувство гостя, который свалился на хозяев, как снег на голову, спутал людям все планы, да ещё требует к себе повышенного внимания. Дом культуры оказался на замке, работники его, нам сказали, ездили по полям в составе агитбригады. К счастью, двери библиотеки были широко открыты...

Вскоре милостивая заведующая абонементом в отороченных мехом домашних тапочках, с цыганским платком на плечах, зардевшись от смущения, стала водить москвича по помещению и рассказывать о библиотеке. Мы с заведующей вышли на пустынную

улицу и открыли военный совет. Выяснилось, что в этом селе оставлять гостя ни в коем случае нельзя; здесь смотреть нечего, разговаривать не с кем, ночевать негде, да и с питанием не всё ладно. В Кирсановский отдел культуры моя собеседница сообщит по телефону об изменениях в наших планах сразу же, как только мы скроемся из глаз. Но куда нам скрыться? Оказалось, ничего нельзя придумать лучше, как перебраться в село (условно назову его Синенькое). Большое село? Среднее. Хороший колхоз? Средний. Хороший клуб? Клуб там неважный и работник в нём новый, ничего не знает и не умеет. Но библиотека в Синеньком хорошая и работает там толковая женщина, Маргарита Карповна, она всё устроит. На месте ли она? Обязательно на месте, час как отъехала на грузовике со связками книг для своей библиотеки.

Возвратились в помещение и стали свидетелями, как Крестьянинов обхаживал милую женщину в цыганском платке; он топтался возле неё, заходя справа и слева, улыбался, как в песне поётся, «сверкая блеском стали», теснил к стеллажам, а вопросы, даже самые обыденные, задавал игривым голосом. Мы с заведующей библиотекой переглянулись: мужик он и есть мужик, будь то аптекарь, скотник или научный сотрудник Института земного равновесия.

Владлен не хотел уезжать; тыкал авторучкой в блокнот, доказывал, что остался невыясненным целый ряд вопросов. Но... «джип» наш уже набирал обороты, красавица в тапочках махала с крыльца белою рукою, а мой подопечный ответно раскланивался, да так, что чуть не вывалился в приоткрытую дверцу.

На наше великое счастье, Маргарита Карповна, потная и всклокоченная, устраивала в библиотеке поудобнее три связки книг, доставленных только что. Она сразу узнала меня, назвала по имени-отчеству, извинившись, скрылась за стеллажами и через минуту предстала аккуратно причёсанной, свежей и в новой кофточке. Вскоре мне пришлось убедиться, что Маргарита Карповна и на самом деле особа в высшей степени деловая.

Эта моложавая и приятная во всех отношениях женщина устроила нам форменный допрос, при этом, легко коснувшись рукава Крестьянинова, заметила, что спрашивает не из праздного любопытства, а для дела. Допрос показал: первое, мы проведём в Синеньком весь день и заночуем; второе, приезжий из Москвы хочет ознакомиться с работой клуба и библиотеки, а также желает вникнуть в дела колхозные. Мгновенно оценив полученную информа-

цию, наша хозяйка, несомненно, сделала следующие выводы: гостей следует покормить обедом, ужином и, на следующее утро, — завтраком; устроить трёх мужчин на ночлег; ни в коем случае не дать встретиться инспектору из столицы с местным завклубом — выпивхой и бездельником, позору не оберёшься. И, наконец, свести гостя с колхозным агрономом, поскольку председатель, её муж, находился в Кирсанове — там одно за другим шли совещания и заседания партийного, советского и хозяйственного уровня.

Жившая по соседству уборщица — она работала на полставки в клубе и на тех же условиях — в библиотеке, как я понял, побежала к избе завклубом предупредить, чтобы сидел дома и не высывался, и дальше — в дом председателя колхоза сказать бабушке, чтобы рубила головы петушкам.

По пыльной улице, где зной стоял плотно и ощущался при ходьбе, прошли к двухэтажному зданию правления. На первом этаже, судя по беспорядку, безлюдью и запаху рыбьего жира, шёл ремонт. Ступени узковатой лестницы привели нас на второй этаж — в огромную комнату, где в кажущемся беспорядке были расставлены столы, над каждым на длинном проводе свисала лампочка, снабженная металлическим, похожим на крышку от плевательницы абажуром. Маргарита Карповна познакомила нас с агрономом — рано располневшим краснолицым и редкозубым малым, из рукавов пиджака которого чуть не по локоть вылезали огромные ручищи. Она попросила у меня разрешения удалиться по делам; в случае чего ей можно позвонить домой по телефону из правления.

Владен извлёк на свет Божий блокнот, затем сунул его в карман и, щёлкнув замками, достал из мощного, метко прозванного в народе «двухспальным», портфеля общую тетрадь. Ну — будет дело под Полтавой! Я сел к окошку так, чтобы и улицу видно было для разнообразия, и собеседников, сидящих друг против друга за столом, не терять из виду. В комнате царил полумрак, лампочками здесь пользовались, скорее всего, ранним утром, зимой, да на собраниях, переваливающих за полночь. Сквозь грязное оконное стекло видны были избы, за ними — огороды, они уходили вдаль, как бы понижаясь, и там угадывалась речка. Ещё дальше протянулась синяя полоска леса. Рядом со мной громко жужжал и бился в стекло желтобрюхий овод, невидимые глазу мухи жалили ноги под брючинами — грозу чувствуют, что ли?

— Ваша фамилия? — приступил к допросу Владен.

— Чиннов.

— Два «н»? А председателя?

— Бреев.

— Два «е»? Итак, какова урожайность?

— Зерновых?

— А чего же ещё?

— Мало ли... Ну, свёклы, например. Зерновых — шестнадцать.

— Ше-ст-надцать, — записал в тетрадь следователь, по ходу дела поправляя подозреваемого.

— А в прошлом году?

— Шестнадцать, я сказал.

— Ше-ст-надцать, это у меня записано как урожайность года нынешнего.

Агроном с удивлением возрился на Крестьянинова, требовательно буравящего собеседника взглядом.

— Ну и?.. — Чиннов заглядывался в мою сторону.

— Понятно, что точная цифра урожайности появится только после уборки, — отвернувшись к окну, исполняю свою роль певца за сценой. — Владлена Игнатьевича интересует урожайность ожидаемая.

Агроном облегчённо вздыхает, лезет в карман за платком. Человек из Министерства озадаченно разглядывает записи в тетради и, довольно быстро оправившись, продолжает дознание:

— Семнадцать, говорите? Так и запишем. А сколько в колхозе крупного рогатого скота?

— Вместе с нетелями?

Крестьянинов недовольным голосом:

— Что это ещё за нетели?

Следует популярное объяснение и ответ:

— Дойное стадо восемьсот голов. Маловато, конечно, но фермы ветхие, а на строительство новых денег нету.

— Деньги надо зарабатывать, — веско замечает инспектор, — а не от государства ждать. К готовому блюду все с большой ложкой...

Нет, дальше всё это слышать нет никаких сил, пойду на свежий воздух.

На улице звенящий зной сменился глухой и липкой духотой. Всё вокруг замерло в оцепенении, листья на деревьях повисли тряпочками, влажно и горячо пахнет кукурузным силосом. Куры лежат, зарывшись в пыль, рядом стоит петух с обвисшим хвостом. Кажет-

ся, громче стало жужжание пчел, обследующих бедные цветы не-
 ряшливого палисадника под окнами правления... Усаживаюсь на
 узкую лавочку на двух столбиках и полусонно вбираю в себя окру-
 жающие звуки и запахи, мысли текут вяло, лениво. Издали доно-
 сятся звонкие — цанн! цанн! — удары молотка по рельсовому же-
 лезу, а поблизости бьют чем-то деревянным по кровельному метал-
 лу — звук глухой, неприятный: гуп! гуп! С шумом и хлопаньем
 крыльев, похожим на аплодисменты, над правлением взмыла стай-
 ка голубей, что-то их там, на крыше, испугало. Невидимый за до-
 мами, ныл мотором и гремел на рытвинах пустым разболтанным
 кузовом грузовик — сильнее запахло горячей пылью. «Колька! Коль-
 кя-я, где ты, свинёнок этакий?!» — требовательно и скандално
 прокричал за домом через дорогу женский голос. В ответ спокой-
 но-невозмутимое: «Чево?»

«Чево, чево, да ничево, не докричиси до тебя, чтоб ты пропал,
 всю глотку надсадила. Исть иди!»

Мысли cedятся, как мед, тягуче и сонно...

Мы жить не можем без совещаний. И без собраний тоже. Иног-
 да мне кажется, что какой-то мощный, но глубоко засекреченный
 научный центр после обстоятельных исследований передал в ЦК
 КПСС такие выводы: если количество собраний, совещаний и за-
 седаний в стране по какой-то причине уменьшится наполовину, то
 вслед за этим немедленно благополучие страны и благосостояние
 советского народа снизится на 50 процентов. И наоборот, при уве-
 личении всего этого до предельных размеров расцвет державы и
 процветание наших людей будут полностью обеспечены.

Стал думать о председателе колхоза, муже Маргариты Карпов-
 ны, который потеет в душном зале на очередном совещании, а за-
 тем и о жене его, библиотекаре села Синенькое... Вспомнилась
 некая установка, поступившая из столицы...

Однажды Леонид Семёнович, мой непосредственный начальник,
 возвратился со всероссийского совещания и в качестве указания,
 прозвучавшего из уст чина Министерства культуры, преподнес сле-
 дующую «программу действий». Во многие сельские библиотеки
 устраивают на работу жен председателей колхозов и директоров
 совхозов, не имеющих специального образования. Это непорядок!
 Таковую порочную практику следует искоренить! Втёршихся в би-
 блиотеки руководящих дам необходимо заменить людьми, имеющи-

ми библиотечную подготовку.

Теперь-то я знаю, как могло стать возможным подобное выступление. В главки и отделы было передано задание: предложить для выступления министра интересные мысли, проблемные предложения, яркие факты. Закипела работа, и один из клерков — ленивый ли, хитрый, а может, задёрванный вконец поручениями, вспомнил о валяющейся в ящике стола жалобе выпускницы библиотечного техникума, место которой в таком-то селе, такого-то района и области отдала жене руководителя хозяйства. Умелая текстовая обработка придала факту вид проблемы, имеющей важное значение от Москвы до самых до окраин...

Я, свежеиспечённый в те дни руководитель областного управления, принял рекомендацию к неуклонному исполнению. Умница Леонид Семёнович, опасаясь чрезмерной рьяности моей, постукивая маленьким кулачком по столу, внушал молодому заместителю: выводы и установка, сделанные с высокой трибуны, безусловно правильны, но жизнь сложна и к каждому конкретному случаю надо подходить соответственно обстановке... Эти затёртые общие слова, которыми впоследствии я сам при необходимости пользовался, по сути своей оказались очень верными, в чём вскоре пришлось убедиться.

В 740 сельских библиотеках нашей губернии втёршихся туда руководящих дам было 33, из них одна оказалась неисправимой лентяйкой и её вскоре уволили. Оставшиеся же 32 библиотеки — считались в своих районах образцовыми, об изгнании работающих в них женщин не могло быть и речи.

Позже, когда поостыл в исполнительском раже своём и спокойно обдумал ситуацию, пришёл к выводу: по-иному и быть не могло. Вот, к примеру, наша хозяйюшка, Маргарита Карповна. В свои сорок лет оплыла немного, морщинки у глаз появились, жировая холка слегка пригнула голову, но даже сейчас это очень симпатичная женщина, а в молодости, берусь утверждать, была на редкость хороша. За какие-то полчаса мы с Крестьяниновым смогли убедиться в её деловитости и сообразительности. И в девичестве у неё хватило ума остановить жизненный выбор на парне толковом, энергичном, работающем. Может, любовь их соединила, а возможно, всё получилось, как у моей знакомой, которая сказала о супруге: «Я сразу поняла, что жена его будет, как за каменной стеной, и дети не пойдут по миру».

И вот молоденькая Рита, беременная, едет в деревню по месту

первой работы мужа, а вскоре с малым дитём на руках в незнакомый город, где супруг для лучшего продвижения по службе учится в партшколе. Более чем скромная жизнь, кухня, пелёнки... Переезд в райцентр, снова проживание на квартире, рождение второго ребенка и опять — пелёнки, коклюш, поносы; муж, инструктор райкомовского сельхозотдела, сутками не бывает дома. Годы идут, он, неглупый человек, понимает, что стал неперспективным, партийной карьеры не сделать, и исподволь готовит себе место председателя колхоза, а вскоре становится им. Как это всегда бывает, ему строят дом; дети ходят в школу, в семью пришёл достаток. У Маргариты Карповны начинают появляться свободные минуты, а затем и часы. Деятельная натура, она не может заниматься лишь огородом и откормом поросёнка, женщина хочет устроиться на работу, но куда? Мест, по сути, только четыре: правление, сельсовет, клуб и библиотека. В правление нельзя — пойдут жалобы о семейственности, затаскают по проверкам райкома и райисполкома. В сельсовете все места заняты давно и надолго. В клуб, ветхий и холодный, можно идти лишь под дулом пистолета. Остаётся библиотека; она холодная, но не ветхая, грязная и запущенная, но работа там чистая — с книгами, и интересная — с людьми. Библиотекарь, девица, недавно окончившая техникум, мечтает отбыть в город. Небольшая подготовительная работа, и вот уже девица радостно сдаёт книжный фонд Маргарите Карповне. Колхоз берёт на себя ремонт библиотеки. Топливо сельисполком завозит в библиотеку даже раньше, чем себе; никто не хочет ссориться с председателем колхоза, в руках которого, в отличие от нищего сельсовета, есть кое-какие возможности. В колхозной мастерской уже изготавливают для библиотеки стенды и витрины.

Сын и дочь взрослеют и уезжают учиться в далёкие города; муж постоянно захвачен кампаниями — посевной, уборочной, ремонтом техники, животноводческих помещений, заготовкой кормов, вспашкой зяби и т. д.; его то и дело вызывают для «накачки» в райком, райисполком, он чаще прикладывается к рюмке. Так получается, что библиотека становится для Маргариты Карповны самым желанным местом; здесь она чувствует себя при деле весьма важным. Вот уже на районном семинаре её упомянули за отличное проведение читательской конференции по книге Дубова «Сирота». И Маргарита Карповна старается, она словно бы вступила в соревнование с коллегами своего района, уже к слову её прислушиваются.

Однажды её вызывают в райком партии и поручают выступить на идеологическом активе, куда приглашены все руководители хозяйств. Она идёт к трибуне, а в зале оживление: не часто, ох, не часто прилюдно выступают жены руководителей. Напряжённая улыбка застыла на лице мужа Маргариты Карповны; вот уже записной районный остряк Энговатов поднялся с места и, соединив собственные ладони в рукопожатии, всячески адресует ему свои поздравления, вызывая смешки в зале. Но Маргарита Карповна чувствует себя на трибуне очень свободно. Она, обращаясь к залу и президиуму, где выделяются своей значительностью фигуры секретаря обкома и первого секретаря райкома партии, коротко и толково сообщает о своей работе с читателями, затем прячет в карман модного пиджачка бумагу с текстом выступления, согласованным в отделе пропаганды и агитации, и неожиданно задает залу вопрос:

— Мне хотелось бы спросить вас, уважаемые товарищи, кого обслуживают на селе наши государственные библиотеки?

— Людей! — насмешливая реплика принадлежит, конечно же, Энговатову.

— Правильно, а если конкретно — колхозников и рабочих совхозов. А книгами библиотеки пополняются на бюджетные деньги и средств этих маловато. Возникает вопрос: почему в нашем районе не принято выделять средства хозяйств на приобретение литературы?

Тот же голос из зала:

— Существует смета. А нарушения караются.

— Вот Николай Петрович Энговатов, человек опытный, опасается нарушить финансовую дисциплину... Но в смете есть графа «Культфонд». Вот и давайте посмотрим, куда расходуются средства в колхозе «Путь Ильича», председателем правления которого является всеми нами уважаемый товарищ Энговатов.

В руке оратора появляется лист бумаги, в зале напряженная тишина.

— Где тут у нас «Путь Ильича»? Так... Культфонд израсходован на взаимопроверки...

Маргарита Карповна смотрит в зал, выдерживает паузу и поясняет:

— Это, как все мы тут знаем, обед с выпивкой при взаимной проверке соревнующихся хозяйств. Это — первое. А второе — остаток средств культфонда пошёл на строительство возле правления

общественной уборной.

Зал молчит, два главных лица в президиуме перешептываются, вернее, секретарь обкома что-то хмуро и резко говорит, местный секретарь — слушает, глядя в стол. Оратор, как ни в чём не бывало, заканчивает выступление:

— Тут уже, уважаемые товарищи, мы имеем дело не с нарушением сметы, чего так боится всеми нами уважаемый Николай Петрович Энговатов. Это называется по-другому, а именно: разбазаривание культурфонда.

Собрание актива окончено. Руководители хозяйств окружили Энговатова, посмеиваются над ним, он отшучивается. К ним протискивается инструктор райкома: председателя колхоза «Путь Ильича» вызывает к себе первый, срочно! Острословы разом умолкают, тут уж, как говорится, шутки в сторону.

По скрипящим ступеням вновь поднимаюсь на второй этаж. Расстановка действующих лиц не претерпела изменения, Крестьянинов продолжает дознание:

— Вчерашнюю «Правду» читали?

Агроном взмок от духоты и разговора с человеком из Министерства, все лицо в красных пятнах:

— Газеты приходят с запозданием.

— А надо бы почитать! Над Памятной запиской Никиты Сергеевича Хрущёва в адрес ЦК нашей партии думали?

— Тут не думать, выполнять надобно, — хитрит агроном.

— Э, нет! Сперва всегда следует подумать, — веско замечает Крестьянинов. — Там подняты вопросы высочайшей важности!

Владлен Игнатьевич неторопливо перелистывает тетрадь с записями:

— Вот вы говорили о передовом комбайнёре... Как его фамилия?

— Витютнев.

— «Ви» или «Ве»?

— «Ве»... То есть, что я, — «Ви».

Господи, Твоя воля! Вытерпеть всё это нет моих возможностей. Сделав круг по комнате, направляюсь к выходу.

— Минуточку! Хотел вас спросить... — агроном срывается с места, хватает меня под руку и молча тащит в коридор.

— Владлен Игнатьевич, вы закончили? — спрашиваю, полуобернувшись, уже вне комнаты.

Агроном сдвигает меня к лестнице легко, словно бульдозер копну соломы. Тесно прижавшись плечами, с грохотом спускаемся по щелястым ступеням и оказываемся на крыльце. Агроном обмахивает лицо сплюснутой в блин кепкой; он хочет что-то сказать, но лишь фыркает и отдувается. Позади зазвенели ступеньки, сверху спускается человек из Министерства. Слышно сказанное недовольным тоном:

— Ладно. Сделаем перерыв.

— А вот! — выговорил, наконец, агроном; он утёр лицо кепкой, и ею, зажатой в кулаке, как Ленин с броневика, указал на дальнюю часть двора.

— А вот! — повторил он, обращаясь к появившемуся возле нас Крестьянину. — Вы про историю села спрашивали — вот он вам всё расскажет. Старожил!

В конце двора, очевидно, протиснувшись сквозь дыру в заборе, появился неопрятный старик в зимней шапке; он чуть прихрамывал и при ходьбе, словно слепец, выставлял вперёд палку, которую здесь называют бадиком. Сделав вид, что не замечает нас, старик, наклонившись, принялся бранить пришедшую вместе с ним собаку. Кудлатая дворняга легла у его ног, виновато подметая хвостом мусор. Старик подошёл к нам не сразу, он исподволь внимательно разглядывал людей издалека, находя себе во дворе мелкие дела. Вот поддел бадиком обрывок газеты и ловко швырнул грязный ком за ограду. Руководящим тенорком накричал на мальчишек, лазавших по лестнице на чердак, при этом стучал палкой по лестничному стояку.

Агроном в это время в полный голос, не опасаясь, что дед услышит, рассказывал, что старик этот известный жулик; работает в правлении ночным сторожем, а весь день ходит по селу, высматривает, где что плохо лежит, а ночью прибирает к рукам. Не скрывая радости, что допрос прервался, агроном, обращаясь к нам и жестикулируя ручищами, рассказывал смешные случаи из жизни вороватого сторожа, которого по-уличному звали Шуяк.

Однажды, когда был моложе, Шуяк в избе помогал жене купаться. Женщина голая стояла в невысокой кадке, а муж поливал горячей водой из ковша. Под конец полагалось окатить её водой холодной, и супруг с ведрами направился к колодцу. Была летняя лунная

ночь, навстречу попался сорокалетний родственник со стороны жены. Шуяк не смог себе отказать в удовольствии розыгрыша, да и просто нельзя было не использовать подвернувшийся случай. Он отвёл родича на обочину. Словно бы в отчаянии бросил в бурьян брякнувшие ведра.

— Уж и не знаю, как и сказать, — выговорил с ужасной тоской в голосе и дёрнул родича за рубаху. — Этого-того... Маруська-то... Умом тронулась Марусенька наша, вот до чего дошло, кто бы знал!

Мужик не поверил. Тогда Шуяк, оставив в траве ведра, повёл его к дому, сбивчиво объясняя причину несчастья.

— От книг всё! В библиотеке книжку возьмёт — и задумается. Другую возьмёт — и того хуже. А наемни принесла толстую, с картинками, «Скульптура Древней Греции» называется. Домой возвращаюсь, она в чём мать родила стоит и эдак руками, — Шуяк приложил правую ладонь к ширинке, а левую отставил вверх и в сторону. — Я, грит, Венера Малоросская, украинской, значит, нации...

Замороженный родственник с опаской заглянул в окно. Керосиновая лампа освещала избу. Маруська, действительно, стояла посреди избы обнажённая, белое тело хорошо было видно от коленей и выше, руки сложены под грудями — о чём-то задумалась. Зрелище настолько потрясло мужика, что он почти не сопротивлялся, когда Шуяк повёл его к нему же домой, заставил достать далеко упрятанную бутылку водки, которая тут же была распита. «Чтобы самим не спятить от всего этого», — пояснил несчастный муж.

Совсем недавно один местный воришка залез в погреб соседки правленческого сторожа. Заметив это, женщина закрыла дверь погреба на засов и побежала за помощью к Шуяку. Тот, возмущённо размахивая бадиком и почти не хромая, кинулся к погребу, отодвинул засов и скрылся за дверью. «Ну и бесстрашный же дед!» — восхитилась соседка и придвинулась поближе, послушать, что же там, в погребе, делается.

— Ты чего, сук-кин ты сын, на чужую территорию забрался?! — доносилось снизу. — Здесь мои места! Я, небось, на твою улицу не хожу!

Искреннему возмущению старика не было границ.

Тем временем Шуяк, сопровождаемый дворнягой, подошёл к нам совсем близко. Одетый в заплатанные штаны и пиджак с чужого плеча, рукава которого, обтерханные и измазанные засохшей сли-

зью, скрывали кисти рук; в заскорузлых сапогах и тёплой шапке со свисающими, как у зайца, ушами — он представлял собой жалкое зрелище. Ощупав всё цепким взглядом, старик задрал к небу скопеческое лицо своё и, прикрываясь рукавом от солнца, проговорил:

— То ли дождик, то ли град; то ли будет, то ли вряд.

— Дед, а дед! Ты б рассказал что-нибудь из жизни своей, байку какую с картинками? Товарищ вот из Москвы послушает, — агроном от старания даже перегнулся через ограду крыльца.

— Скажешь тоже... Круглее обруча, — ответствовал старик и для порядка прикрикнул на собаку.

— А какой она породы? — вступил в разговор любознательный Крестьянинов.

— Ищейка, — Шуяк дотронулся до пса палкой. — Сама у себя блох ищет. И добавил:

— Собака лучше человека.

— Почему?

— Безвредная.

— Ну расскажи, де-ед, — тянул агроном. — Ну хоть про то, как на богомолье ходили.

— Какой с меня рассказчик. Я больше слушаю. Язык один, а уха два.

Я вдруг увидел, что жалкий старик этот с корявым лицом, свисающими из-под ушанки сосульками волос и серой коростой за ушами понимает, что из него хотят сделать посмешище, позабавить чужого человека, и всячески противится этому.

Не добившись своего, агроном сам начал рассказывать, как ещё до революции Шуяк вместе с другом своим, насмешником и богохульником, совершил праздничное паломничество в монастырь. Народу там собралось — тьма тьмущая. Люди в храме протискивались к аналою, оставляли там целые штуки холста, полотна, некоторые сбрасывали нарядные одежды... Дедов приятель в молитвенном экстазе сбросил с себя протертый до ниток шубный пиджак и тут же облачился в новую поддевку из груды набросанных вещей. Главное, учил он Шуяка, всё делать с молитвой: «Господи, прости, в чужую клеть вступи, пособи нагрести да вынести». Когда пришли к святому источнику, озорник, словно по нечаянности, столкнул Шуяка в воду. Возмущенные богомольцы помогли незадачливому парню выбраться из воды и тычками погнали прочь. А товарищ, охальник и озорник, сказал ему в утешение: «Зато у тебя те-

перь валенки святые. И частично порты с исподним».

Старик слушал агронома с неодобрением. Наконец рассказчик умолк, а товарищ из Москвы никак не мог успокоиться; он крутил головой, похихатывал и все чиркал и чиркал авторучкой по бумаге. Дед придвинулся поближе, заглянул в блокнот.

— Хорошо пишешь. Мелко, — одобрил он. И явно желая перевести разговор в иное русло, повел речь в тоне, исключавшем несерьёзность: — Чего тут гутарить... Был я безземельный бедняк. Потом — революция. Организовали здесь колхоз, «Красный Луч» назывался...

Послышались то убыстряющиеся, то медленные такты мотора и с улицы в распахнутые ворота въехал мотоцикл с пустой коляской. Выключив зажигание, из седла неторопливо выбрался крупный пожилой мужчина в сером пиджаке с косовороткой под ним, сиявшей баянным рядом белых пуговичек; на высокий лоб курчаво заворачивались сильно поседевшие (перец с солью) волосы. Как-то сразу привлекало внимание лицо — чисто выбритое, оно словно бы отражало властное спокойствие и ум человека. Разминая ноги, он направился к нам.

— Да вот Иван Семёнович все помнит, — сказал Шуяк. — Лучше меня расскажет.

Оказалось, приехал бригадир; ему надобно было повидать председателя или агронома. Иван Семёнович неторопливо поздоровался со всеми за руку; агроном в это время длинно объяснял ему, что вот командировочный из столицы интересуется делами колхозными, историей села; только что ему пересказали монастырскую эпопею деревенских озорников...

Бригадир смотрел на Шуяка сочувственно, затем властным жестом остановил агронома, обратился к деду:

— Да-а... После революции мы с тобой первыми людьми тут считались. Власть! Он-то активистом был, правой рукой, а я — председельсовета, — и, адресуясь почему-то к одному Крестьянину. — Антоновцы его расстреливать водили. И жену плетью пороли. А какие мы с ним планы замысливали! Всё в прошлом осталось.

Дед стоял, опустив глаза долу, по-пастушески опершись на посох.

В небе послышался протяжный гул. Все встрепенулись, подняли головы. Вспученная, иссиня-чёрная туча проходила стороной, сваливалась за дальний лес.

— Самолёт, — подумал вслух агроном.

— Гром, — высказал мнение бригадир.

И вот неведомо откуда словно мелким речным галечником сыпанули по железной крыше. И вот уже зачастил крупнокалиберный дождь; он цокал по крышам, щёлкал по широким листьям растущего в палисаднике подсолнуха, беззвучно падал наземь, прибывал пыль. Все мы, включая дедову дворняжку, сгрудились под навесом, вдыхая свежесть с запахом пыли, каждый по-своему радовался летнему чуду — солнцу с дождём.

— Слепой дождик долгим не бывает, — Шуяк, нащупывая бадиком ступени, стал спускаться с крыльца; следом запрыгала собака.

Курились белым парком мокрые крыши; пронизанные солнышком серебряные, косо натянутые струны дождя убывали на глазах.

Старик уходил, он держался прямо, твёрдо и недалеко выставляя вперёд посох; на ходу что-то сказал псу, между делом пугнул палкой индюка, несшегося наперерез, словно каравелла на всех парусах; остановился и некоторое время с любопытством наблюдал, как малец в розовых трусиках, сунув в лужу пластмассовый пароход, наполнял его дождевой водой с помощью клизмы — возможно, это был неслух Колька из дома через улицу. Старик уходил, так и не рассказав к великой досаде агронома ни одной похабной (с картинками) истории.

За моей спиной бубнили о своём колхозные руководители, звонко щёлкал замками портфеля человек из Министерства, а я не мог оторвать взгляда от удаляющейся фигуры в чужом пиджаке, равных штанах и нелепой шапке. Сердце вдруг омыла солоноватая волна, в которой было растворено много всего: щемящая жалость, и стыд, и бессилие пополам с виной...

Следующим утром перебрались в Кирсанов, устроились в гостинице и оттуда совершили набеги на клубы и библиотеки. В одном из сёл произошло то, что рано или поздно должно было случиться. Вначале всё шло обычным порядком. Крестьянинов вёл допрос бледной, испуганной молоденькой женщины; она недавно окончила библиотечный техникум, вышла в чужом селе замуж и очень трудно жила в семье неприветливых мужниных родителей.

— ...Как вы назвали его фамилию, не успел записать?

— Варенников.

— Два «н»? Дальше.

— Вот тут есть ещё пердовики...

— Кто, кто? Что ещё за «пердовики»?

— Ну, наши же... Колхозники. Пердовики сельского хозяйства.

— Ах, вот оно что! Так бы и говорили пе-ре-до-ви-ки, а то всякое можно подумать.

Да, повторяюсь, вначале всё шло, как обычно, человек из Министерства вёл разговор с беспардонным превосходством, к которому я как-то уже притерпелся. Но вот вошедший во вкус контролер потребовал, чтобы эта туберкулезного вида девочка подготовила ему сведения о передвижных библиотеках, открытых на производственных участках — молочной, свиноводческой фермах и в мехмастерских. А именно: какая литература там находится (автор и название), списки читателей по каждому участку отдельно (указать фамилию, имя и отчество, год рождения, образование, кем работает; назвать книги, ими прочитанные, а также привести примеры, как знакомство с литературой по специальности повлияло на повышение производительности труда).

Библиотекарша записывала всю эту галиматью дрожащей рукой и вдруг выронила карандаш, зарыдала, уронив на руки горькую свою головушку.

— Тут на много часов работы, — сказал я Крестьянинуво вполголоса, — а мы утром из Кирсанова отбываем.

— Ночью сделает. А к утру доставит в гостиницу.

Отрицательно покачав головой, я ответил:

— Нет!

— Что значит — «нет»?

— То и значит — «нет».

— Почему?

— Такие сведения вам не нужны.

— Ах вот, значит, как! Оказывается, я сам не знаю, что мне нужно...

— Именно! — неожиданно для себя возвысил я голос, чувствуя прилив перехватывающей дыхание ярости. — В том и дело! В том-то всё и дело, что не знаете, не имеете представления!

Воцарилась гнетущая тишина, даже библиотекарша перестала рыдать, только вздрагивала плечами.

И — незнакомый мне, с горловой мальчишеской обидой голос проверяющего:

— Я доложу председателю облисполкома, что вы сорвали рабо-

ту сотрудника Министерства культуры.

— А я из Тамбова немедленно свяжусь с (я назвал имя-отчество заместителя министра, ведающего вопросами культурно-просветительской работы), пусть решит, кто из нас прав, а кто виноват!

Фамилия замминистра не называлась для усиления эффекта; здесь есть свои нюансы — а может, я лично с ним знаком, да и однокашники мои институтские в Министерстве служат, в случае чего поддержат — чем чёрт не шутит, когда Бог спит...

Ответив на укол шпаги противника собственным выпадом и ощутив, как сталь вошла в тело, подождал ответных действий, но их не последовало. Библиотекарша так и не подняла головы, Крестьянинов безмолвствовал.

Мы уже уселись в свой «газон», когда я решительно распахнул дверцу:

— Нельзя так уезжать. Пойду успокою. Не хватало нам ещё трупа на верёвке.

— Что вы такое говорите! — ужаснулся Владлен Игнатьевич. — Я тоже пойду!

— Не надо. Будет хуже.

На обратном пути никто не проронил ни слова. Фёдор Федотыч, чуткий к настроению начальства, будто в рот воды набрал.

Вечером мы помирились, дружно и хорошо поужинав в отдельной комнатке местного ресторана. А ночью, когда, выключив свет и распахнув для прохлады окна гостиничной комнаты, лежали в кроватях, позвякивающих при малейшем движении жёсткой металлической сеткой, Крестьянинов рассказал о себе. Не помню, кто он по образованию, знаю только, что всю жизнь проработал в комсомольских органах и даже в ЦК ВЛКСМ. Отсюда и фанаберия — молодёжное отражение непререкаемой требовательности партийного руководства. Затем, как я понял, переростка поставили директором клуба престижного Института имени Лумумбы. Злую шутку с ним сыграло пристрастие к женскому полу. Была там одна... бразильяночка. Вроде, всё шло нормально, внимание к себе воспринимала положительно. А потом... Короче, был скандал, дело еле замяли. Старые друзья помогли устроиться в эту совершенно глухую в смысле перспективы контору — Минкультуры РСФСР. Пока. А там видно будет. Никто никакого командировочного задания ему не давал, поездка ознакомительная. Если удастся, просили привезти

пару-тройку жареных фактов, которые всегда нужны для выступлений министра или его заместителя на разного рода собраниях и совещаниях — вызывают оживление в зале. Потому-то и занимался допросами. Сколько перелопатил пустой породы, а золотишка так и не попалась...

Утром я покряхтел, поёжился, но все же извлёк свой блокнот, сказал:

— Садись и записывай.

Владлен покорно прошлёпал босыми ногами к письменному столу, только спросил:

— Что будем фиксировать?

— Пиши: такая-то область, такой-то район — открывай кавычки: «Колхоз “Путь Ильича”, председатель Николай Петрович Энговатов. Культфонд колхоза в сумме... Написал? Дальше: израсходован на выпивки в ходе взаимопроверок, а также на строительство уборной на два очка возле правления и оплату уборщицы конторы». Кавычки закрываются, теперь с новой строки...

Дело в том, что я, молодой ещё, но набравшийся некоторого опыта бюрократ, тоже собирал повсюду факты и фактики. И в этом не очень-то отличался от представителя центра. А коллеги должны помогать друг другу.

В Тамбов возвращались в лёгком настроении, с сознанием выполненного долга. Крестьянинов увозил в портфеле три первосортных «жареных факта». Я пребывал в уверенности, что Владлен Игнатьевич не доставит неприятностей и не нанесёт ущерба родному моему краю, для чего, собственно, меня и посылали.

Машина идёт ходко, ветер теребит брезентовую крышу. Откинувшись на заднем сидении, сонно прислушиваюсь к диалогу водителя с гостем.

— ...Купил он, значит, молодых индюшек, цыплят, считай, и поселил их у себя в пристройке, — Фёдор Федотыч говорит с неимоверным напором, словно нарываясь на драку.

— В пристройке, — эхом откликается Владлен.

— Да... Пристройка обыкновенная — окно, дверь, но пол, заметь себе, цементный.

— Цементный пол.

— Утром зашёл, корму дал: зерна там, творогу...

— Тормози!!

Машина вильнула, и шофёр, чертыхнувшись, возмутился:

— Ну прямо под колёса лезет, гад такой!

В разговоре наступила пауза. Интересно, рассуждаю сам с собой, когда династия Крестьяниновых рассталась с деревней: ведь пахали землю предки, пахали, фамилии зря не бывают. Или... Да, есть и другой вариант. Скажем, отцу Владлена надоело быть каким-нибудь Красножоновым, каждый фамилию искажает на свой лад. Вот и взял себе новую, с первого взгляда, политически правильную, так как крестьянство — союзник рабочего класса в борьбе... Далеко не всё, правда, а беднейшее, в основном...

— А дальше? — прерывает течение моих мыслей голос Владлена Игнатьевича. — Что дальше с индюшками?

— Ну дал, значит, корму. Творог там, яйца вареные покрошил, ещё чего... А через час глядь — пять индюшек лежат.

— Лежат индюшки. Пять, говоришь?

— Пять. Померли от сотрясения мозгов.

Человек из Министерства всем телом поворачивается к водителю, он изумлён:

— Неужели?! От сотрясения?!

Да, будет что порассказать в Министерстве, а впоследствии — и внукам; разве в столице такое увидишь или услышишь. Московская глухомань. А настоящая жизнь — вот она где, тут!

На горизонте уже нарисовывалось скопление строений, из которых торчал перстом в небо элеватор.

Вот мы и дома.

Анатолий ОСТРОУХОВ

* * *

*Весна уходит. Лето настает.
Уходит лето, осень на пороге.
Взойдёт зерно посеянной тревоги,
холодным стеблем в сердце прорастёт.*

*Прорвётся небо. Белые снега
падут на землю, на людей, на крыши.
Тебя я кликну – «Друг!» – издалека,
но кто за снегом голос мой услышит?*

*В ночной печали думать о весне,
забыть, что чувства вверены погоде.
Не вспомнить, что давно известно мне –
зима пройдёт. Но и весна проходит.*

В этом году Анатолию Александровичу Остроухову исполнилось 50 лет. Он родился 2 февраля 1959 года в городе Вахрушево Луганской области.

На Тамбовщину приехал в 1986 году после окончания Литературного института имени А. М. Горького. Работал в Никифоровской районной газете, затем два года учился на Высших сценарных курсах Госкино СССР. В 1998-2000 годах жил в Тамбове, работал в газете «Голос Притамбовья», потом вновь вернулся в Никифоровку.

В настоящее время живёт и работает в Санкт-Петербурге, но на учёте стоит в Тамбовской писательской организации.

Публиковался в тамбовских изданиях, в журналах «Подъём», «Наш современник», коллективных сборниках, автор нескольких книг.

Член Союза писателей России с 1996 года.

* * *

*Низкий туман окутал луг.
Закаты осенью кратки.
На душе тоска, в глазах испуг
у женщины, сидящей возле палатки.*

*Спутник её, обрывая блёсны
о коряги, лежащие на дне реки,
сердится вслух. Туман белёсый
мокрым дыханием студит виски.*

*«Зачем я здесь? – думает женщина,
убирает с юбки приставишую нить. –
Ведь было давно себе обещано
навечно и сразу всё прекратить.*

*У него жена. А я одинока.
Не знаю, люблю его или нет».
И смотрит в небо. А небо глубоко.
и в небе медленно тает снег.*

*Сжимается, рушится, недавно широкий,
а теперь чужой и жалкий простор.
Стынут виски и мёрзнут щёки,
но не хочется разводиться костёр.*

*А сверху посмотришь – пустое поле,
скучный шорох прибрежных ветвей.
Женщина мучается от головной боли,
мужчина ловит холодных окуней.*

* * *

*Заледенелые долины,
трава пожухлая звенит...
окаменевший журавлиный
комок бесформенный лежит.*

*На нём росы замёрзшей зёрна.
Нет ни одной души вокруг.
И серый клюв его повёрнут
в последней судороге на юг.*

*А песня ветра не простая,
в ней поднебесные слова,
как будто улетевшей стаи
рыданье, слышное едва.*

* * *

*В ноябре день – бредень. Тоскливый, как маятник.
Листья рыбами бьются, засыпают в стеклянной траве.
От сиротливой станции ушёл автобус последний.
Долбит клювом ворона памятник по каменной голове.*

*Так не хочется, чтоб вечерело.
Но что природе до желаний одинокой души?
До того, что по унылым улицам бродит плохо одетое тело,
Да и вообще до всего, что происходит в провинциальной глуши.*

*А в домах зажигаются жёлтые стёкла.
И в осеннем воздухе пробует дыхание близкий снег.
Безлюдно на площади. Лишь рукой указывает памятник.
И уходит от него измученный, с больной душой человек.*

* * *

*Опять весёлая капель
приветствует начало марта.
А старый палевый кобель
стоит и смотрит виновато.*

*Какой уж год ему! Какой,
а он никак не околеет.
Хозяин – тот махнул рукой.
Хозяйка старая жалеет.*

*Она, в полдневный влажный дым
войдя болезненно и скупю.
поставит молча перед ним
жестянку каши или супа.*

*И разогнётся тяжело,
поглаживая поясницу.
А он в глаза глядит светло,
как будто хочет повиниться.*

*А капля, падая, свистит!
И мимо них с завидным рвеньем
петух за курицей бежит,
сверкая грозным опереньем!*

* * *

*Ты медленно встала с постели
и книгу с ковра подняла.
Страницы её шелестели,
дул ветер конца февраля.*

*Тяжёлые шумные шторы
отдвинул он, ознобил,
являя нам мир, о котором
я как-то и думать забыл.*

*Как в комнате холодно было!
Как скучно хотелось еды.
Голландскую печь затопила
и, стоя, задумалась ты.*

*Едва уловимый поленья
струили лесной аромат.
Меж мной и тобой отчужденья
сквозил переимчивый яд.*

*Не сказано нами ни слова,
без слов всё уже решено.
Я книгу закрою и снова
взгляну на ночное окно.*

*Сказать ни о чём невозможно,
и не о чем больше молчать.
Лишь ветер февральский тревожно
всё силится что-то сказать.*

* * *

*Я шёл в сообществе случайных,
где расставание не причиняет боли.
В плену у мыслей, медленных и тайных,
был голосом незнакомым тих.
Дышал я воздухом вечерней воли,
скользил по кругу улиц городских.
У города иная жизнь, иная.
Сплетая ежедневный хоровод,
забудет он о тех, кто здесь ходил.
Был в окнах отражён, как в лоне вод.
Так забывала яблоня ночная,
как с ветви медленно стекал на землю плод.
Там бабочка тяжёлая, большая,
к пределу тайному навеки улетающая,
крылом коснулась моего лица.
Я по щеке провёл ладонью тихо,
на пальцы посмотрел – пыльца.*

* * *

*Такая редкая коса...
Лицо твоё в вечернем свете.
Я загляну в твои глаза
и позабуду всё на свете.*

*С глазами встретятся глаза,
но души вместе не сольются.
Непонимания леса
стеклом морозным разрастутся.*

*Споткнётся маятник часов,
звезда сползёт на дно колодца.
И хор забытых голосов
нестройной песней отзовётся.*

*Омоет окна первый дождь,
являя миру непохожесть
тех сумерек, где листьев дрожь
и одиночество прохожих.*

*Приду к тебе из забвения,
из царства радуги и смерти.
Увижу комнату, тебя,
твоё лицо в вечернем свете.*

*Ветра качнутся тяжело,
и влагу выдохнут ключи.
Мне карих глаз твоих тепло,
как путнику огонь в ночи.*

*Для одинокой мандолины,
стряхнув застенчивость и страх,
есть вечер и туман долины,
и свет далёкий в небесах.*

*Долина ожиданьем встретит,
луна футляр осеребрит.*

*Нагой струны коснётся ветер.
Как благодарно зазвонит*

*струна, таящая разлуку,
и музыку ночных огней,
и золотую сердца муку
о ней единственной, о ней.*

*пусть мы с тобою одиноки,
и пусть косноязычна речь,
мы знаем, как огонь высокий
из сердца, из души извлечь!*

* * *

*Она смеётся, убегает,
проскальзывает меж ветвей.
И белый шарф её порхает
над скромной юностью моей.*

*Я позабыл, что это было,
её я имя позабыл.
Она другого полюбила,
и я другую полюбил.*

*Но почему мне снится вечер,
когда она, с собой в борьбе,
свой шарф мне кинула на плечи
и притянула вдруг к себе.*

*В её глазах светилась мука,
и стыд, и робость, и укор.
И длилась долгая минута,
но я стоял, потупив взор.*

*Она печально улыбнулась
и тоже отвела глаза.*

*И змейка белая взметнулась,
и шарф поплыл под небеса...*

*Но почему ночами тянет,
манит к себе девичий взгляд?
И душу трепетно туманит
забытый, словно имя, сад.*

*Необъяснимо и случайно,
неодолимо, как магнит.
Во всём сквозит ночная тайна
и нежно сердце леденит.*

* * *

*Равнина. Снежно и безветренно.
Ленивый снегопад стихает.
И угасает день так медленно,
как льдинка на ладони тает.*

*Мгновенье перехода света
в иное, звёздное свеченье,
печалью лёгкою согрето.
Неуловимое движенье.*

Татьяна МАЛИКОВА

* * *

*А идти мне по земле – вслед за солнышком,
Ночевать мне за церковной оградой.
А поэту по душе скоморошничать!
Купола мои – июльская радуга.*

*А иконы в моем храме – неписанные!
В сотни свеч сияет небо полночное!
И святые со счастливыми лицами
На асфальте пишут мелом пророчества.*

*Чуть рассеянно, склонившись над пальцами,
Вышивает горизонт Богородица.
И две нитки за иглою тянутся:
Шёлком розовым – рассвет и бессонница.*

Татьяна Маликова родилась в Тамбове в 1980 году. Окончила Тамбовский государственный технический университет и аспирантуру при нём, а также Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Работает в ТГТУ.

Как поэт публиковалась в журналах «Юность», «Подъём», коллективных сборниках, альманахах. Автор двух поэтических сборников: «Лица, маски...» и «Шарманщик».

Член Союза писателей России.

Ветер

*Запали клавиши осеннего рояля –
Солист крылатый с силой жмёт диезы!
И город замер, голову теряя,
В феерии пурпурного оркестра!*

*Безумствует солист, срывая звуки!
Заходится рояль от содроганья.
А город вверх протягивает руки –
Рукоплесканье!*

* * *

*Сердце знает, что лгу. Почему же так искренне верит,
Почему так легко боль его убаюкать могу?
Что потом сожалеть о напрасности встречи, потери...
Разве греют лучи отражённого солнца в снегу?*

*Память-ладанку в сердце зашила Любовь, провожая, —
Всё, с чем я попрощалась, – от новых потерь оберег.
Все, кого я любила, кому теперь стала чужая –
Неба белые слёзы, в ладнях растаявший снег...*

* * *

*Полуоткрытые губы бутонов розовых –
Мягкие, нежные, терпкие губы женщины.
Щёки бутонов – румянцем желания тронуты,
В еле заметных морщинках вечерней женщины.*

*Тонкие стебли и ногти-шипы отточены.
Острой пощёчиной жжёт тех, кто в ласке несдержанны.
Быть беззащитными и откровенно порочными –
Качество роз. И отличие – Женщины.*

* * *

*Город мой – Белокупольный.
Город твой – Белокаменный.
Всё, что нами искуплено –
Белым воском истаяло.*

*На краснеющей площади,
Пряча руки скрещённые,
Мы стояли Всенощную –
Обручё... Обречённые.*

*Губы – пьяные, дерзкие,
В поцелуях измятые.
Трижды руки мы резали –
Трижды стал ты мне братом.*

*Отлюбили – любовники,
Отсмеялись – насмешники.
Мы грешили – не помнили.
Мы искали быть грешными.*

*Расставаясь, не верили, –
Что сумеем проститься.
Голубиными перьями
Снег на город спустился.*

* * *

*За право встречать мужчину –
Женица с Морем спорит.
Ушел бы к другой – простила б?
Камни и слёзы – в Море.*

*Соперница пенит кудри,
Рвёт юбку солёный ветер.
Не каждый мужчина любит, –
Каждый идёт к Бессмертью.*

*От первой волны зачатъя –
Мать-Море дитя качает.
Мужчина рождён для счастья, –
Женица отвечает.*

*Губы твои поблекнут,
Выжелтит время кожу,
Высохнет грудь от ветра, –
Что ты ему предложишь?*

*Женица замолчала,
Вскинула к небу руки.
Пламя волос качало,
Ветер сбивал упругий.*

*Волны друг с другом ссоря,
Утром пришёл корабль.
Шкипер, седой, как море,
Воском солёным плакал.*

* * *

*Все на костёр! – жгут язычницу-Осень
Строгие тополи-иезуиты.
Ветер-послушник – угли разносит,
С пеплом мешает – обрывки молитвы.*

*Косы и пламя – огненный саван.
Бьются, сплетаясь, пёстрые змеи.
Ведьма костер вокруг себя разметала!
В искрах рябиновых тлеет аллея.*

* * *

*И сказала Небо: Да будет Земля! – И стала Земля.
И сказала Небо: Да будет Вода! – И стала Вода.
Море выкормит пеной, к груди прижимая, борта корабля.
И мужчины уйдут. И так было всегда. И так будет всегда.*

*И сказала Небо: Кто верит, дождётся. – И женщины ждут.
Превращаются в чаек, когда не встречают домой сыновей.
Но обнимешь ли Море в едином размахе оперенных рук?!
Чайки-матери кружат, и бьётся о берег: Вернись скорей!*

*Полногрудое Море прерывисто дышит, волнуя рассвет.
И спешат сыновья по солёным дорогам морщинистых щёк.
А намоленный ветер рвёт в белые перья запененный след.
Только Небо молчит, – который корабль придёт ещё.*

*Возвращаются все: кто-то ходит на берег, кто – входит в песок.
Ведь сказала же Небо: Да будет земля! – И стала земля.
Чьи-то белые кудри покроет, как Море, чёрный платок.
А кому-то фатой улыбнётся латать паруса корабля.*

* * *

*Позолота осыпалась с солнца – кленовыми листьями.
Я хотела согреться, но золото стынет в руках.
Я боюсь, что однажды оно окончательно выцветет,
И уже не вернётся, укрыв седину в облаках.*

*И наступит зима. И мы примем цвета её серые.
Станем дольше молчать и садиться поближе к огню.
Я боюсь не заметить, как угли подёрнутся снегом,
И руки не отдернуть, схватив, словно лист, – головню.*

* * *

*Вечер мне дай, Господи, –
В косы плести улицы.
Белый фонарик в волосы –
Мальвою пусть распустится.*

*А на дороге пьянствуют –
Кубки летят в стороны:
Вправо – вино красное,
С белым – налево, – поровну.*

*Угли-глаза светятся,
Скатерть горит чёрная.
Славят Зарю с Месяцем
Дети их наречённые.*

*Солнце – мой бубен, вытертый,
До верху полон золота.
Песни мои выпеты –
Тускло без них, холодно.*

*Утро мне дай, Господи, –
Всё раздарить встречным.
Бубен начищен воском –
Звонче ему, легче.*

Поцелуй Божоле

*Время – за полночь. Рюмки – навзничь.
Молодое вино румянит.
И ныряет пурпурный зайчик
В омут с солнечными краями.*

*Губы – сочная мякоть ягод –
Всё спелее от круга к кругу.
Праздник терпкого винограда
Так легко подарить друг другу!*

* * *

*Рыбьей чешуйкой пристыла к руке звезда.
Но ты же знаешь, я уходила в море.
Милый мой мальчик, женская боль – вода:
Жениcina плачет – море собой поит.*

*Острые брызги скулы одели в соль.
Но ты же знаешь, как море сушит ветер.
Милый мой мальчик, женицину старит боль:
Девочка плачет, – девушка тебя встретит.*

*Мы научились в сети сплести слова.
Но ты же знаешь, море руками ловят.
Милый мой мальчик, женская боль слаба:
Женицина плачет, – прячет лицо в ладони.*

*Море рождает чаек и корабли.
Но ты же знаешь, всем им дорога – в небо.
Милый мой мальчик, облако – боль любви:
Девичьи слёзы делают его белым.*

*Слушай свистящий шёпот предвечных волн.
Видишь, как жадно слёзы песок глотает!
Милый мой мальчик, плачет – земля за жён.
Море целует щеки, и боль стихает.*

* * *

*А на сердце светло:
Этот утренний снег освятил –
И обиды твои, и мои непросохшие слёзы.*

*Не дыши на стекло, –
Не спугни стайку белых синиц,
Нарисованных ветром над гроздьёю рябины белесой.*

*Скоро будет весна –
И прощать, и прощаться легко.
В Благовещенье птиц отпускают, чтоб радовать душу.*

*Снег прилёг у окна
И укрыл под шершавой щекой
Выцветающий след твоих губ в складках белой подушки.*

* * *

*Кобылицей вороной в белых яблоках –
Ночь приходит под окно. Ждёт, что выйду я.
А я двери заперла крепко-накрепко, –
И меня до петухов ей не выманить.*

*Разведу в печи огонь, – искры по небу
Разматает среди звёзд – пусть прогреются.
У меня забот полно-переполнено:
Сны в ресницы заплетать сыну-первенцу.*

*Как тряхнёт рассветный конь гривой розовой,
С кобылицей вороной разыграется!
А ложиться мне самой – рано, поздно ли, –
Вот уж солнцем горизонт разругается.*

* * *

*Ночь смотала клубок солнечной пряжи –
Город уснул.
Расшивала платок – испачкала сажей
Пяльца-луну.
И, с заплаканных глаз, красных, уставших,
Солнце смахнув, –
Стайку снов распугала, в город, дремавший,
Спицы воткнув.*

Ангел

*Душу мою – терновый куст –
Ты с поцелуем к груди прижмёшь.
Сколько ночей, не смыкая уст,
Ты о Любви надо мной поёшь.*

*Я же умею – ласкать и лгать,
Губы из губ наполнять вином,
И не с молитвы с колен вставать, –
А расплетая руки-венки.*

*Сколько клялась, я да всё – не в том.
Сколько меня наперёд прощал.
Сердце моё – необжитый дом –
Солнцем-лампадою освящал.*

*Все мои слёзы – в Твоей одной,
Как она поит меня и жжёт!
Не безответна, Хранитель мой,
Вера того, кто бережёт.*

Перекасти-небо

*Луну – перекасти-небо
Ночь в синий платок завяжет.
Раскрошит ломоть, и ляжет
Он под ноги – белым снегом.*

*Голубкой взовьётся солнце,
Но крошки клевать не станет:
Дождётся, как всё растает –
Наплецется и напьётся.*

*А вечер расставил тени.
Ах, он птицелов искусный!
И вот уже в звёздах тусклых
Ночь полог на клетку стелет.*

* * *

*Порвано солнце на лепестки —
Сыплется радугой на арену.
Встань, гладиатор, — ты победил!
В губы — Свобода целует первых!*

*Душу и меч не замарывай в кровь —
Жадный песок оставляй голодным.
Плач, гладиатор, — им это вновь:
Здесь победитель привык быть гордым.*

*Падай в объятия звенящих трав,
Росы со щёк рукавом стирая!
Было, что было... Огню предав,
Память в золу обращай, прощая.*

*Ветер лицо исцарапал. — Ну,
Губы ж, поблёкшие, — просят цвета!
Будет, — что будет. Срывай луну —
Спелое яблоко с белой ветки!*

* * *

*Бьёт звонарь-сосна в лунный колокол, —
И струится звон, словно молоко.
А к полудню бьёт в златокованный, —
Словно мёд течёт в сито облаков.*

*Пьёт горстями лес знойный Благовест,
И звенит трава: жажду утоли!
А по всем ветрам льётся: Радуйся!
Бьёт звонарь поклон — Небу от Земли.*

Лариса АСТАХОВА

Печаль травы

*К печали выцветшей травы
Пространство мотыльками
рвётся.
Не покрывая головы,
Смотрю, как небо
остаётся
С печалью выцветшей травы.
Надмирный неподвижен
свет,
Лишь вечность белая –
по кругу.
Никто не встретится
друг другу –
В пророчествах друг друга
нет.*

Лариса Астахова родилась и живёт в Тамбове. Работала художником, преподавателем, журналистом.

Публиковалась в областных газетах, «Тамбовском альманахе».

Автор поэтических книг «Чудесный паровозик» (1992) и «Белый колодец» (2009).

Член творческого Союза художников России, Международной федерации художников и Союза журналистов России.

Проводник

Никакой калиткой тесной
В жизнь былую не пройти.
Проводник путей небесных,
Проведи через пути!
В общем хоре против
 лада
Повторяю невпопад:
«Мне ведь многого
 не надо,
Повидаться и –
 назад...»

Ворожея

Как под снежной кутерьмой,
Космы –
 дикой кроной,
Редкий гребень костяной –
Сломанной короной.
Что бормочет –
 всё равно
(Ведь она приснилась),
Видно, грешница,
 давно
Не гадала –
 сбилась.
Мне ж не двинуться
 никак,
В горе затворённой...
И нельзя разжать кулак
С вестью похоронной.

Свет в окне

Помолиться б в доме
 старом,
 Как когда-то. А когда?
 Еле слышно скрипнут
 ставни
 И умолкнут навсегда.
 Зябкий сумрак падать
 медлит
 В облака седых берёз,
 Свет в окне – квадратик
 медный –
 Согревает снег до слёз.

У подземки

Как змея, скользит
 позёмка,
 Злое кружево плетёт,
 Замечает ту подземку,
 Да никак не заметёт.
 Убелён белее снега,
 Против шерсти –
 холодок...
 Друг мохнатый ловит
 с неба
 Лучик,
 словно поводок.

На рассвете

*Утро солнце делило
на дольки
И глотало прозрачной гортанью.
Корабли затонувшие – домики
Выплывали туманною ранью.
И бесшумные ветры
качали
Невесомость прозрачных
ветвей,
Где, как птицы,
дремали печали
И не трогали спящих
детей.*

Последний март

*Верба, в серый снег
осев,
Замерла, усталая.
Прощаться не успев,
Умирает старая.
На груди застыли руки,
Как назначено судьбой.
Причитают две старухи
То над ней, то над собой.
И ребёнок, сбитый с толку,
Плача, никнет головой.
В доме странно пахнет
ёлкой,
Воском, ладаном, смолой...*

Замкнутый круг

*По Санкт-Петербургу
Почти наугад
Я к лучшему другу
Бегу в Ленинград.
Я адрес не помню,
И силы иссякли.
Вот дом и колонны,
А рядом – Исакий.
Столетье летело
За мною по кругу,
Но в этом ли дело?
Я – к лучшему другу...*

Наталья МЕРКУШОВА

Маяки

*А я верю в хороших людей...
Эту веру ничто не погубит:
Ни убийственных дней суровей,
Ни унылая тягота буден.*

*На стремнине широкой реки
Не дай Бог никому очутиться...
Но ведь светят вдали маяки,
Не дают утонуть, заблудиться.*

*...Средь людей тоже есть маяки,
С ними ноша – совсем и не ноша.
Будет ими в стремнину реки
Круг спасательный вовремя брошен.*

Наталья Сергеевна Меркушова родилась в деревне Сретенка Пичаевского района Тамбовщины. Живёт и работает в посёлке Сатинка Сампурского района.

Она автор уже 4-х поэтических сборников: «Дорога к дому», «У края поля», «Дыхание жизни» и «Тайники души», вышедших в Тамбове.

О любви

1

*Любовь приходит ниоткуда,
И вновь уходит в никуда.
И по невидимым следам
Бегу за нею, как за чудом.*

*Но вижу я её приметы:
Вот небо стало голубей...
Зову её:
– Ну, где ты, где ты?
Приди, приди же поскорей!*

*Я – словно высохшая речка,
И нет во мне того огня,
Что зажигали твои речи
И песни –
только для меня.*

2

*На сердце опускается любовь,
Неслышно и невидимо сначала.
Она так часто причиняет боль...
А сразу только счастье обещала...*

*Настигнет вдруг, в неподходящий час,
Когда уже не ждёшь и не мечтаешь...
Неправда, что бывает только раз,
И что во сне лишь в юности летаешь.*

* * *

*Ожиданье приносит печаль,
Ожиданье – оно, как страданье...
В стае птиц, улетающих вдаль,
Есть частица всего мирозданья.*

*Ожиданье и радость приносит,
Если в чудо поверишь опять...
Буду ждать золотую осень
И тебя всегда буду ждать.*

* * *

*Оглянитесь вокруг, посмотрите –
Светел день, изумрудна трава.
Сколько было недобрых событий,
Только всё-таки правда жива.*

*Вот она открывает двери –
Я её постоянно зову...
Больше я никогда не поверю
Ни в приметы, ни в злую молву.*

*Больше я никогда не буду
Душу пробовать на излом...
Новый день настает, как чудо,
Как победа добра над злом.*

* * *

*Солнце клонилось к закату,
День угасал не спеша...
Разве мы в том виноваты,
Что не спокойна душа?*

*В это тревожное время
Ищет себя человек.*

*Годы сплошного неверья
Радость укрыли навек.*

*Где же надежды крупница?
И на каких рудниках
Может она появиться,
Словно синица в руках?*

** * **

*Снова дождь колдует за окном,
Бормоча бессвязные преданья.
Что это?
Гремит осенний гром!
Загадай заветное желанье!*

*Редкое явление – поздний гром,
Изменилась матушка-природа...
Снова дождь колдует за окном:
Это – к чуду будущего года.*

** * **

*Грусть – как дым голубой,
Возникает неожиданно
От костра за рекой,
Скрытой светлым туманом,*

*Или в царстве полей
Зарождается где-то,
Иль в листве тополей,
Шелестящей под ветром.*

*Грусть – как белый цветок
На речном покрывале,
Иль свободы глоток,
Что томительно ждали...*

Правда

1

*Все так просто, старо и мудро –
И рассвет, и хмельной закат,
Только всё-таки очень трудно,
Правду, глядя в глаза, сказать.*

*И в такую сказать минуту –
Когда гибель иль жизнь – сравни!
Из души вдруг взметнулась чудом
Сила света большой любви.*

2

*А у каждого правда своя,
И она ходит тайными тропами.
Хорошо у лесного ручья,
К водопою тропинка протоптана.*

*Правда в этой тенистой тропе,
В поднебесье высоком, заоблачном,
В родниковой она ворожке,
И в поре предрассветной за окнами.*

*А ещё она в мудрых стихах,
Что написаны не равнодушными,
В жизни прожитой, да не за страх.
О другом говорить ещё нужно ли?*

Рябина

*Горит рябина цветом жарким,
Как щёки девицы-красы,
Зимою от её пожара
Дыханье чудится весны.*

*Под нею постою в тревоге –
Подольше б видеть красоту!
Рябину средь деревьев многих
Люблю за щедрость, доброту.*

*Спасает от голодной смерти
Немало птах лесных она.
Взгляните на неё – поверьте:
И волшебством она полна.*

Мотыльки

*Умолкли птицы-хлопотуньи,
И шелестит устало дождь.
Как славно было накануне!
Сегодня день не так хорош:*

*Унылость серая в природе,
Просвета нет средь облаков,
И не танцуют в хороводе
Скопленья ярких мотыльков.*

*Вчера их видела затеи
И трепетанье над цветком.
Куда сегодня улетели?
Увидеть бы одним глазком...*

Песни зимы

(Триптих)

1

*И снова явилась зима
В прозрачности нежных снежинок,
Дома превратив в терема.
На сердце тепло от тропинок.*

*Они запетляли в снегах
Неровными строчками бега,
Как заячий след на полях.
Охотника дело – потеха.*

*С утра поспешает с ружьём,
Сам в белом, как снежная буря.
Ему и снега нипочём,
На поле весь день он пробудет.*

*Добычу домой принесёт,
Пусть будет она не богата.
...Почудился мне ледоход
В клубящихся тучах заката.*

2

*Запела метель, заиграла
С сугробами в игры свои.
Но только не слишком ли рано
Снега заменили дожди?*

*Вчера лили горькие слёзы
Деревья в осеннем лесу.
И вдруг – наступили морозы,
И миг погубили красу.*

*Как нищенка в ветхом наряде,
Сгибаясь к земле под сумой,
Скитаясь, куска только ради,
И слёзно просясь на постой, –*

*Берёза в изношенном платье
Из редкой пожухлой листвы
Стучится в окошко и плачет.
Да разве не слышите вы?*

3

*Сколько раз про то писали:
«Всё вокруг – белым-бело»,
И про сани – чудо-сани,
И – «тропинки замело»...*

*Что мне нового придумать
Про снега и про мороз,
Так, чтоб было много шума,
Как под ветром от берёз?*

*... Улеглись сугробы строем.
Как холмы они лежат!
Ах ты море, бело море,
Снежно-белый палисад!*

*Задымили печи-трубы,
Задымилась полынья.
Стынут руки, стынут губы,
Стынет матушка-земля!*

*Сколько раз мороз ругали
И бранились на метель...
И как долго снега ждали,
Так и ждём теперь капель.*

Затяжные дожди

*Люблю затяжные дожди...
Я слышу в их долгом звучанье:
«Постой! Не спеши, подожди!
Назначило лето свиданье».*

*Какое же лето? Ведь дождь
Такой беспросветный, осенний
– Ты душу лишь только не трожь,
Коль будет ей не до веселья.*

*Я выйду под дождь затяжной,
И счастья увижу приметы.
Наступит желанный покой,
И дождь воспою я за это.*

* * *

*В жаркий томительный полдень
Мне б родниковой прохлады:
Звонким весельем наполнюсь,
Сладкою негой отрады;
Свежестью дальних пролесков,
Бездною недр затаённой,
Гулом столетнего леса,
Речкою, в море влюблённой.*

*В жаркий томительный полдень
Мне б родниковой прохлады:
Радостью жизни наполнюсь,
Нежностью майского сада;
Светом далёких созвездий,
Что утонули в рассветах,
И родниковую песней,
Слышной зимою и летом.*

* * *

*А между небом и землёю – облака,
И голубая безмятежная река,
И васильковые безбрежные поля,
И островерхие красавицы-тополя.*

*А между небом и землёю – небосвод,
И наши души, воспарившие легко,
И хлеб, и сладкое парное молоко,
И вера в то, что всё ненужное уйдёт...*

*А между небом и землёю – ты и я.
А между небом и землёю – жизнь моя.*

Травы

*Как люди, так и травы, видят сны.
Без снов быстрее старятся они,
И угасают тихо, незаметно.
Ах, как ромашки белые стройны,
Соратники и лета и весны,
Всегда на мир глядят они приветно.*

*И травы, напоённые росой,
Поют-звонят под жадною косой
И падают дурманными валами.
И песня трав живёт в них и зимой,
Её не победит метели вой,
Она звучит июля голосами.*

Вадим МАРКУШИН

НОСТАЛЬГИЯ ПО ТАМБОВУ

К невесте

*Мы чуточку все из Тамбова.
 В зрчках чернозёмная Русь.
 Я был здесь навек околдован.
 С тех пор и люблю, и борюсь.
 Мне снятся заборы «Пехотки»,
 девица (сплошные глаза!).
 Заужином порция водки,
 и «против» – ничто перед «за».
 На счастье – лихая попутка.
 К несчастью – закрыт переезд.
 На нервах играет минутка.
 В сердцах матерится протест.
 Помчались. Лишь два поворота.
 Знакомый квартал у реки.
 У старой колонки ворота.
 В окошках дрожат огоньки.
 А там уж – горой тили-тесто.
 Заботы – весёлой гурьбой.
 Девица-то стала невестой,
 моей беспокойной судьбой.*

Вадим Александрович Маркушин в своё время из Тамбова перебрался в Москву. Окончил Военный институт иностранных языков, полковник в отставке, много лет проработал международным обозревателем газеты «Красная звезда».

В настоящее время вернулся в Тамбов.

Публиковался как поэт в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор пяти поэтических книг.

Член Союза писателей России.

Давным-давно

Видавший виды двор, столетний дом,
 у речки, Комсомольская, четыре.
 Гостили скопом в тёщиной квартире.
 Теснились за обеденным столом.
 Ходили до заветного угла,
 где разливали импортную «Варну».
 Стакан, потом другой... Элементарно.
 Несложной «технология» была.
 Навеселе топтались у ворот.
 Вдыхали ароматы огорода.
 Казалось нам, что и сама природа
 освобождала от земных забот.
 На воздух сонный Палыч выходил,
 реальную рисуя перспективу:
 определиться в меру своих сил,
 дав предпочтенье местному розливу.
 Что дальше было делать – не вопрос.
 Велению души нельзя перечить.
 «Займи, но выпей, ведь ещё не вечер», –
 нашёптывал невидимый Христос

Настроение

Пойти б туда, где воздух сладкий
 и терпкий аромат цветов.
 Туда, где можно без остатка
 отдаться свежести ветров.
 Пойти б туда, где звуки тише
 и сердце умирят стук,
 где лишь земля тебя услышит,
 и все замедлится вокруг.
 Пойти и породниться с полем –
 душа уставшая велит.
 Пойти и насладиться вволю
 всем, что волнует и пленит.

В. Н. Баландиной

*Вы рассуждали о Безухове,
Луке, Базарове, Ноздрёве.
Вы жили правдами и слухами
в советском городе Тамбове.
Вы на стезе правописания
тянули ляжку безупречно.
И в каждом знаке препинания
хотели видеть истин вечность.
Ваш крест – работа над ошибками.
Вы полагали их своими.
И кто-то золотыми нитками
«вшивал» в тетрадку Ваше имя.
Вы шли нелёгкою дорогою.
А где-то и тропею грома.
Забыто из плохого многое.
Жива душа родного дома.*

Двухгодичники

*Тамбовская «Пехотка».
Сермяжный каталог –
от шапки и пилотки
до яловых сапог.
Бесцветные обои.
На плац унылый вид.
С подъёма до отбоя
дивизия пылит.
Раз в месяц физзарядка.
Халявный сон-тренаж.
Открыто и с оглядкой
лежит второй этаж.
Лежит и дни считает
до славного конца.*

*Под вечер снаряжает
за «беленькой» гонца.
Жара и непогода.
Два лета, две зимы...
Те два далеких года
теперь смакуем мы.*

Шурин

*Желанней не бывает дня,
чем в середине лета,
когда тамбовская родня
спешит тропой заветной
к традиционному столу,
к базарным разносолам,
чтобы растрогать старину
проникновенным словом.
Чтобы напомнить о себе,
о сыновьях и внуках.
И шумно размешать в вине
скопившуюся скуку.
Чтобы отвесить похвалу
виновнику застолья –
за то, что он внедрял в семью
здоровые устои.
За то, что вечно был у дел
и не менял привычек.
За то, что снять всегда умел
опасность грозных стычек.
За верность дому и корням.
За веру в свою смену.
За недоверие к ветрам,
несущим перемены.
Вот он сидит – отец и дед,
супруг, свояк и шурин.
И тени промелькнувших лет –
во всей его натуре.*

Приснилось

*Был сон. Как будто бы в Тамбове –
воскресный колокольный звон.
И воздух празднично-медовый,
и твой летучий эскадрон.
Нетерпеливый конь подковой
бьёт по губернской мостовой.
Девушки, молодые вдовы.
Во фрунт стоит городской.
Благопристойнейший порядок!
Кругом державные орлы.
Семейства в выходных нарядах.
Уже накрытые столы.
Вина и водочки в избытке.
Лосось, кабанчик, пироги.
И в примирительных улыбках
твои исконные враги.
Гудит дворянское собрание.
Шумит гусарский пир горой.
Всех покорила уж обаянием
ты – сочинитель и герой.
В ходу пикантные легенды –
где небылицы, а где были.
И вздохи, и аплодисменты,
и блеск, и городская пыль.*

Хорошая мысль

*В башке канючат пустяки.
В суставах злобствуют артрозы.
Дружнице, баньку истопи,
порадуй запахом берёзы.
Пусть душа из тела вон
на верхотуре раскалённой.
Пусть мой благодарный стон
расслабит разум воспалённый.*

*И разомлевшая спина
пусть изойдёт солёным потом.
И благодущная волна
разгонит бранные заботы.
И как гостинец естеству –
блаженство у прохладной стенки.
И не во сне, а наяву –
напротив круглые коленки.*

Мечта

*Проснуться бы в лесу за Цной
под трели птички озорной.
Пройтись пешочком к тихой речке
и перекинуться словечком
с сидящим в лодке рыбаком.
Не торопясь вернуться в дом,
сорвав по ходу что-то с грядки.
И безмятежно, без оглядки
на вал событий, внешний мир,
неутомляемый эфир,
устроиться на старой лавке,
поест мясца с зелёной травкой,
побаловать себя чайком
с живым смородинным листком.
Потом несложные задачи
на перспективу обозначить,
подробно обсудив с женой
кружок гостей на выходной.
Ну, и отправиться на рынок,
на ниву деревенских крынок,
лукошек, связок и пучков,
солений и окорочков...
Вернётся лето – сядем снова
на 31-й до Тамбова.*

Зинаида КОРОЛЁВА

МУРЗА

Сказка

С самых первых дней марта погода доказала, что он весенний месяц: днём солнце пригревало так сильно, что возле стволов деревьев быстро образовались проталины, от земли шёл пар — она оттаивала.

В один из таких тёплых дней черная соседская кошка Мурза, осторожно обходя лужи, пробралась к проталине. Она немного посидела на подсохшей земле, а затем прыгнула высоко на ствол дерева, вскарабкалась до длинной толстой ветки, прошла по ней взад-вперёд, обследуя её, и улеглась, вытянувшись во всю свою длину. На ярко светившем солнце шерсть отливала серебром. Её длинный хвост свесился вниз и то был неподвижен, то скручивался в кольцо, а то начал раскачиваться из стороны в сторону. И только по хвосту можно было догадаться, что на ветке лежит живое существо. Мурза пролежала так некоторое время, блаженствуя под тёплыми, ласковыми лучами солнца.

В это время другая кошка, серая Бася, тоже решила погреться на дереве и взобралась на ту же самую ветку.

Мурза лениво приподняла голову и зарычала:

— Ты зачем потревожила меня? Как ты посмела это сделать?

Бася от неожиданности жалобно мяукнула и в растерянности села возле ствола.

— Ну что ты, я не хотела тебя беспокоить, а просто решила погреться на солнце. Разве нам не хватит места на этой ветке?

Зинаида Королёва родилась на Урале. Окончила Московский кооперативный институт. Работала на тамбовском заводе "Электроприбор".

Публиковалась в областных газетах, центральной газете для инвалидов "Надежда", в альманахах и коллективных сборниках. Автор более десяти книг прозы и стихов, вышедших в издательствах Тамбова.

Член Союза писателей России.

Мурза, видя, что Бася не уходит, изогнула спину для прыжка и ещё грознее зарычала:

— Ты смеешь возражать мне? Ты хочешь вступить со мной в драку? — Шерсть на спине Мурзы вздыбилась. Сейчас она была похожа на свою дальнюю родственницу — хищную Пантеру.

— Я не хочу с тобой драться. — Бася поспешно полезла вверх, но, слыша сзади необычное рычание, метнулась вниз. Уже с земли в недоумении посмотрела на Мурзу, по-хозяйски растянувшуюся на ветке и победно крутившую хвостом.

Но тут к дереву подбежал небольшой рыжий котёнок Шустрик и неумело вскарабкался на это же дерево. Он осторожно прошёл по ветке, приветливо мяукнул:

— Здравствуйте! Я тоже смог взобраться так высоко!

Но Мурза не приняла его приветствия и вновь грозно зарычала, даже не приподнимая головы:

— Кто ещё смеет меня беспокоить?

Шустрик от неожиданности зашипел, выгнув спину, его рыжая с чёрными полосками шерстка, похожая на тигриную, вздыбилась.

— Только попробуй тронь меня! — Он весь дрожал от страха перед высотой и перед этой большой кошкой, но не собирался отступать.

Мурза удивлённо подняла голову, затем села, озадаченно глядя на вздыбленный рыжий комок.

— Ты что же, не боишься меня?

— Боюсь, — ответил Шустрик, всё ещё продолжая дрожать.

— А почему же ты не убегаешь?

Мурзе было непонятно поведение Шустрика: она привыкла к тому, что перед её силой и грозным голосом все отступали.

— А мне мама говорит, что я — храбрый котёнок, а храбрые не убегают. — Шустрик перестал дрожать, спокойно сел на ветку и дружелюбно, как и вначале, спокойно спросил:

— А что вы тут делаете?

— Я прогреваю свои косточки — весеннее солнце очень полезное. Ложись рядом со мной, — великодушно предложила Мурза.

— Спасибо за приглашение, но мне надо идти домой, потому что я ушёл без разрешения, и меня теперь накажут. А как спускаться — я не знаю, я же первый раз залез на дерево.

— А ты действительно храбрый котёнок. Я уважаю смелость — это дорогого стоит. Когда ты вырастешь, я буду дружить с тобой. А

сейчас пойдём, я покажу тебе, как надо спускаться вниз. Смотри, как это буду делать я, и повторяй все движения за мной.

Мурза вцепилась лапками в ствол дерева и точно так же, как и поднималась, только в обратном направлении, стала спускаться. Недалеко от земли она спрыгнула, посмотрела вверх и ободряюще мякнула Шустрику:

— Смелее, мой маленький друг, это совсем не страшно.

Шустрик посмотрел вниз и от страха хотел заплакать, позвать на помощь маму, но вспомнил похвалу в свой адрес и стал спускаться, повторяя все движения Мурзы. Уже на земле он благодарно мякнул Мурзе и, увидев свою маму возле двери, весело, во всю прыть помчался к ней.

Мурза смотрела вслед Шустрику со снисходительной и в то же время торжественной улыбкой: она гордилась своим поступком, что дала урок младшему собрату.

Елена ВЛАДИМИРОВА

МИТИНЫ СКАЗОЧКИ

Про то, как Митя не испугался пылесоса

Однажды утром, проснувшись, Митя услышал в соседней комнате какой-то шум. А потом прибежала кошка Масяня. Она была чем-то встревожена: шерсть стояла дыбом, а уши повернуты в разные стороны.

— Ты чего? — спросил её Митя.

— Там в комнате какой-то зверь. Ползает по полу, большой такой. Видел бы ты его хобот. А как ревет! Скоро сюда доберётся.

Шум приближался.

— Боишься? — спросил Митя.

— Опасаюсь, — уклончиво ответила Масяня. Она была кошкой самолюбивой и признаваться в трусости ей не хотелось.

— А как его зовут?

— Не знаю. Ай, вот и он! — забыв про самолюбие, Масяня кинулась под кровать.

Дверь распахнулась, и в комнату вползло чудище. Хобот у него и в самом деле был страшный — серый, длинный и кольцами. Он водил им по полу, проникая во все уголки, и непрерывно гудел. «Ой», — подумал Митя и на всякий случай уцепился за прутья своей кровати. Вообще-то он был мальчик смелый, но кто знает, чего можно ожидать от незнакомого чудища.

Елена Владимирова (Борода) — кандидат филологических наук, работает преподавателем в колледже.

Была участницей Всероссийского форума молодых писателей в Липках.

Автор многих публикаций в газетах, коллективных сборниках, а также двух поэтических книг: «Двойные двери» и «Улыбка клоуна».

В «Тамбовском альманахе» № 6 уже были опубликованы несколько миниатюр из «Митиных сказочек».

Зверь взревел последний раз и затих. «Притаился», — подумал Митя. Но не сидеть же целый день в кровати, когда задумано столько всего интересного и нужного. Поэтому Митя потихоньку спустил ноги на пол. Зверь не шевелился. Потом Митя шагнул, ещё шагнул и ещё. Зверь явно не намеревался обижать маленького мальчика. Тогда Митя потихоньку коснулся его гладкой блестящей спины и тут же отдернул руку. Ему показалось, что зверь вздохнул.

— Ты чего такой страшный? Масяню вон под кровать загнал, — сказал Митя.

— Я не страшный. Я полезный. А кошка твоя ничего не понимает. Я же пылесос.

— Пыле-сос? — переспросил Митя.

— Ну да. Потому что пыль сосу. В доме убираю. Пыль — она знаешь какая вредная? Мало того, что некрасиво, от неё ещё и заболеть можно. Знаешь, сколько в пыли микробов?

Кто такие микробы, Митя уже знал.

— А не врешь? — спросил он.

— Кто — я? Если не веришь, посмотри, как после меня чисто стало.

Митя оглянулся. И правда: там, где пылесос прошелся своим длинным хоботом, от пыли не осталось и следа.

— Масяня, — позвал Митя. — Выходи, не бойся. Это пылесос, он за порядком следит.

Масяня вылезла из-под кровати, всё ещё опасно косясь на пылесос, и уселась на чистом полу с независимым видом.

— А я и не боюсь, — отозвалась она. — Я сама чистоту люблю.

И в доказательство, изогнувшись, лизнула свою спинку розовым язычком.

Про пирамидку

Митя ложился спать и вдруг услышал, как кто-то плачет в темноте.

— Эй! — шепотом позвал он. — Ты кто?

— Это я — пирамидка, — откликнулся печальный голос.

— А почему ты плачешь?

— Кто-то украл красный шарик, который на самом верху не давал соскочить моим колечкам.

Глаза успели привыкнуть к темноте, и Митя разглядел пирамидку. Все кольца были на месте. Красное — самое большое, зелёное — боль-

шое, синее — поменьше, голубое — ещё поменьше, розовое — маленькое, жёлтое — самое маленькое, оранжевое — меньше не бывает. А шарика наверху и правда не было.

— Подожди, — нахмурился Митя. — Может, ты его просто потеряла?

— Но ты же сам убирал игрушки перед сном. И сам надел шарик на мою вершину.

— Верно, — вспомнил Митя.

Он был мальчик аккуратный и следил, чтобы все игрушки были на месте.

— Теперь кольца упадут, и я больше не буду такой нарядной, — всхлипнула пирамидка.

— Ты подожди. Ты не плачь. Завтра утром будет светло, и мы обязательно найдём твой шарик.

Но ни утром, ни днём шарик не нашёлся. А ночью Митя опять услышал плач.

— Это ты, пирамидка? — окликнул он.

— Я, — отозвался печальный голос.

— Опять плачешь?

— Колечко у меня пропало. Я же говорила, без шарика плохо дело.

Митя посмотрел на плачущую пирамидку. Вот они, колечки — сам собирал. Красное — самое большое, зелёное — большое, синее — поменьше, голубое — ещё поменьше, розовое — маленькое, жёлтое — самое маленькое, оранжевое... А где же оранжевое — самое-самое маленькое, меньше не бывает?

— Вот видишь, — пирамидка зарыдала ещё громче.

— Да погоди ты, не реви. Дай подумать. Где оно может быть?

— Говорю же, украли.

— Но кто?

— Я не знаю.

— Ладно, давай спать. Завтра разберёмся.

Митя думал о загадочной пропаже, пока не уснул.

Следующей ночью пропало жёлтое — самое маленькое, потом розовое — маленькое. Потом остались красное — самое большое, зелёное — большое и синее — поменьше. Митя понял, что нужно действовать. Он решил не спать и сторожить воришку.

Наступила ночь. Выключили свет. Митя закрыл глаза и притворился спящим, чтобы не спугнуть неизвестного похитителя. Сначала было тихо, и Митя начал и вправду потихоньку засыпать. Вдруг по-

слышался шорох. Митя вскочил, кинулся к пирамидке и схватил во-ришку за большую мягкую лапу.

— Ага! Попался! — закричал он.

Это был большой медведь. На пирамидке оставалось всего два кольца: красное — самое большое и зелёное — большое. Синее — по-меньше медведь держал в другой лапе.

— Вот они, мои колечки! И шарик! — радостно закричала пира-мидка.

Кольца и шарик лежали аккуратной горкой в углу, где обычно сидел большой медведь. За его широкой спиной можно было спрятать и больше.

— Ну и зачем ты это сделал? — строго спросил Митя.

— Я нечаянно, — медведь выглядел смущённым. — Я жонглиро-вать научиться хотел. Я в цирке видел. Там медведи выступают. Я бы вернул.

— А спросить нельзя было?

— Я стесняюсь.

— Да ладно уж, — пирамидка вновь стала нарядной и радостной, а в хорошем настроении она быстро простила обиды. — Можешь брать мои колечки, если так хочешь научиться жонглировать и стать насто-ящим цирковым медведем. Только, чур — обязательно возвращать обратно.

— Ну, конечно, — обрадовался медведь.

И он ни разу не нарушил своего обещания. А потом пирамидка с медведем очень подружились. Медведь и в самом деле научился жон-глировать кольцами и даже устроил для Мити и его друзей настоящее цирковое представление.

Про зиму

Однажды утром Митя проснулся, подбежал к окну и ахнул. Всё было белым. Сначала Митя подумал, что это не их двор. Присмотрел-ся — нет, всё на месте: песочница, скамейка, берёзка под окном. Только всё белое-белое.

Митя кинулся в другую комнату, потом на кухню: может быть, там всё осталось, как было? Но во всех окнах было то же самое.

— Это что? — спросил он.

— Это зима, — сказала кошка Масыня. Она сидела на подоконнике

и жмурилась от солнышка.

Митя не мог дождаться, когда же они с мамой пойдут гулять. Сегодня мама одела Митю потеплее.

— На улице совсем зима, — сказала она.

— Что такое — зима? — спросил Митя.

Но мама не ответила. Митя ведь ещё не умел разговаривать со взрослыми. Точнее, разговаривать-то он умел, только они не всегда его понимали.

На улице кто-то сразу же ущипнул Митю за нос.

— Ай! — крикнул он. — Кто это?

— Это я — мороз! — сказал кто-то звонким и весёлым голосом.

— Чего щиплешься?

— Это я так играю.

Митя поднял голову, и щёчку что-то защекоотало.

— А это кто?

— Это я, снежок, — голос был мягкий и бархатный.

Митя опустил голову и увидел под ногами своё отражение.

— Ух ты! — удивился он, поскользнулся и шлепнулся на спину.

— Не ушибся? — спросил кто-то и засмеялся тихим и звенящим смехом. — Это я — ледок. Будем дружить?

— Ага, — сказал Митя.

Новые знакомые ему нравились. И вообще вокруг было красиво: радостно светило солнышко, на крышах сверкали сосульки, и вообще дом сиял всеми своими окнами, будто только что проснулся.

— Так это и есть зима, — сказал Митя.

Это была первая зима в его жизни, и он ещё многого не знал про неё. Он не знал, что зимой можно кататься на санках, лыжах, коньках, лепить снеговика и снежную крепость, играть в снежки и просто валиться в сугробах. Неизвестно ему было и то, что зима бывает не только радостной — а бывает она студёной и выюжной. Но это всё ещё было впереди.

Про Новый год

В доме пахло праздником. Наряжали ёлку.

Митя еще ни разу не встречал Новый год и не провожал старый, но ему казалось удивительным, что до сегодняшнего дня никто не называл старым год, который вот-вот должен был уйти. «Когда же это он

успел состариться?» — думал Митя.

Ёлка получилась нарядной. Митя полюбовался разноцветными огоньками, посмотрел на ёлочные игрушки — вот бы достать! Но папа уже объяснил Мите, что ёлочные игрушки, хоть и называются игрушками, но с ними не играют. Митя был мальчик резвый, но послушный, поэтому игрушки трогать не стал. Он подошёл к окну и стал смотреть, как горят ёлочки в других окнах, в доме напротив.

И тут он увидел маленького мальчика.

Мальчик сидел по ту сторону окна на карнизе и смотрел на Митю. Митя помахал рукой. Мальчик помахал ему в ответ. Митя улыбнулся. Мальчик тоже.

— Ты кто? — спросил Митя.

— Я Новый год.

— А почему за окном сидишь?

— Так я же ещё не наступил.

Митя вспомнил:

— А когда ты становишься старым?

— Трудный вопрос. А ты когда растёшь?

Митя задумался, но только на секунду.

— Во сне, — ответил он.

— А я не знаю. Я же не сплю.

— Совсем не спишь?

— Совсем. Время ведь не стоит на месте.

— А что оно делает?

— Идёт. Иногда бежит. Или летит.

— Значит, ты не знаешь, когда новый год становится старым?

— Не знаю, — вздохнул мальчик.

— Может быть, спросим у Старого года?

— Конечно, — обрадовался Новый год. — Он всё знает. Он же Старый.

И тут они увидели высокого старика с длинной белой бородой. Это и был Старый год. Он нисколько не был похож на Деда Мороза, хотя и у того была длинная белая борода. У старика было строгое и мудрое лицо.

Мальчики поздоровались.

— Мы хотим знать, когда новый год становится старым, — сказал Митя.

Старик усмехнулся.

— Я отвечу вам, маленькие друзья, потому что точно знаю, когда

новый год становится старым. Когда отцветут серебряные цветы на окнах, когда промчатся в небе стаи белых мух, когда наполнятся и иссякнут реки, которых нет ни на одной карте, когда зелёный ковер станет пёстрым, когда юные птенцы покинут гнёзда, когда загорятся деревья, когда чёрная земля умоется добела — тогда новый год станет старым.

— Ты говоришь загадками, — сказал Митя.

— Тебе так кажется, потому что тебе ещё нет и года, маленький человек, — отозвался старик. — Но скоро, очень скоро ты поймёшь, о чём я говорю. А ты, — обратился он к своему преемнику, — поймёшь это ещё скорее.

С этими словами Старый год повернулся и пошёл прочь.

— Подожди, — окликнул его Митя. — А куда ты уходишь?

— Я уйду в Вечность. Оттуда не возвращаются.

— А что такое — Вечность? — спросил Митя.

— На это даже я не могу тебе ответить. Но знаю, что все без исключения узнают ответ на этот вопрос.

Утром Митю разбудили мама с папой.

— С праздником, сынок! — сказали они. — Вставай скорее. А за окном-то мороз!

Митя вспомнил своё вчерашнее приключение и потянулся к окну. Там прямо на стеклах цвели серебряные цветы. Новый год ещё только начинался.

Про звезды и салют

Митя не хотел уходить с улицы домой. Ему нравилось гулять, потому что погода была хорошая: морозец, воздух свежий, небо ясное. И ещё Мите нравилось, что было Рождество и папа катал его на санках. И они с папой слышали разные праздничные звуки: как пели, смеялись и звенели бокалами.

Наконец папа сказал, что это последний круг, а потом они пойдут домой.

Митя запрокинул голову и увидел звёзды. И чем больше он смотрел вверх, тем больше звёзд видел. Потом он перестал слышать, как пели, смеялись и звенели бокалами. А потом он услышал, как говорят звёзды.

— Здравствуй, Митя! — звенели они хрустальными голосами.

И такие у них были звонкие и хрустальные голоса, так далеко разносились по небу, что непонятно было, то ли это эхо, то ли голос новой звезды.

— Здравствуйте, — сказал Митя. — А почему я раньше вас не слышал?

— Наверное, потому что не знал, что звёзды говорят. А ещё сегодня такая ночь... Рождество. Этот праздник начинается с появления звезды. Так что и мы сегодня тоже именинницы.

Дальше Митя не понял, потому что послышались крики и хлопки, а небо расцвело разноцветными огнями.

— Это салют, — сказал папа.

Огни были крупнее и ярче звёзд. Они взлетали и вспыхивали, переливались и падали, мигали и таяли, так что папа с Митей остановились, чтобы полюбоваться. «Салют красивее», — подумал Митя.

Потом всё стихло. Дым рассеялся. И тогда Митя услышал, как звезды смеются.

— Салют... От его огней не осталось и следа. А мы сияем и будем сиять. Ведь у нас впереди целая вечность.

— Что такое вечность? — спросил Митя. Он уже второй раз в жизни слышал это слово.

— Подожди, сам узнаешь... Обязательно узнаешь, — наперебой зазвенели звёзды.

Потом они с папой пришли домой. Митю накормили и уложили спать. А сами тоже стали петь, смеяться и звенеть бокалами. Но Мите совсем не хотелось к взрослым, как это бывало раньше. Он знал, что этот праздничный шум рано или поздно стихнет. А голоса звёзд... Митя был уверен, что никогда их не забудет. Даже если пройдёт целая вечность.

Про краски

Митя сидел на полу и рисовал. У него был свой альбом и много красок. И кисточка. Митя уже много чего умел рисовать. Он умел рисовать ветер, небо, дерево, росшее за окном, птичку на нём, кошку Масыню, у которой особенно похожем получался хвост. Но сегодня он хотел нарисовать цветов и подарить его маме.

Митя задумался. Какого цвета должен быть подарок?

— Нарисуй его красным, — посоветовала Масыня, которая любовалась своим портретом.

— Красным?

— Да, красным. Как грудка снегиря.

— Как солнышко на закате, — прошелестело дерево за окном.

— Как спелая вишня, — чирикнула птичка на дереве.

Митя вспомнил грудку снегиря, солнце на закате, спелую вишню. Кстати вспомнил любимое мамино платье и машину соседа. Всё это было красным, но красным по-разному. Митя растерялся.

— Что же это такое? Название одно, а цвета разные.

— Это же проще простого! — услышал Митя звонкий голосок.

Оказывается, это был солнечный зайчик.

— Попробую объяснить, — сказал он. — Там, где я сижу, — какого цвета листочки на твоём любимом дереве?

— Зелёные, — ответил Митя.

— А в тени?

— Тоже зелёные.

— Правильно. Только разве это одинаковая зелень?

— Нет.

— Видишь, как меняется краска от того, сколько в ней света. А теперь смотри...

Зайчик прыгнул на подоконник и глянул на дерево сквозь стекло. Но так как он был зайчик солнечный, то и взгляд у него был не простой. Такой был взгляд, что по листочкам замелькали радужные блики, разбежались во все стороны, зарябили и затрепетали, так что Мите брызнуло в глаза такое буйство красок, что он и названия-то им придумать не мог.

— Я понял! — воскликнул он. — Все цвета мешаются друг с другом и получаются новые краски.

— Ну конечно! — обрадовался зайчик. — Это только для рисования краски по баночкам разложены.

И тогда Митя взял кисточку и быстро-быстро принялся рисовать свой цветок. Это был цветок, который видел и солнце на закате, и спелую вишню. Грудку снегиря вряд ли — все-таки снегири прилетают зимой, когда цветы под снегом. Зато наверняка цветок видел румяные бока яблок и разгоревшиеся от беготни щёчки детей. Они ведь тоже красного цвета.

Когда мама увидела Митину картину, она сказала:

— Как красиво!

И они с Митей долго любовались нарисованным цветком. А потом пошли отмывать Митю. А картину повесили на стену.

Про штору

Стена была как стена. Пока не повесили штору. И сразу стало казаться, что за ней — дверь. Но двери там совсем не было. Митя сам проверял много раз: резко отдёргивал штору, потихоньку отодвигал, смотрел в щёлочку. Двери не было. Но стоило шторе мягкими складками повиснуть от потолка до пола, не верилось, что за ней только стена и ничего кроме.

Мите было обидно. Ему очень хотелось знать, куда ведёт эта дверь и кто за ней скрывается. А как узнаешь, если не видно не только того, что за дверью, но и самой двери?

Потом к шторе привыкли. Митя уже начал забывать про невидимую дверь. И вот однажды Митя услышал тоненький дребезжащий голосок.

— Топ-топ, ой-ой-ой, я иду к себе домой.

Приглядевшись, Митя увидел маленького паучка.

— Привет! — окликнул его Митя.

— Топ-топ, ой-ой-ой, это кто ещё такой? — испуганно откликнулся паучок.

— Я Митя, — сказал Митя. — А ты?

— А я паучок-старичок. Я иду своей дорогой, лучше ты меня не трогай. Попадешь ко мне на ужин — будет хуже...

Митя улыбнулся. Паучок, наверное, привык общаться исключительно с мухами.

— А где ты живёшь? Какой у тебя дом?

— Что за дом у паука — паутина в три витка. В щели, в уголке коротаю ночи, — паучок кивнул, видимо, в сторону своего жилища и направился туда.

И тут Митю осенило: паучок живет как раз ТАМ, за шторой, и может быть...

— Постой! — крикнул Митя. — Паучок-старичок, ты, наверное, всё видишь. Ты ничего не знаешь...

— Про дверь? — оглянулся паучок.

Митя даже не удивился, что паучок понял его с полуслова.

— Да, — сказал он.

— Знаю про дверь, — когда речь шла о чём-то серьезном, паучок, видимо, переходил на прозу.

— Расскажи, что знаешь. Пожалуйста, — попросил Митя.

— Что тут рассказывать. Всё верно, есть она, эта дверь.

— А что там, за ней?

— Сказка. Ты эту дверь отыскал, значит, и сказка там твоя. У каждого ведь есть своя сказка и своя дверь, которая ведёт туда. Только не все об этом знают. А некоторые и знают, да не верят. А ещё некоторые и знают, и верят, и даже там побывают, а потом всё забудут. А ты молодец — сразу почуял, что за этой шторой что-то не так.

— А как открыть эту дверь?

Паучок укоризненно посмотрел на Митю:

— Разве ты не понимаешь, что такие двери просто так не откроются? Всему своё время. И твоей сказке черёд придёт.

— А ты, паучок-старичок, сам бывал там, за дверью?

— Нет, не бывал. Незачем мне. Я устроил дом снаружи, и жильё моё не хуже... — и паучок, опять приговаривая стихами, заковылял домой.

«Когда же?» — подумал Митя про свою дверь. Сначала ему было ещё беспокойнее, чем раньше. Ведь теперь он знал, что скрывается за шторой, и хотелось, чтобы скорее настало то время, когда сказка позовёт его.

Но потом Митя решил, что главное — это то, что дверь за шторой есть на самом деле. А самое главное — что за ней Митина собственная сказка. И самое-самое главное — что дверь в Митину сказку когда-нибудь для него откроется. Обязательно.

**Анатолий
КАДЫКОВ**

**КОТ-ИЗБАВИТЕЛЬ,
или
НЕОКОНЧЕННАЯ ВОЙНА**

Сказка

В давние-предавние времена, ещё до царствования царя Гороха, в одной небольшой деревушке в деревянной избушке жили-были, проживали, беды-горя не знали муж, жена да их малолетние детки: дочка Маша да сыночек Миша. Родители чуть ли не с пелёнок приучили деток быть трудолюбивыми, чуткими и внимательными и к людям, и ко всему окружающему растительному и животному миру.

«Всем надо всегда помогать и пособлять, чем можешь», — частенько говаривал отец, когда вся семья собиралась за обеденным столом или что-нибудь дружно делала.

«Не только помогать-посождать, но и кормить, и поить, и ухаживать», — всегда добавляла мать и ласково посматривала на своих деток.

Жила эта семья не богато, но и не бедно. Всё их хозяйство состояло из коровы Зорьки да чёрного лохматого пса Барбоса. До недавних пор жил у них ещё старый кот Котофеич, но потом он куда-то ушёл из дома путешествовать. Ему, наверное, захотелось на старости лет мир посмотреть-повидать да и себя миру показать.

Анатолий Иванович Кадыков родился в 1939 году в деревне Умёт Покрово-Марфинского района Тамбовской области (ныне — Знаменский район).

Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Работал шахтёром, слесарем, электромонтёром, 22 года носил офицерские погоны.

С 2004 года посещает литературное объединение «Радуга» при областной писательской организации.

Публиковался в газетах, коллективных сборниках.

И никто не знал, жив ли Котофейч или уже погиб, ища себе приключений. А мать, горя и сокрушаясь, иногда укоряла своих деток и говорила им: «Это кот из-за вас ушёл из дома. Это всё вы играли с ним, всегда брали Котофейча на руки и не давали ему покоя. А ему, старому коту, нужны были только покой, тепло и ласка. Плохо, когда в доме нет кота или кошки».

В семье все любили труд, ко всему относились бережно, экономно расходовали продукты питания и разные другие припасы, так как знали, что суровая, морозная и снежная зима строго спросит: «А как вы работали летом и осенью, что вы припасли для еды зимой, и как вы эти припасы сохраняете?».

И вот однажды, когда в доме дети были одни, откуда ни возьмись, в их комнате появились два совсем маленьких шустрых, ушастых сереньких зверька с длинными тонкими хвостами и такими забавными усатыми мордочками. Зверьки очень понравились детишкам, и они дали им хлебных крошек со стола. Зверьки хлебные крошки быстро поели и тонюсенькими голосами запищали: «Вы очень хорошие, добрые, славные и умные детки, но только никому не рассказывайте, что мы здесь поселились. Мы вам за это оплатим своим добром. А вот если кому про нас расскажете, то мы убежим из дома, и вы опять останетесь одни. Вам же будет скучно и грустно без нас, а ведь с нами-то вам веселее».

Дети обещали никому не говорить о появлении в доме таких прелестных милых зверьков, а зверьки опять запищали: «Есть хотим, есть хотим! Дайте нам ещё еды на запас. Нам нужен большой запас еды».

Дети ещё им дали кусочек сыра и сухарь, и зверьки, схватив всё это, ссорясь и толкаясь, скрылись с ношей в дырочке в полу в углу комнаты. Это же были обыкновенные амбарные мыши, а дети о мышах ничего не знали и не слышали.

«Я очень люблю честных, порядочных и доверчивых людей, вот как эти дети, — сказала однамышь, — ведь их всегда легче обмануть и провести».

«Значит, здесь мы и будем жить и сообщим о такой прелестной семье, в которой нет кошек, всем своим родным и близким», — вторила ей другаямышь.

Ни Маша, ни Миша никому не сказали о новых жильцах дома, и с тех пор каждый день стали класть в дырочку в полу хлебные крошки, сухарики, семечки и даже конфеты, и зверьки всё это быстро съедали. Было очень забавно наблюдать за их вознёй при кормёжке-делёжке.

Вскоре этих зверьков стало больше, и когда родители уходили из дома по своим делам, то детишки, оставаясь дома, опять начинали кормить этих зверьков хлебом, пшеном, разными крупами и семечками, что хранились в шкафу, сундуке и кухонном столе. Всё, что давали дети, зверьки с большой охотой поедали и, наевшись, начинали переносить остатки еды в нору в подвале и там складывать про запас.

«Есть хотим, мы очень хотим есть, — то, и дело требовали они еду от детей. — А если вы нам еду не дадите, то мы об этом скажем вашим родителям, и они будут вас за это очень ругать и по головке не погладят. Давайте же еду нам и нашим деткам».

Дети стали бояться, что зверьки и вправду всё расскажут родителям, а те станут их за это ругать, корить и стыдить, и дети продолжали скармливать зверькам даже и свою еду, что им оставляла мама. Ведь детям-то родители всегда внушали, что всему живому надо помогать и пособлять, и кормить, и поить. Вот они так и поступали: кормили эту всё растущую прожорливую ораву.

Вскоре зверьки настолько осмелели, что стали совсем безбоязненно бегать по всему дому: по стульям, столам, шкафам, кроватям и даже по стенам, забирались на подоконники и смотрели в окна: «А что там такое делается во дворе, уж не идёт ли кто в дом?».

Теперь уж они не ждали, что им дадут поесть. Бегая по всему дому, они что находили, то сразу же брали сами и с жадностью поедали или уносили в подвал дома. А Маша и Миша, несмотря на все свои старания, никак не могли их накормить.

Родители детей вначале совсем не замечали этой напасти, так как маленькие серые зверьки, а это были, как уже сказано, обыкновенные амбарные мыши, при приближении кого-либо к дому или, услышав лай пса Барбоса, быстро разбегались в разные стороны по своим норкам. В подвале дома они переставали пищать и не показывались отсюда до тех пор, пока дети не оставались в доме одни.

Однажды утром мать открыла шкаф, чтобы взять пшена и сварить кашу, и, к своему удивлению, увидела, что пшена почему-то стало маловато, поубавилось и других круп, и семечек, и прочих припасов.

«Ох, боюсь, не хватит нам продуктов до весны, — стала горевать и беспокоиться она. — Теперь придется нам всё экономить, поменьше и пореже есть...»

Мать, конечно, не знала, что её детишки, запуганные мышами, тайком от родителей, ежедневно кормили прожорливых нахлебников съестными семейными припасами.

Самая большая и толстая мышь постоянно грозила Маше и Мише: «Если вы не станете нас кормить, то мы тогда сами всё возьмём, поедим и перегрызём своими зубами, будем и вас кусать. Смотрите, какие у нас острые и крепкие зубы».

При этих словах старая толстая мышь показала детям свои острые и такие противные желтые кривые зубы. Дети стали ещё больше бояться мышей и их страшных зубов. Мыши так запугали бедную Машу и её братца, что дети были вынуждены открыть им шкаф с крупой и высыпать на пол полную чашку пшена. Забыв закрыть шкаф, кое-как одевшись, они выбежали на крыльцо, так как мыши с угрозой потребовали открыть им ещё и сундук. Оставшись дома одни, маленькие разбойники набросились на продуктовые запасы семьи и давай всё это быстро переносить в свои глубокие норы в подвале дома.

Родители в этот день раньше обычного пришли домой с работы и увидели, что их детки стоят полуодетые на крыльце дома и готовы расплакаться. Никогда раньше Маша и Миша не встречали так своих родителей.

«А почему вы не в доме, что случилось?», — испуганно спрашивала их мать.

«Вы почему не оделись как следует?», — сердито спрашивал их отец.

«Они хотят нас кусать за ноги и за руки, если мы не откроем сундук с продуктами. Вот мы от них и убежали», — захныкала Маша.

Миша тоже готов был расплакаться. Ни мать, ни отец никак не могли сразу понять, о чём говорят их дети. Но когда они вошли в дом, то сразу всё поняли: сотни серых ушастых мышей с длинными хвостами сновали по всему дому и пищали, и свистели на все голоса. Их разбойничья пирушка была в самом разгаре. Увидев хозяев дома, самая большая и толстая мышь пронзительно и тревожно запищала: «Тревога! Пришли хозяева дома, спасайся, кто как может!».

Сразу же около дырок в полу создалась давка. Мыши, стремясь скорее убежать в свои норки, пронзительно пищали, кусали друг друга за уши и хвосты, скалили зубы.

Отец не растерялся, схватил в руки берёзовую метлу, которой всегда подметал двор, мать взяла веник, и они вдвоём начали прогонять маленьких разбойников. А самая большая и толстая мышь из подвала нагло и грозно пищала: «Мы здесь уже давно живём и имеем на это право! Вы нас всех не перебьёте, у нас подрастает много молодых мышат. Вы будете терпеть и голод, и холод, если не будете всех нас

кормить и работать на нас. наших долей в этом доме больше, чем ваших! Мы объявляем вам войну, и победа будет за нами!».

Весь вечер отец забивал дыры в полу жостью и фанерой, а мышьи норы в подвале замазывал глиной с битым стеклом. Когда эта работа была закончена и вся семья стала ужинать, то мать вспомнила о коте Котофеиче, который был большой охотник и спец ловить мышшей.

«Вот было бы хорошо, если бы Котофеич пришёл домой, — говорила мать. — Я бы его стала кормить и поить не молоком, а только сливками и свежей рыбой, которую он так любил. Он бы эту шайку разбойников живо разогнал. Они его всегда боялись, как огня...»

А отец даже хотел, несмотря на наступление ночи, куда-то ехать и разыскивать кота Котофеича, но мать уговорила его не делать этого на ночь глядя и уверяла, что кот сам должен прийти домой, так как по восточному календарю наступающий год будет годом кота, и все бродячие коты должны обязательно вернуться домой.

На следующее утро отец увидел, как мыши превратили в труху сено, заготовленное для коровы Зорьки, и прогрызли в разных местах стены избушки и коровника. Свою угрозу о беспощадной войне с людьми мыши начали осуществлять и перенесли её на все другие ближние и дальние крестьянские хозяйства.

Отец и мать вынуждены были день и ночь, не досыпая и не доедая, с палками и вениками в руках охотиться на маленьких врагов, но их количество не только не уменьшалось, но всё возрастало. Мало помогал борьбе с мышами надрывный и злой лай пса Барбоса. Да и не его это было дело — ловить мышшей. Его дело было охранять дом от внешних врагов, что он добросовестно и делал. От голода, холода и, может быть, даже от гибели, семью могло спасти только чудо. И чудо произошло.

В это самое время, где-то в далёкой стороне, в густом лесу кот Котофеич случайно встретил мудрую Сову. Сова удивилась, увидев кота, и говорит ему: «Котофеич, скоро наступает Новый год, год кота, а почему же ты не торопишься домой? Ведь для кота такой шанс выпадает раз в жизни, и каждый кот должен быть в этом году дома».

От этих слов мудрой Совы заволновалось, заныло и заболело чуткое сердце кота, растревожилась его кошачья душа. Котофеич вспомнил о своём родном доме, где он вырос и жил, о парном молоке и сливках, колбасных обрезках, о тёплой печке, где он любил греться долгими зимними вечерами, о Маше и Мише, которые его очень лю-

били и ласкали, и о своей охоте на мышей в подвале дома.

«Очень вам благодарен за напоминание о наступающем Новом годе, — расшаркался перед мудрой Совой кот Котофеич и пообещал. — Я ваш должник, и при следующей встрече я вас щедро и достойно отблагодарю, а пока разрешите откланяться».

Сразу видно, что это был очень вежливый и воспитанный кот. Недолго размышляя, он быстро пустился в дорогу. Она была трудная и очень опасная. Далеко ушёл от дома кот в своих путешествиях. Ему пришлось идти через дремучие леса, полные больших и страшных зверей, через топкие и опасные болота и открытые поля; переходить железные и автомобильные дороги, обходить стороной большие и малые города, поселки и деревни с их злощими собаками. Все эти препятствия кот благополучно преодолевал и всё бежал и бежал домой, так как сердце подсказывало ему, что надо торопиться к Новому году, году кота, и встречать это знаменательное событие вместе с Машей и Мишей.

И вот ранним утром около двери на крыльце вдруг раздалось такое знакомое и милое: «Мяу, мяу, мяу!».

Все сразу бросились открывать дверь, и в комнату вошёл уставший, измученный от долгого и трудного пути кот Котофеич. Радостно мурлыча, он важно промяукал: «Доброе утро! Извините меня, пожалуйста, за долгое отсутствие. Чем могу быть полезен?»

Все очень обрадовались возвращению кота Котофеича, а больше всех девочка Маша. Она теперь знала, что это от её чрезмерных «забот» уходил он из дома, и что это она вместе со своим братцем Мишей развела и вскормила такое множество маленьких серых врагов, с которыми может справиться только кот Котофеич.

Котофеичу сразу же налили полную миску сливок и рассказали ему, пока он лакомился, что у них тут случилось. А кот Котофеич, поев, облизнулся, потянулся, прищурил свои серые глазки, сделал хвост трубой и промяукал, как настоящий учёный кот: «Никогда не оставляй дело на завтра, если можешь сделать его сегодня!».

И с этими словами он смело прыгнул в подвал дома. А в это самое время толпы мышей гуляли там, как хотели, — свободно и вольготно, ничего не опасаясь. Как бросился кот Котофеич в самую гущу серых разбойников и вымогателей, и пошла в подвале битва не на жизнь, а на смерть. Трудно передать словами, какой в подвале стоял шум-гам-тарарам, свист-писк-треск, рычание-урчание-завывание и стон. И вот, когда всё это стало стихать, из подвала появился с самой большой и

толстой мышью в зубах кот Котофеич. Он тяжело дышал, серые глаза его горели беспощадным зелёным огнём. Он вышел из битвы победителем. Большая мышь судорожно извивалась в его острых зубах и пронзительно пищала: «Спасайтесь, кто как может! Убегайте скорее подальше от этого дома!».

И все мыши, сколько их было во всём доме, как по команде, бросились бежать во все стороны, и даже ни одного мышонка в доме не осталось.

После этого, чтобы полакомиться мышатинкой, коту приходилось путешествовать по окрестным полям и лесам, так как близко от его дома они не водились. Они очень боялись острых зубов и цепких когтей кота Котофеича.

Девочка Маша стала любить кота ещё крепче прежнего. Она даже однажды хотела вместе со своим братцем Мишей опять развести в доме мышей, теперь уж коту на съедение. Они хотели угодить ему. Но как вспомнили, какую трудную и тяжёлую борьбу с мышами вели их родители, то отказались от этого намерения: поняли, что мыши никогда не пожалеют хозяина и готовы всё изгрызть, испортить в доме. Дети решили: лучше они будут отдавать коту Котофеичу свою долю сливок, но только никогда-никогда впредь не разводить в доме мышей.

С этих пор Котофеич никуда из дома надолго не отлучался, так как почти всё на свете он видел и теперь считался примерным домоседом. Дома же он часто сладко зевал, потягивался, улыбался, тёрся о ноги хозяев и делал хвост трубой. Он и раньше, и теперь очень любил спать на пуховой подушке на диване или — в холода — на тёплой печке.

И хотя почти все считали его лентяем и лежебокой, но нахлебником и дармоедом его не считал никто и никогда.

Людмила ПОЛИКУТИНА

НАЦИСТ

Рассказ

«Мой сын, у меня нет сомнений, что ты, как и я, как большая и лучшая часть немецкого общества, предан великому Гитлеру. Если бы я не был в этом уверен, то, как истинный нацист, по праву отца первым расстрелял бы тебя. Знаю, что говорю лишнее, Мориц.

Помнишь, я подарил тебе щенка, велел назвать его самым лучшим именем (кажется, тебе понравилось «Шварцхен») и нежно заботиться о нём. Открою тебе: я, как отцы многих твоих товарищей, действовал по приказу Фюрера (мне хочется сложить свои ладони, чтобы молиться Ему! Но чувства — мой большой недостаток, которым, я надеюсь, не обладаешь ты).

Теперь, спустя два года, Он отдал другой приказ, который сделает из тебя сильного, мужественного человека, достойного возвеличить нашу великолепную Германию! Ты должен убить Шварцхена. Немедленно. Твои друзья уже делают это (приказ был передан почти одновременно по всей стране). Наш Фюрер уверен в тебе, мой сын. Так же, как и я.

С любовью, твой отец».

**(Из личного письма
полковника Эрлиха Гульца сыну;
Шверин, 1937)**

Людмила Поликутина родилась в 1984 году в Украине. С детских лет живёт на Тамбовщине.

В 2001 году окончила школу №2 г. Котовска, в 2006-м — Тамбовский госуниверситет им. Г. Р. Державина.

В настоящее время учится в аспирантуре и занимается воспитанием маленького сына.

Писать прозу начала в студенческие годы. Публиковалась в газетах, коллективных сборниках, альманахах, журнале «Мой мир» (Германия).

Я не чувствовал к ней ничего. Я ничего не чувствовал вообще к русским. Это бесчувствие было у меня в крови; я любил, должно быть, только свою страну, её правителя, родителей, своих товарищей и себя.

Никогда не забуду, как доверчиво смотрел на меня мой лохматый друг, когда моя рука вместе с ножом поднималась, чтобы убить его.

Роки, славный Роки, я только выполнял приказ своего Учителя, которому свыше было доверено сделать из меня Человека. И я им стал, этим человеком. Только теперь приказ шёл не от фюрера, а от Бога, а учителем стала она — несчастная мать, чужая жена и хозяйка самого нежного пса, которого она убила, чтобы не умер с голоду её сын. Каково, Роки?

Я готов рассказать тебе эту печальную историю, — а впрочем, самую счастливую историю в жизни патриота-живодёра. То есть в моей жизни, Роки.

Что же такое наша жизнь? Я имею в виду не жизнь ради жизни, как поётся в песне, а вот что она такое для молодых людей, едва вышедших из подросткового возраста, но уже имеющих представление о любви к Родине, жестокости, и как один орущих в фанатичном упорении имя своего диктатора?

Я сам очень любил фюрера. Он указал нам путь, которым следует идти в жизни, сделал строгими, негнущимися, воодушевлёнными. Мы пошли бы за ним на край света. Да, именно за ним, — даже не во имя своей родины, которую, конечно, любили, потому что и в сердце вроде было что-то, и так повелел Он.

С его именем я и вошёл зимой сорок второго в дом с низкой дверью, хлопая по плечу своего приятеля: лучшего друга у меня не было. У патриотов все друзья должны быть лучшими. Или же вообще не быть.

— Хайль Гитлер! Эй, кто-нибудь из низшей расы, отзовись! — весело крикнул я, молодой нацистский офицер, гордый до невозможности собой как завоевателем.

Не дожидаясь появления хозяев, наша компания села за стол и со скоростью истребителя поглотила ещё тёплую картошку в мундире и весь нехилый кружочек домашнего хлеба, припасённый за печкой.

В окне показались две женщины, они несли за плечами сырые от снега деревяшки, которые ещё следовало посушить. Они удивлённо прислушивались к новым для них звукам. Немудрено, что они не видели остальных наших товарищей, рассыпанных по деревне, — этот дом был последний в ряду прочих.

Они распрощались друг с дружкой, чтобы больше никогда не встретиться.

— Здравствуй, красавица! — Зенек выскочил вперёд, разыгрывая шута.

Оказалось, что это была вовсе и не женщина, а девушка, очень хорошенькая, с кудряшками, выбивавшимися из-под платка. Она стояла перед нами ни жива ни мертва, видать, совсем не ожидала таких гостей. Пока она так стояла, в дом вбежал мальчик — и тоже застыл в удивлении.

— Что же ты не заходишь, красавица? — продолжал выкобениваться Зенек. — Твои гости голодны, грязны и желали бы отдохнуть с дороги...

Я уже был капитаном и мог отдавать приказы своим приятелям: все они были младше по званию.

— Сядь, Зенек, — и, встав сам, я деловито и зло подступил к русской.

Она быстро спрятала ребёнка позади себя и готовилась к самому худшему.

— Мы будем жить здесь. В вашей деревне будет один из наших штабов. Так что, фройляйн, будь добра нас обслуживать... и во всём подчиняться!

Ух, сколько грозности было в моём голосе! Остальные засмеялись, поняв конец фразы на свой лад. Русская не знала нашего языка, к её же горю. Когда она и не двинулась с места после моего категорического высказывания, я грубо схватил её за руку. Мальчик испуганно пискнул.

— Пошевеливайся, низшая раса! Я два раза не повторяю. Иначе твоему родственнику будет очень плохо!

Я указал на ребёнка, и теперь, наконец, она догадалась. Быстро сняв свой пушистый шерстяной платок и обнажив тем самым длинные тёмные кудри, девушка кинулась в комнату и начала там что-то трясти. Мальчик прижался к стенке возле неё и потупил, как и она, полные ужаса глаза. Они даже боялись заговорить друг с другом: так сильно действовало на них наше присутствие.

Я вошёл в ту комнату: девушка стелила постель, сжав губы. Нас было четверо, и она показала мне все места, где мы могли спать: печка, две кровати на хорошо смазанных пружинах (я проверил) и широкая лавка.

— Гут, — кивнул я. — А теперь назови своё имя. Ну? Как тебя зовут?

Она в непонимании покачала головой. Я ткнул себе в грудь:

— Я — капитан Мартин Кеммерлин. Остальных тебе знать не обязательно.

— Мартин? — кажется, это было единственным удобным для неё словом из всего, что я сказал.

И тут девушка обратилась к ребёнку:

— Сашка, пошли, затопим баню.

Малец прижался к её юбке, однако я стоял в проходе и не давал им возможности выйти.

— Куда?

Она указала пальцем на низенький домик во дворе, почти чёрный и с малюсеньким окном.

— Зачем?

Девушка потёрла двумя руками лицо и указала на меня.

Русская баня — вещь, может быть, и жестокая в каком-то смысле, но забываемая — это точно.

Есть мы не хотели и вскоре завалились спать.

Среди ночи я открыл глаза. Мне приснилось, что твякает мой озорной Роки, я с ним играю, прыгаю на лужайке от глупейшего счастья, а потом снова увидел в своей руке острый нож — и проснулся.

Меня посетила восхитительная идея, и я тихонько слез с печки и направился в баню: я видел, как там постилала солому наша девушка. Я уже приоткрыл дверь в предвкушении весёленькой ночки, как вдруг услышал странную песню, выливавшуюся из её уст:

— *Богатырь ты будешь с виду*
И казак душой,
Провожать тебя я выйду, —
Ты махнёшь рукой...

Я не мог ступить дальше. Честное слово, очень хотелось: чесались ладони, стопы, горело лицо — так хотелось выманить и цепко прижать к себе эту русскую девчонку, которая больше ни на что и не годилась!.. Униженный собственным малодушием, я зашагал обратно в дом, но всё-таки клятвенно пообещал себе, что завтра моё желание будет исполнено.

На следующий день наша девушка, как мы её прозвали, прибежала домой в слезах. Она увидела меня и Зенека, промчалась мимо нас в комнату, дрожа и не говоря ни слова. Очень скоро она выскочила об-

ратно, но на сей раз Зенек её удержал.

— Что это у тебя в руках, крошка?

Он вырвал из её рук деревянный крест.

— Герр Кеммерлин, глянь-ка, олицетворение их жалкой религии.

— Пожалуйста, отдайте... Я вас очень прошу... — девушка со всей мягкостью, какая только у неё была, смотрела на своего врага и говорила эти слова.

Зенек был чистым нацистом, и ему такой тон казался попросту диким. Мне, конечно, тоже. Однако я бесцеремонно отнял у него крест.

— Ты, что, свихнулся никак, Мартин? Ты собираешься вернуть ей эту никчёмную штуковину?

— Это ты свихнулся, приятель. Мне, что, нельзя взять трофей, по закону войны мне принадлежащий? Ты всё равно бы сломал его, а я хочу похвастаться матерью. Она просила как раз о таких чудных безделушках.

Зенек, естественно, оскалился, выражая этим согласие.

Как я узнал вечером того же дня, убили подругу нашей девушки: не захотела прислуживать немцам. Однако у неё не было маленьких родственников.

И что она так смотрит на меня? Что ни делает — всё лупит свои большие русские глаза, как будто я ей дал такое право. Может, она что-то замышляет? Берегись сама, красотка, воин нацистской армии Мартин Кеммерлин начеку.

Я следил за ней всё время, пока она убирала в комнате. Мальчик гладил рыжую псину, которая ластилась к нему и высовывала от удовольствия язык.

— Наташа, они нас убьют? — спросил ребёнок, зная, что я их не понимаю.

— Если папа их победит, а он их обязательно всех победит, — то, понятно, не убьют, сынок.

Она улыбнулась.

— А тётю Варю убили... — грустно продолжал мальчик.

— Я всё думаю, где бы раздобыть покушать... Нам еды дня на три ещё хватит, а там...

— Они нас убьют, да?

— Нет, Сашка. Для них еды много... Ох, глупости болтаю. Не слушай. И главное: не бойся. Я же с тобой.

— Я не боюсь. Иду в бане поиграю. Можно, Наташа?

Да, именно сейчас я выясню всё. О, она слишком умна, как я по-

гляжу, она в самом деле что-то задумала. Глаза прячет, как провинившаяся; краснеет, — врать, видно, не умеет; вздыхает тяжко — боится чего-то. Сына боится потерять, конечно, если задуманное не получится. И я целую неделю это терпел, обманутый её покладистостью!

— Отвечай, что у тебя на уме! — я с силой дёрнул её за плечо.

Русская пошатнулась и поглядела прямо на меня. Метла упала на пол.

— Я долго ждать не собираюсь! — предупредил я, не сбавляя тона.

И тут я сообразил, что давно желанный момент настал: сжал сильнее её плечо и, предчувствуя сопротивление, крепко обнял за талию. Она не смотрела на меня. Краска, как мне казалось, стыда заливала её лицо. Дыхание её было уже совсем рядом, как вдруг она подняла свои карие, с закрученными, как и волосы, ресницами и едва улыбнулась...

Выскочив из дома, я механически сгрёб руками снег и утёр им горячее лицо. Человек может нравиться. Человек может очень нравиться. Я это знал. Мне самому нравились многие девушки моей превосходной страны; очень нравились — не очень многие. По крайней мере, не больше фюрера. Он был идиолом, равным которому не было никого, и об этом знали все. Кроме русских.

Эта Наташа (как звал её мальчик) улыбалась мне — нацисту. На их лад — фашисту.

Я обнимал её с известной каждому дураку целью, а она вдруг улыбнулась.

Но самое страшное, что меня вышибло из седла... Господи Боже, её руки были на моих плечах!..

Долго я размышлял над всей этой телячьей ересью. Потом меня осенило: да это и есть её план! Ну, конечно!.. Я рассмеялся.

Мимо проходил мой приятель, живший в доме напротив.

— Завтра будем выступать, слышал? А ты чего лыбишься? Никак, подмял ту фройляйн, у которой живёшь? — и загоготал.

— Вообще-то она не фройляйн. Тот мальчишка не кто иной, как её сынок.

— О-о-о! Сколько же ей лет?

— Я тоже в раздумьях. Может, это почтенная фрау, которая ежедневно пьёт эликсир молодости?

Мы поболтали ещё немного и разошлись. «Э, нет, милочка. Ты хитра, да и я не промах. Что кроется за твоей ложной юностью и тёмными глазками? Меня не проведёшь. Отныне будь осторожна: закон войны не на твоей стороне». Однако никому из своих о странном поведении русской я не сказал.

Атаковали мы успешно, но пока оставались в той же деревне. И я начал следить.

За неделю, как я мог заметить, наша девушка стала гораздо бледнее и худее. Она всегда ходила с опущенными глазами, безмолвна, как рыба. Может быть, поэтому до сих пор никто из нас её не тронул: кого могло привлечь подобное поведение?..

Мальчишка тоже заметно сбавил крови в щеках.

Я видел, как эта Наташа набирала воду из колодца. Потом, оглядевшись и никого не заметив (я хорошо прятался), села на холодную землю и заревела. Сначала меня весьма удивило подобное зрелище, но понять было нетрудно: муж воюет неизвестно где, в дом заселились фашисты, да ещё угрожают убить её сына, если не будет слушаться. Я бы сам заревел, случись такое со мной и будь я девчонкой. Слава Богу, мне претили эмоции, я ненавидел экзальтированных, забитых личностей, какими в большинстве своём видел русских: ибо мой Повелитель был самым сдержанным и целеустремлённым человеком во всей Вселенной.

Рыжая шавка, бывшая с ней, залаяла в мою сторону. Она не придавала этому ровню никакого значения, и только печально посмотрела на животину:

— Хорошая ты наша Зоренька...

Когда она подавала нам еду, я всегда начинал есть не первый, делая вид, что думаю. Когда она меняла нашу постель, я внимательно осматривал всё бельё и даже нюхал его. Когда она затапливала баню, я глубоко вдыхал пару раз, убеждаясь в безопасности нашего здесь пребывания. Нельзя было ни к чему придраться!

А может, хитрость кроется как раз в том, что она нам угождает?..
Ничего не могу понять...

Однажды меня вызвал генерал в дальний штаб. Я должен был отлучиться на три дня. За старшего оставил Зенека и накрепко приказал не трогать фройляйн и мальчишку — мол, она слишком хорошо нас обслуживает, чтобы терять её, а если мои младшие офицерики что задумают, уж она по своей надменной русской натуре точно что-нибудь с собой сотворит.

Приехал я с хорошими новостями, в великолепном настроении.

— Где же наша девушка? — с ходу спросил я.

— Да вон, сдирает шкуру с собаки. Съесть, кажется, хочет.

Я похолодел. Милый Роки, тут ты вспомнился. Эта рыжая кудлатка пару раз выпрашивала у меня косточку.

Как только опустился поздний вечер, я со всей решимостью человека, которому осточертели тайны, вошёл в баню. И похолодел во второй раз: мальчишка лежал на соломе совсем слабый, сонный, что-то бормотал; мать склонилась над котлом, где виднелся в кипятке большой кусок мяса, и беззвучно плакала. Тут она увидела меня. Эта Наташа даже не вздрогнула, только ещё больше сжалась.

— Гутен абэнд, Наташа. Выйди сюда немедленно.

Слыша приказные нотки в моём голосе, девушка встала и вышла вслед за мной в предбанник.

— Что всё это значит? — я указал пальцем на дверь, за которой маялся в бреду мальчик.

Она посмотрела на меня, как тогда... Я почему-то с ужасом подумал, что она сейчас улыбнётся.

— Мой сын умирает. Значит, и мне скоро не жить.

— Зачем ты убила Зорьку?

Услышав собачью кличку, Наташа указала ладонью сначала на свой рот, а затем на живот.

— Ты голодна? Почему не спросила у нас?

— Я хотела взять кусок хлеба со стола, но мне ударили по рукам.

Мы совершенно не понимали друг друга, но очень хорошо догадывались, что каждый пытается сказать. Сейчас я удивляюсь этому: впоследствии я разговаривал с некоторыми русскими, но никто не мог уяснить моих слов.

— Глупая же ты девица!

Я принёс ей хлеба и курятины. Она вопросительно уставилась на меня и на то, что я принёс.

— Сашу уже не спасти. А мне теперь всё равно.

Пришлось повысить тон, и она повиновалась. Не то, чтобы мне стало её жалко. Я обычно всё делаю с умыслом, как и в этот раз.

Всё время, пока она кормила сына и укачивала его, я не отрываясь глядел на неё. Ни один человек не может притворяться вечно: если бы случилась счастливая секунда слабинки, снятия, так сказать, всех масок, — я бы сразу же это заметил. И вот я ждал этой самой секунды.

Ребёнок уснул. Она взглянула на меня, едва слышно пролепетала:

— Спасибо.

И вдруг, сорвавшись, исчезла за дверью. Я бросился за ней и уже хотел свистнуть приятелям: мол, ловите. Но она встала как вкопанная посредине двора (моя солдатня давно храпела) и повернула ко мне залитое слезами лицо. Я тоже остановился — в полнейшем недоумении — и внимательно следил за её движениями. Наташа молчала, и мне пришлось подойти ближе, чтобы уловить её мимику.

— Ты меня любишь? — спросила она.

Я молчал, пытаюсь хоть что-то понять.

— Ты любишь меня? — в её голосе появились странные нотки. Не будь я нацистом, я сказал бы, что это самые тёплые нотки в мире, с которыми кто-либо ко мне обращался.

— Господи, да как же это так? Как же это возможно? — в отчаянье Наташа закрыла лицо, потом опять повернулась ко мне, совершенно растерянному, но внутри не потерявшему настороженности.

Она всё вглядывалась в меня, а я, наконец, начинал понимать...

Я медленно протянул ей руку, проверяя свою догадку. Девушка так же медленно взяла её — и внезапно попятилась.

На этом мои преследования были закончены.

Теперь я ходил с опущенными глазами, как будто опоганил совесть перед своими приятелями и великим фюрером. А она, наоборот, словно расцвела. Приближалась весна; свой мохнатый платок девушка сбросила, заменив более лёгким, плохо скрывавшим её в самом деле прекрасные волосы.

Я втихаря таскал ей по ночам еду, не говоря с ней ни слова. Однако мальчишке уже ничто не могло помочь.

Зачем я, давший клятву чести и преданности своей Родине, делал то, что делал? Ведь у меня, действительно, не было к ней никаких чувств. Она русская. Она — низшая раса, как пояснил мне фюрер. С ней разговор должен быть коротким...

Зенек и прочие нехорошо поглядывали в мою сторону. Мы сидели за ужином, как вдруг самый лучший из всех лучших друзей Зенека сказал:

— Что, герр Кеммерлин, опять потащишь харчи нашей девушке?

Я сделал вид, что удивлён.

— Если нацист что-то скрывает от нацистского общества, значит, он предаёт это общество. А значит, он предаёт фюрера, — продолжал он.

— Что ты сказал? — вскипел я, конечно. — За такие слова ты можешь жизнью поплатиться!

Я ударил кулаком по столу. На пол с оглушительным звоном (так мне показалось) упала ложка. Кажется, я сбил их с толку.

— Зачем ты это делаешь? — Зенек говорил так, как будто не хотел верить тому, в чём меня обвиняли.

— Этой девице было совсем худо. Она даже не могла донести вёдер с водой.

— Так ты её пожалел? — ухмыльнулся лучший друг Зенека Мориц.

Я вновь разъярился.

— По-вашему, я должен буду таскать эти вёдра, если она загнётся?! Или я должен буду плясать тут с метлой?!

Мои ребята тут же остыли.

— Но почему ты нам не сказал? Мы бы отдали ей каких-нибудь объедков, нам не жалко.

Я нашёлся:

— Мне показалось, что из всех нас меня она боится меньше всего.

И как раз в это время вошла Наташа. Она взяла из комнаты какую-то тряпицу и собралась уйти.

— Покажи! — Мориц выхватил из её руки тряпицу и чертыхнулся от боли.

Девушка показала ему иголку, которая была воткнута в ткань. Но на приятеля это не подействовало: он ударил её так, что Наташа упала.

Я увидел на себе подозрительные взгляды и не двинулся с места, глядя прямо на неё. Она тоже посмотрела на меня, потом на Морица, Зенка, Фердинанда...

Подобрала тряпку, на которую кто-то уже наступил ногой. И вышла. Естественно, ходить к ней я перестал.

Рано утром, в густом тумане, Наташа вышла из бани с каким-то мешком и пошла в ту сторону, куда раньше в это время не ходила: мне с печки было хорошо видно, тем более если учесть, что одно время я следил за ней постоянно.

Я накинул шинель и схватил сигареты: для отвода глаз.

Мешок был не чем иным, как её старой кофтой. В нём бледная от голода и долгих бессонных ночей мать несла мёртвого Сашку. А на ребёнке была вчерашняя тряпица — узорная рубашка. И когда она ещё успевала вышивать?..

Дальше я не пошёл. А когда возвращался обратно, жуткая злость одолела меня — я разорвал в клочки пачку сигарет и со всего маху швырнул её так далеко, как только мог.

Моя нацистская тройца дружно хлебала варево.

— Скорей наедай желваки, Мартин. Мы уходим отсюда, — бодро сообщил Зенек.

— Я не слышал ни от кого никаких приказаний, — было моё возражение.

— Ты не слышал, так герр Берген слышал. Он лично был информирован генералом.

— Великая армия завоевателей продолжает своё грандиозное наступление! — подняв вверх ложку, воскликнул Мориц.

Я сел рядом и начал с неохотой есть. Мориц, как мне показалось, наигранно кашлянул и, продолжая весело жевать, бросил:

— Да, ещё генерал сказал: в живых никого не оставлять.

Я пожал плечами:

— Мы и так, вроде, пленных после атаки не брали.

— Я имею в виду деревню.

Трапезу я не прервал. Я предчувствовал, что он скажет, но всё же уточнил:

— Всех?

— Всех.

Помолчали.

— Однако жалко нашу малышку, — без тени грусти проговорил Фердинанд.

— Да, душой, так сказать, приросли, — засмеялся Мориц.

Зенек наблюдал за мной.

— Давайте поручим это дело капитану, — предложил он, — ведь наша девушка боится его меньше всего.

— По-моему, здесь я приказываю, — мой тон был красноречиво повышенным.

И тут я рассмеялся как можно естественнее:

— Я так думаю: может, повеселимся с ней напоследок?

Радостному гоготанию «великих завоевателей» не было границ.

— Ладно. Сказано — сделано... Только — по старшинству — первым буду я.

Странно, что никто из них не заметил, как дрожат мои ладони.

— Никто и не возражает, капитан, — лыбился Мориц. — За пять минут справишься?

Я посмотрел на него в упор:

— Справлюсь.

И вышел. За двором уже слышались выстрелы, испуганный детский плач и душераздирающие крики женщин. Я был даже рад этому. Да, милый Роки, последнее время я стал очень сомневаться в наличии у меня души...

Когда я вошёл в баню, Наташа была чем-то занята.

— Эй, фройляйн, встать!

Из её рук выпала петля, связанная из тёмной косы. Как ни жутко стало у меня на сердце, но с короткими волосами девушка выглядела такой необычной, что я поневоле улыбнулся. Она смотрела на меня.

Промедление могло казаться подозрительным, и, взяв её за руку, я повёл её в дом. Она не переставая глядела на меня. Мои ребята, конечно, уже увидели нас в окно. В другой руке я нёс её косу-петлю.

— Пришлось немного задержаться, парни, — заводя её в комнату, говорил я. — Гляньте-ка, что она задумала.

Все трое свистнули.

— Ах, не успела, красавица. Только причёску испортила, — паясничал Зенек.

Я брезгливо бросил косу на пол. Наташа вздрогнула и опустила глаза.

— Надемся, ты разрешишь нам остаться, капитан, — само собой понимающим тоном спросил Мориц.

Я видел, как бледнело её лицо, как слегка пошатнулось её худое от голода тело. И я видел также, как вся она напрягается, готовясь защищаться.

— Наслаждайся зрелищем, Мориц.

Они встали полукругом, в предвкушении скаля зубы.

Я крепко обнял её, как тогда. И, не давая опомниться, начал целовать.

Потом я оттолкнул её и, вытащив револьвер, повелел:

— Ну-ка, давай снимай сама своё тряпьё!

В первую долю секунды я прислушался: шум за двором не прекращался. Нацистская троика с вожделием вылупилась на несчастную девушку. Во вторую долю секунды я нажал на спуск пистолета. Три раза подряд. Хладнокровно и точно.

Наташа круглыми глазами смотрела на меня.

— Уходи отсюда, я подожгу дом...

Знаешь, Роки, я больше не просыпался по ночам в холодном поту. Ты перестал мне сниться. Я стал свободнее дышать. Это странно, не правда ли? У меня нет души, я знаю. У меня больше нет души нациста. Я — обыкновенный Человек.

Ты скажешь: но я убил столько людей, их даже сосчитать невозможно. Меня абсолютно не волновала их жизнь, их мечты, склонности и способности, есть ли у них чувство юмора, верят ли они в Бога, пекут ли по праздникам, как моя мама, яблочные пироги...

А может, я убил их тысячу? Оправдываясь, я мог бы сказать, что делал это просто по праву захватчика. По закону войны. Меня учили с малых лет, Роки: убей врага — или он убьёт тебя. Я — законопослушный гражданин. Мало того, я — представитель лучшей расы на Земле.

Сначала я не мог понять, зачем Наташа убила собаку. Живое, весёлое существо, лижущее тебе ладони всякий раз, как ты гладишь его шёрстку. Потом у меня не укладывалось в голове её более чем странное поведение, когда мне случалось находиться с ней в доме. Затем я удивлённо наблюдал, как она разглядывает фотографию высокого белобрысого мужчины, после чего со слезами на глазах целует её и вы-

кидывает в печку! Да, я слишком много удивлялся для нациста. Что мне стоило не допустить ничего этого, хладнокровно направить на неё револьвер, как я сделал это с моими приятелями, — и просто спустить курок?! Я мог сделать это в любую минуту, особенно когда начал чувствовать, что... Да, особенно когда начал чувствовать.

Ты скажешь, мой славный Роки, что Зенек, Мориц, Фердинанд — все они были моими друзьями, земляками, единомышленниками, в конце концов. Что я убил их в угоду минутной прихоти или увлечению, которых было так много за все двадцать два года.

Пусть, Роки.

Но как же называлось то дикое состояние, когда я целовал тебя в мокрый нос, а потом удирал от тебя что есть мочи, чтобы ты, нагнав меня, громко лаял и кружился вокруг, не давая мне возможности удрать снова?

Это называлось радостью. Или как-то по-другому, что мне очень страшно выговорить.

Она всё делала по той самой причине, мысли о которой я сейчас так боюсь. А я жил, жил и дышал раньше только по этой причине!

Но как же назвать тогда моё отношение к моей несравненной стране, к величайшему фюреру?.. Пстой, дружок, дай подумать. Как же это назвать, когда против твоей воли заставляют резать твоих друзей, говоря, что иначе ты не станешь бесстрашным, сильным членом нового общества, способного резать всех прочих, которые стоят у этого общества на дороге и мешают наслаждаться их избранностью, ими же самими провозглашённой?

Кажется, любой идиот сам себя избирает Наполеоном, говоря об этом всем вокруг, и злится, если другие идиоты таковым его не считают.

Роки, слово найдено! Может, теперь ты простишь меня: ведь когда я поднимал на тебя нож, я уже был сумасшедшим! Это очень страшно, поверь мне. Очень страшно — открыть в одну минуту, что вся твоя огромная страна заболела идиотизмом, что вокруг тебя теперь одни умалишённые, просто-напросто играющие в жестокую игру, навязанную им самым главным Наполеоном!

Когда я увидел в её руках косу, мои ноги подкосились, грешным делом я подумал: «Может, это минута твоей смерти, герр Кеммерлин, не упусти!». Смелодушничал маленько. Понимаешь, отвык думать о других.

Два дня я вёл её до нашего поста. Меня там хорошо знали. У Наташи руки были связаны, и лицо она сделала грустное-грустное, как будто прощалась с жизнью.

— Эту фройляйн его превосходительство генерал Гернемм велел без повреждений сдать русским. Её обменяли на двоих наших бойцов.

— Будет исполнено, капитан, — дёрнул руку к козырьку постовой. Я кашлянул.

— Вы что-нибудь слышали о лейтенантах, с которыми я приехал в ту деревню?

— Они сгорели, вы же сами знаете, капитан. Вместе с русской дрянью, у которой они жили. Кажется, лейтенант Мориц Гульц оставил без присмотра свой револьвер... О, они так хитры, эти славянские бестии! К счастью, сама издохла, как собака.

— Совершенно разделяю вашу ненависть. Да я бы и эту без промедления прихлопнул, — я замахнулся на Наташу кулаком, она отклонилась, сооротив хмурую мину, — но приказ генерала, к сожалению, не позволяет.

Часа через полтора подъехала машина, за рулём сидел мой знакомый — рядовой Колль (преданный исполнитель — вот точное определение его личности).

— Оставь её на безопасном для тебя расстоянии. Сама доковыляет. Колль кратко кивнул.

Его мотор я слышал ещё очень долго, провожая Наташу мыслью о спокойствии.

Что же было со мной, ты спросишь, мой лохматый друг? А со мной было счастье. Самое настоящее счастье, которое я скрывал до конца войны. Меня ни разу ни в чём не заподозрили — наверное, очень крепка была репутация нациста-патриота. Патриота-живодёра. Хотя заподозрить было в чём: во-первых, почему ни с того ни с сего загорелся Наташин дом; во-вторых, что это за причина, по которой я скрылся из виду на целых три дня; в-третьих, почему меня никто с тех пор не видел «вершающим нацистское правосудие»; в-четвёртых... В-четвёртых, почему я ношу на груди деревянное распятие.

Видишь, каков список, Роки. А я всё ещё жив.

Если все русские такие, как Наташа, то я не удивлюсь тому, что они победят нацистов. Так почему победят, ты спрашиваешь?..

Потому что любят. По-настоящему.

Да, Роки, теперь признаюсь тебе (вырываю это признание из глубочайших глубин души!): не подними я тогда на тебя нож, войны, наверное, никогда бы не случилось...

Елена АНТОШКИНА

ХИМИЯ

Рассказ

В школе только и разговоров было, что о новой учительнице: Вероника Евгеньевна — то, Вероника Евгеньевна — это... Кате Нефёдовой вся суета вокруг неё казалась бессмысленной, нелепой и какой-то ненатуральной.

Утром ей позвонил Артём Ткаченко, злостный прогульщик и первый кандидат «на вылет», и спросил, что задали по химии. Катя, ощущая в груди дрожащее и щекочущее тепло, сообщила номера параграфов, пошутила, нервно стуча пальцами по учебнику, о чём-то незначительном, а потом Артём сказал «спасибо» и положил трубку.

Что же это такое, думала Катя, держась руками за грудь, с левой стороны (в учебнике биологии было написано, что там у человека находится сердце). Что же это, откуда, почему?.. Никогда не было ничего подобного, и вдруг — тепло и щекотно.

За окном шёл снег, белые кружочки холодного конфетти сыпались с чёрного неба, и Катя вдруг заметила, что небо вовсе не чёрное, а оранжевое, как апельсиновые леденцы или как шарф Вероники Евгеньевны...

Елена Антошкина родилась в Тамбове.

Студентка Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (специальность – «Международные отношения»). Занимается в литературно-творческом объединении «Тропинка» под руководством В. Т. Дорожкиной.

Автор сборника стихов «Тонкая белая линия», изданном в Тамбове в 2007 году. Стихи Елены публиковались в 4-м номере «Тамбовского альманаха». В жанре прозы выступает в печати впервые.

Снег шёл всю ночь и всё утро, и когда Вероника Евгеньевна, едва касаясь каблучками белой дороги, шла по белому скверу в школу, её следы исчезали под новым снегом в течение трёх секунд.

Вероника Евгеньевна была само совершенство. Так или примерно так отозвалась о ней директор школы Людмила Ивановна, взяв её на работу. Вероника Евгеньевна знала о химии всё, и если и существовали на свете боги школьных наук, она, несомненно, была богиней химии.

Веронике Евгеньевне было 23 года. Она ходила в школу пешком каждое утро — сначала по жёлтым листьям, потом по серой грязи, потом по белому снегу. В школе всё это время только и разговоров было, что о Кате Нефёдовой: Катя Нефёдова — то, Катя Нефёдова — сё... Олимпиады, конкурсы, выступления — у Кати первое место. Веронике Евгеньевне всё это казалось лишним, нелепым, каким-то ненатуральным.

Перед первым уроком в кабинет химии заглянул Артём Ткаченко из 10-го «А».

— Артём? Заходи, — отложила учебник в сторону Вероника Евгеньевна. — Ваш журнал вчера остался у меня, сейчас я его найду... Катя тебя прислала?

— Катя? — переспросил Артём непонимающе, остановившись в нескольких шагах от Вероники Евгеньевны, которая перебирала тетради и учебники на столе в поисках журнала.

— Ну, Катя Нефёдова, ваша староста, она же прислала тебя за журналом, да? — не поднимая головы, сказала Вероника Евгеньевна. — Да где же он?.. Никак не могу найти...

— Нет, он на месте, то есть, я видел, он у Нефёдовой. Я хотел сказать: спросите меня сегодня, ладно?

— Спросить? — рассеянно повторила Вероника Евгеньевна. — Да, Артём, хорошо, обязательно спрошу. Беги на урок, Людмила Ивановна ругаться будет.

Несколько часов спустя Катя Нефёдова смотрела на Артёма, отвечающего у доски домашнее задание, и чувствовала, как по её спине бегут мелкие мурашки. Артём краснел, запинаясь, и от этого говорил ещё быстрее, говорил правильно и многозначительно.

Вероника Евгеньевна смотрела в журнал, где напротив фамилии Ткаченко в ряд стояли четырнадцать букв «н» — три недели, три страшных недели, когда Артём болел ангиной. Вряд ли в этом журнале было

что-то особенное и важное, вряд ли Вероника Евгеньевна видела там вообще что-нибудь, но ей казалось, что стоит ей оторвать взгляд, как что-то изменится и станет ненастоящим и ужасным.

Артём же смотрел на тонкий луч ненадолго выглянувшего солнца, луч, ласково глядящий Веронику Евгеньевну по плечу, смотрел, пока в глазах не запрыгали синие точки, и тогда он отвернулся.

Катя поймала его взгляд и подумала, что всё это очень странно, что без новой учительницы химии в школе было спокойней, и что Артём не звонил ей раньше и не делал домашних заданий...

Снег шёл весь следующий день, всю неделю, все те короткие предновогодние дни, пока 10-й «А» писал полугодовые контрольные, пока Катя Нефёдова готовила сценарий новогоднего школьного праздника, пока директор Людмила Ивановна и весь преподавательский состав уговаривал Веронику Евгеньевну поставить Кате «пять» в полугодии, пока Вероника Евгеньевна доказывала Людмиле Ивановне, что Катя знает химию на «четыре», что она хоть и отвечает верно, но боится в своих суждениях отойти от учебника, а для ученицы её уровня это непозволительно... Нет и нет, говорила директор, Катя гордость школы, она побеждает на всех олимпиадах, её уже обещали без экзаменов зачислить в лучший институт города, не надо портить девочке будущее... Вероника Евгеньевна устало вздыхала и снова спорила, всегда такая спокойная — спорила...

Никто потом не смог точно сказать, чем закончился этот разговор; о нём забыли, и никто не был уверен, что он вообще был; и только учительница русского языка, пришедшая в школу одновременно с Вероникой Евгеньевной, возвращаясь вечером домой, думала, что и ей не по душе длинные и сухие сочинения Кати Нефёдовой, слишком неоспоримые и слишком правильные.

В последний день перед каникулами 10-й «А» получил свои дневники с результатами полугодовой учёбы. Катя принесла их одной большой разноцветной стопкой прямо перед классным часом и даже успела до звонка раздать их. Вероника Евгеньевна только что — последней — выставила оценки по химии и отдала Кате всю эту стопку, где были и радость, и огорчение, и, может, даже испорченные каникулы. Кате было любопытно открыть последнюю страницу своего дневника, просто чтобы полюбоваться на ровный столбик круглых «пятёрок», но она не стала этого делать в присутствии молодой учительницы.

— У вас хороший класс, Катя, за эти полгода даже отстающие значительно подтянулись, — сказала ей Вероника Евгеньевна, и Катя посмотрела на неё, чувствуя, как что-то в левой стороне груди сжалось и стало чужим, холодным и ненужным.

— Артём... — продолжала учительница. — Передай ему, он должен связать свою жизнь с химией, он настоящий самородок...

— Артём, — в тон ей сказала Катя, — получил четыре двойки за это полугодие и будет переведён в соседнюю школу, где меньше нагрузка...

Вероника Евгеньевна окинула синим взглядом безупречно сидящую школьную форму Кати и ничего не сказала. А Катя посмотрела на вызывающе пухлые губы Вероники Евгеньевны, дрогнувшие и сложившиеся в печальную улыбку, и тоже ничего не сказала. Обе они думали о каких-то своих делах и были неинтересны друг другу. Они распрощались сухо и вежливо, как иногда бывает у взрослых красивых женщин.

Катя принесла в класс стопку ярких растрёпанных дневников, раздала их 10-му «А», взяла свой — изящный, стильный, стального серого цвета, с тонкой белой чертой в нижней части обложки, села на своё место за первой партой и холодно сказала подруге:

— У Ткаченко по химии «пять», представляешь? Что же, она не знала, что он двоечник? Знала, ещё как знала, а ещё мне «четыре» хотела поставить... Он просто нравится ей, а я — нет. И как он может нравиться, с ним же поговорить не о чем, он же ничего не знает...

— У него «четвёрка» по литературе, — тихо возразила её подруга, — и ещё он очень добрый.

— Скажи ещё, ты влюбилась в него, — иронично протянула Катя. — Да он просто подмазался к ней, или родители денег дали. Я таких людей презираю.

И она отвернулась к окну, и во взгляде её не было ничего, кроме уверенности в собственной правоте, как за окном не было ничего, кроме снега. И теперь ей было всё равно, что Артём, едва заглянув в свой дневник, сорвался с места и куда-то побежал; и рука её, лежащая на дневнике со всеми пятёрками, не дрогнула, когда там, внизу, по белому школьному двору бывшая учительница химии и бывший ученик десятого класса шли под руку прочь и чему-то улыбались, и о чём-то горячо спорили.

Александра НИКОЛАЕВА

ВТОРАЯ РАПСОДИЯ ЛИСТА

Рассказ

В детстве я ненавидела музыку. Мои родители, советские интеллигенты в первом поколении, считали необходимым приобщить меня к великим ценностям культуры. А большей ценности, чем рояль Веккер, трудно было представить. Строгий, изысканный, лакированный, гармоничный формой и цветом, он стоял в самом центре крохотной комнатухи, которую мы занимали в общежитии. Мама, в молодости довольно известная пианистка, видела во мне продолжение династии. И поэтому она буквально приковала меня к инструменту. По несколько часов без перерыва деревянными пальцами я разыгрывала гаммы от одного конца клавиатуры до другого. Эти занятия разжигали во мне досаду, занималась я «спустя рукава», педагоги считали меня безнадежной, но никто не желал облегчить мою участь: не помогали ни просьбы подруг, которые звали меня играть, ни мольбы многочисленных тетушек и бабушек, которые замечали, что от постоянных занятий я похудела и стала плохо кушать, ни угрозы соседей, уставших от насилия над своими ушами. Изводя себя, изводя рояль, я и не заметила, как началась война.

Александра Николаева родилась в Тамбове.

В настоящее время учится в ТГУ им. Г. Р. Державина.

С детских лет занимается в литературной студии «Тропинка» под руководством В. Т. Дорожкиной.

Автор трёх поэтических сборников — «Что о себе могу я рассказать?» (2003), «А на душе покойней и светлей» (2006), «Осенний дневник» (2009).

Во 2-м номере «Тамбовского альманаха» были опубликованы стихи Саша. Сегодня она представляет на суд читателей прозу.

Война совсем по-разбойничьи ворвалась в жизнь нашей семьи. Первым её признаком было страшное, непонятное молчание прохожих на улице, соседей в доме, учителей в школе и не менее страшные вопросительные взгляды. Потом в городе показались колонны молодых, статных мужчин, которые всё уходили и уходили на войну. У отца, лучшего инженера на заводе, была бронь, но он тоже ушёл. Во время прощания на вокзале я по-детски ревела, а мама смотрела на него пристально и шептала: «Серёженька!», — будто чувствовала, что больше никогда не увидит его.

И наконец опустела наша маленькая квартирка. Две милые, интеллигентные старушки (в юности они воспитывались в пансионе благородных девиц), жившие в соседней комнатке, уговаривали маму ехать в эвакуацию. Мама отказалась. Отказалась она и продавать рояль или распиливать его на дрова, поэтому всю зиму сорок первого мы жили голодно и холодно. Но меня не заставляли брэнчать гаммы и, как взрослой, поручили домашнее хозяйство (мама очень уставала после концертов в госпиталях для раненых и в консерватории для оставшихся в городе жителей Москвы). Наверное, моё общение с музыкой навсегда бы и закончилось зимой сорок первого, если бы не встреча со странной девочкой по имени Тамара.

Тамара была сирота, тётка, воспитывавшая её, работала уборщицей в консерватории. Когда дом Тамары и тётки разрушила бомба, моя мама предложила им поселиться у нас, в пустующей комнате старушек-соседей. Тамара была маленькая, худенькая, невзрачная, на два года младше меня и к тому же не училась играть на рояле, что автоматически делало её в моих глазах существом низшего порядка (несмотря на отвращение к музыке, втайне я гордилась своей музыкальной образованностью). Я никогда не приглашала Тамару (Томку, как я её называла) участвовать в моих с подружками играх, никогда не ходила с ней за руку и не делилась «секретами», наоборот, при встрече с ней я изображала из себя занятую, надменную особу. И Тамара не просила принять её в наш маленький кружок — она тихо наблюдала за нашим весельем, казалось, не испытывая ни зависти, ни разочарования.

Возможно, Томке были чужды всякие чувства, кроме чувства музыки. Когда из чёрной тарелки радио, висевшей у нас в комнате, раздавались звуки симфонических концертов или фортепианных сонат, Тамара преображалась: она не плакала, не прыгала от счастья, но глаза её, представлявшие в обыденные дни бесцветно-серыми, становились огромными, глубокими и голубыми-голубыми. Порой Томка

просила и меня сыграть. Я с вдохновенным видом повторяла заученные гаммы, нудные произведения из программы первого класса музыкальной школы или «импровизировала», не скрывая удовольствия от того, что мои «импровизации» волнуют Тамару не меньше, чем Бетховен или Чайковский. Сама Томка не смела касаться (да и я бы не позволила ей!) клавиш рояля, но в глазах её читалась такая мольба, и я покровительственно разрешала ей погладить чёрное, могучее, лакированное тело. Но однажды Томка чуть не застала меня врасплох, спросив, не могу ли я сыграть Вторую рапсодию Листа. Я не то что не умела играть, но и не знала никаких рапсодий, однако, не желая так низко пасть в глазах поклонницы (я причисляла Томку к поклонницам), небрежно бросила несколько фраз об отсутствии вдохновения и свободного времени. Тамара только вздохнула, а через неделю уехала с тёткой в Челябинск.

Прошло десять лет. После известия о смерти отца в госпитале от гангрены мы с мамой надолго покинули Москву. Мама устроилась учителем сольфеджо в Казанской музыкальной школе, я закончила эту школу с отличным аттестатом, выучила Вторую рапсодию и множество других блестящих фортепианных произведений и начала готовиться к поступлению в Московскую консерваторию. Профессора не видели во мне гениальности, но полагали, что при должном трудолюбии неплохая сольная карьера мне обеспечена. Я вернулась в Москву в один из тех чудных майских дней, когда всё на свете — юное небо, юная зелень и помолодевшие прохожие — сливается в единый поток и быстро-быстро летит к чему-то неизведанному и счастливому. И я неслась в этом потоке, ничего не замечая вокруг и выстукивая сердцем что-то неясно-радостное в такт музыке Весны, и вдруг услышала знакомые фортепьянные звуки, которые так соответствовали настроению этого весеннего дня. Сначала звуки были медленными, торжественными, как будто сама Весна шествовала в своём блестящем облачении мне навстречу. Затем они стали нежнее, лиричнее, как песня жаворонка, а потом понеслись, закружились в сумасшедшем танце то ли сельских нимф, то ли весёлых крестьянок. И в этих звуках слышалось родное, знакомое, близкое каждой клеточке сердца. Да-да, это Вторая Венгерская рапсодия Листа с её неповторимым мадьярским колоритом. Я наслаждалась, нет — дышала этой мелодией. Но кто-то окликнул меня по имени — и на балконе белокаменного дома я увидела... Тамару. Она очень похорошела — её каштановые волосы волной струились по спине, глаза горели — и смущённо улыбалась.

— Это ты играла?

— Да, я. Правда, ещё плоховато? Профессор N*** говорит, что мне нужно много работать над техникой...

— Нет... Что ты... Ты играла прекрасно...

Да, Тамара играла прекрасно... И я понимала, что никакие занятия по шесть часов в день не помогут достигнуть мне, прежде так гордившейся своим превосходством над невзрачной, плохо одетой девочкой, такого глубокого понимания каждого оттенка настроения, чувства и мысли великого венгра. Тамара позвала меня пить чай, рассказывала о своих уроках у N***, одного из гениальнейших педагогов современности, о консерватории, о том, какие замечательные люди окружают её и какими преданными друзьями «по музам» они, конечно же, станут для меня, если я буду учиться вместе с ней, знакомила со своим женихом Костей, тонким, стеснительным юношей с будущим большого музыканта и перед прощанием просила приходить почаще. Я обещала, но не приходила. Проваленные экзамены в консерваторию вынудили вернуться в Казань, а через год я окончательно поняла, что музыка не моя стезя... Некоторое время мы с Тамарой переписывались, но, так как я считала бестактным отягощать своими проблемами сияющую в каждом письме подругу, переписка прекратилась. По радио я услышала, что Тамара выиграла лауреатство на Конкурсе имени П. И. Чайковского и собирается ехать на стажировку во Францию. Разве могла я предположить, внимая восторженным речам диктора (не без горьких мыслей о собственной неудавшейся карьере), весь трагизм краткой, даже мимолётной жизни этой необыкновенной девушки?

В одно из тягостных, полных забот воскресений я возвращалась домой с рынка, нагруженная и уставшая, и случайно встретила своего бывшего одноклассника и поклонника Алика. С Аликом, теперь известным учёным и создателем какой-то новой диагностической методики в медицине, мы вспомнили детство, московскую школу, войну, перебросились шутками о том, как сильно истрепалось наше поколение за последние годы и какая непонятная растёт молодёжь (у него дочь, у меня сын)... В конце разговора Алик, старавшийся казаться неприступно весёлым, но как будто измученный не отступающей мыслью, спросил:

— Ты помнишь Тамару? Маленькую такую... Она жила у вас на квартире в сорок первом...

— Конечно, помню. Мы с ней даже переписывались. Наверное, сейчас звезда мировой величины...

— Да, то есть, нет... Тамара умерла десять лет назад. От менингита. У меня на руках — я был её лечащим врачом. Она ушла совсем молодой... Диагноз в начале не смогли правильно определить. Она мучилась два дня, муж не отходил от неё — я больше не встречал такой любви. Медицина была бессильна... За что? Почему судьба так несправедлива? После её смерти я готов был возненавидеть свою профессию...

Алик произносил эти страшные слова ровным, глухим голосом, но от его тона становилось жутко. Я не знала, что ему сказать. Мы расстались, не прощаясь...

Этим эпизодом, наверное, следовало бы завершить мой рассказ, если бы не памятный фортепианный концерт, который я посетила в прошлом году. В Казанской филармонии гастролировал пианист с мировым именем, ученик Нейгауза, с восторгом принятый в Лондоне, Париже, Нью-Йорке. В программе значились Шопен и Рахманинов. Я сидела в третьем ряду, получив возможность не только внимать гармонически совершенной мелодике мазурок, полонезов и прелюдий, но и наблюдать за неповторимой манерой исполнения маэстро, видеть его изысканные черты лица, благородную седину и невероятно изящные руки с длинными пальцами. Во всём чувствовалась эстетика советской фортепианной школы! На бис пианист исполнял... Вторую рапсодию Листа. Лицо его преобразилось, глаза пылали юношеским огнём, как у смуглого, худенького паренька, которого сорок лет назад Тамара представляла мне. Он и был тем пареньком, через десятилетия созвучиями Листа признававшимся в любви своей единственной, через десятилетия пронесшим свежесть по-весеннему светлого чувства. Но в музыкальной палитре созвучий появилась новая краска. Чем бы она ни была: скорбью утраты, зрелой мудростью, смирением перед неизбежным концом, но благодаря ей рапсодия приобрела прежде неизвестный мне драматизм, всё сильнее пронзавший сердце. Преобразилась и я... Друг за другом следовали торжественные финальные аккорды и, может быть, они знаменовали, что и моя весна не исчезла бесследно, потому что её тоже согревало лучистое сердце Тамары...

* * *

*Три розы стояли в стакане,
Три розы стояли три дня.
Три розы – твоё ожиданье,
Три розы, и все для меня?!
Три розы – три дня униженья,
Три розы – три года — весь век!
Три розы – твои оскорбления,
Три розы – и весь человек...*

* * *

*Боюсь писать стихи,
В них столько правды было.
Боюсь не за грехи,
Быть может, я любила...
Боюсь услышать: «Нет!»
Но, слышав это, всё же
Пытаюсь доказать,
Что есть тебя дороже.
В пустой тиши ночной,
В труде незаменимом,
Ты больше не со мной...
Побудь моим любимым!
Боюсь писать стихи,
Боюсь страдать,
Но всё же...
За все наши грехи
Уплачено дороже.
Боюсь во тьме ночной
Сознание растревожить,
Что нет тебя со мной,
Что нет тебя дороже...*

Сергей ЛЕОНОВ

Vita Brevis*

*Жизнь коротка, но тратим мы впустую
То, что отмерил Бог нам свыше,
Транжируем мы бесценные минуты вхолостую,
Подчас совсем не ту дорогу ищем...*

*Не видим никого вокруг себя,
Да и самих себя не замечаем...
И, по упущенным возможностям скорбя,
Порой совсем не тех людей прощаем...*

* Vita Brevis (с лат.) – Жизнь коротка.

Сергей Леонов родился в Тамбове в 1989 году.
В настоящее время — студент 4-го курса факультета информационных технологий ТГТУ.

Увлекается фотографией, ведёт авторскую программу «Взрыв мозга» на Интернет-радиостанции «XRadio», занимается молодёжной политикой, не понаслышке знает, что такое студенческое самоуправление.

Данная публикация — дебют молодого поэта в печати.

Борьба за выживание в сером мире

*Серые будни, серые праздники,
Серая радость, серая грусть,
Серая вся, и такая вся разная
Серая жизнь – ну и ладно, и пусть...*

*Серые взрослые, серые дети,
Серые песни, серые сны –
Серое всё на этой планете,
Серые краски уже не нужны...*

*Серая сказка, серая истина,
Серое время бежит серый век,
Серый кораблик к серенькой пристани
Смело ведёт цветной человек...*

*Серые люди с серыми розами
Скучно и серо к себе примут вновь...
Только любовь серыми розгами
По сердцу хлестнет – и выступит кровь...*

*Серые фильмы в мотке серой плёнки,
Серый пароль на латинице «QWERTY»,
Серые пятна на серой пелёнке –
Смерть только серой не будет, поверьте...*

*Серый дружок с вечно серой историей,
Серая церковь и тучи над ней...
Серая жизнь на всей территории?
Хватит! Довольно быть серым на дне!*

Залина ДАЛГАТОВА

Солнце

*Пока люди учились важным серьёзным вещам,
Она умела росу от дождя отличить по запаху,
Под дверь летело: «Лампочки» и «Чулан»,
Она улыбалась и птиц называла птахами.
Выбирали маршрут и транспорт, билет домой,
А она из тягучей глины летела город,
Ходил к ней за солнцем кот – был такой худой,
Что мог пройти сквозь одну из оконных щёлок.
И в час, что, наверно, лучший в приёмной Бога,
Пух семян прилетал и падал в её оконце,
Она сидела на подоконнике, свесив ноги,
И держала в своих ладонях кота и солнце.*

Залина Далгатова родилась в селе Новое Грязное Сосновского района в семье врачей. Ей 19 лет.

В 2005 году с отличием окончила школу и поступила в Дагестанский государственный технический университет. Прочувшись там два с половиной года, перевелась в ТГТУ.

Поэзия — давнее увлечение Залины, первые стихи появились ещё в школе, но серьёзным делом поэзия стала в университете: тогда появились циклы «Волчья яма», «Опустотение», «Дорога на рассвет», «Скальдово сердце» и «Провода».

Публикуется на сетевом портале Stihi.ru

Мотив

*Да о чём ты, где здесь может быть любовь?!
Так, отдалённый грохот колоколов...
Музыки здесь не будет – не тот мотив.*

*И куда ты теперь пойдёшь? К кому? Бежать?
Глупо, знаешь, по-детски, – садись играть,
Карты и фишки на руки получив.*

*Ведь нам всё равно известны вперёд ходы,
Мы честны до дрожи, правильны до хрипоты,
Жаль, лица скрыли маски, нас оградив.*

*Нет преимуществ, силы равны нулю.
Кстати, тождественно. Да, я теперь не сплю,
Всех твоих слов и действий не перекрыл,*

*Всех своих козырей не пересчитав.
Выиграть, сдавшись? Выиграть, проиграв?
Или забросить партию, выдав свой страх за срыв?*

*Но пока вся игра по беспроигрышным алгоритмам.
Какой мы могли быть музыкой, каким сумасшедшим ритмом,
Право, обидно даже — совершенно не тот мотив.*

Чёрный с золотом

*В моей комнате пахнет вербеной и пальми листьями,
И в раскрытые окна вливается солнечный свет,
Старым золотом осени стены холодные сбрызнуты,
Золотое сияние льётся на старый паркет.*

*В зеркалах – незнакомые тени и жесты спокойные,
Осень, мягко ступая, проходит в закрытую дверь.*

*Это я, та же самая, просто – больна этой осенью,
Просто стёрты все краски расплавленным золотом дней.*

*Золотой амальгамой озёрного чёрного зеркала
Стала кленов опавших притихшая ныне листва.
Я всегда её сказкам внимала и искренне верила
В чёрный с золотом цвет воплощённого здесь волшебства.*

*Вот бы вечно дышать этим полным сияния воздухом!
Пряным запахом трав и сырых от тумана лесов...
Я так светло больна золотой слепотой этой осени,
И так нежно становится плавленным золотом кровь.*

Говори

*Тишина нависает – тупой и заржавленный нож.
Мне жутко представить, что будет, когда он опустится,
А страшнее всего сознавать – ты сюда не придёшь,
Ты не знаешь дороги, не знаешь названия улицы,*

*Почему не унять эту дрожь и боязнь темноты?
Я всё чаще твержу о зиме и отсутствии смысла.
И в холодных руках распадаются прахом цветы,
И каждому новому вдоху находится выстрел.*

*Мне просто помочь – говори, говори, говори,
Выстраивай лестницу слов для увязших в молчании,
А если не можешь – глаза отведи, не смотри,
Как я становлюсь всё прозрачней и злей от отчаянья.*

Сергей ПОПОВ

* *

*Жизнь стоит снега...
Жизнь стоит снега,
Если твой белый лёгок.
Падение стоит бега.*

*Древа тоже закатом
Пишут прощание с цветом.
Пишут всегда закатом.*

*Честностью линий едины
Древа не уМИРают.
Близят миру седины.*

*Линия стоит цвета.
Обратно процент ниже.
Ноги держатся тверди,
Как прах пустырей стóбит ветра.*

Жизнь стоит смерти.

Сергей Попов родился в семье художника в Мичуринске в 1987 году.
Сейчас обучается в ТГМПИ имени С. В. Рахманинова по классу классической гитары.

Пишет стихи, любит фотографировать, рисовать, а также музыку Возрождения и Барокко.

Звёзд-дно

Небо сегодня весело,
 Небо луну повесило.
 Небо песенно,
 звёздно.
 Звёзд дно
 не видело,
 выделав
 небно-звёздочным
 потолки.
 Толки
 о том разные
 у рыбно-стрекозного
 общества,
 створённого
 творцом-космосом.
 Сом

тоже является опусом
 неделимо-делимого.
 – Ого! Не-де-лим-о-е...
 У берега
 небо сегодня весело –
 Небо луну повесило.
 Небо песенно,
 звёздно.
 Кругами
 вселенную веселю,
 собою вселю
 рушимо-нерушимую.
 Закружусь,
 пересмыслю созвездия.
 А луна не падает.
 Радуется.

На стекле

Маше Ко

Стёкольный дождь
 спрячьте.
 Выдох.
 Фигура...
 Рисуешь
 луну между капель.
 Стекает...
 Луна эта
 мутна будет.
 Хуже...
 Всем
 под дождём
 не укрыться.
 Дождаться.
 И выдох.
 По стёклам

и лунам в них
 пальцем...
 Тёплым
 выдохом
 греть
 стёкла.
 Капли...
 И луны в них.
 Спрячьте...
 Между
 балконом
 и небом.
 Руку...
 А свету не больно
 быть стёртым
 с задожденных стёкол.

Поздравляем!

Валентина Тихоновна Дорожкина

Лариса ПОЛЯКОВА

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ ПОЭТА

(О Валентине Дорожкиной)

Дорожкина Валентина Тихоновна — заместитель председателя правления Тамбовского отделения Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Автор стихотворных сборников: «Причастность» (1978), «Венок солдату» (1982), «Остров спасения» (1989), «Опять тревожит душу листопад» (1999), «Неотправленные письма» (2000), «Благая весть» (2008) и других. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат журналистских и литературных премий: имени первого редактора газеты «Тамбовская правда» И. А. Гаврилова, издателя И. Г. Рахманинова, писателя Г. Д. Ремизова, поэтов Е. А. Баратынского и В. А. Богданова. Живёт и работает в Тамбове, руководит детским литературно-творческим объединением «Тропинка» при областной детской библиотеке. Коллектив в 1994 году получил звание Народного, а в 2002 году стал лауреатом областной премии им. Е. А. Баратынского. В этом же году за работу с одарёнными детьми Валентине Дорожкиной в Москве был вручён диплом Национальной премии имени Л. Н. Толстого. Валентина Дорожкина награждена орденом Дружбы, знаками «За заслуги перед Тамбовской областью», «За заслуги перед городом Тамбовом». Её имя внесено в энциклопедию «Лучшие люди России».

Лариса Полякова родилась в деревне Редькино Староюрьевского района Тамбовской области. Окончила филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Работает зав. кафедрой истории русской литературы Тамбовского госуниверситета им. Г. Р. Державина, профессор.

Автор многих монографий и научных трудов. Лауреат Всероссийской премии «Преображение России» им. С. Н. Сергеева-Ценского, областных премий – им. А. К. Воронского и Рахманиновской.

Заслуженный деятель науки.

Член Союза писателей с 1981 года.

Автор предисловия к сборнику стихов В. Дорожкиной «Весь мир проходит сквозь меня» (Тамбов, 2001) Татьяна Ушакова представила, можно сказать, исчерпывающее описание творческого пути этого автора. Здесь сообщается, что Валентина Дорожкина родилась в городе Мичуринске в семье железнодорожника, её детство пришлось на военные сороковые годы. Окончив школу и не поступив с первого раза в Мичуринский педагогический институт, будущая поэтесса, зарабатывая производственный стаж, трудилась в разных организациях. Мечта об институте осуществилась лишь в 1962 году. К этому времени В. Дорожкина уже переехала в Тамбов, где и поступила на историко-филологический факультет пединститута, по окончании которого работала учителем в Знаменском районе. Кем она только не была в долгом и трудном пути в литературу! Шесть лет работала корректором в областной типографии «Пролетарский светоч»; семь лет — редактором многотиражной газеты «Народный учитель» Тамбовского педагогического института; столько же — заместителем ответственного секретаря областной газеты «Тамбовская правда», редактором еженедельника «Новости»; с 1985 по 1992 год занимала должность старшего редактора Тамбовского отделения Центрально-Чернозёмного книжного издательства.

Именно Т. Ушакова точно определила природу таланта В. Дорожкиной. Она первый её поэтический сборник назвала, с одной стороны, как бы кодом существования автора в поэтическом творчестве (спустя много лет этот код выразится в стихотворной строчке «Весь мир проходит сквозь меня»), с другой — программой жизни лирической героини.

«По природе своего таланта Валентина Дорожкина скорее лирик, — пишет автор предисловия. — Её стихи о природе, о дружбе и любви — желание показать красоту жизни во всём её многообразии. Лики любви в творчестве поэтессы бесчисленны: любовь-поединок (“Разлука”), любовь-трепет и нежность (“Люблю тебя, сомнений быть не может...”), любовь-преклонение, что сродни высокой дружбе (“Не опоздай”). Это чувство светлое и беспечальное. Но есть место в стихах Валентины Дорожкиной и любви горькой» (с. 5). Иван Овсянников назвал сборник сонетов Дорожкиной «Только любовь» «своеобразной симфонией о любви», и Т. Ушакова приводит его оценку: «Это великолепное мозаичное полотно, отразившее душевный и духовный мир современного человека... Да, несмотря ни на что — ни на возможные измены, ни на расставания, ни на чёрную бездну тоски, кото-

рая порой охватывает автора, любовь сама по себе — радость и счастье, Божья благодать, загадка вселенной. И эта мысль — лейтмотив всего цикла, выражена афористично:

*Любовь моя мне принесла страданье,
Но ведь и счастье принесла любовь.*

И сколько же в сонетах таких афористичных строк, — заключает И. Овсянников, подмечая одну из самых характерных черт лирики поэта, — которые хочется перечитывать, запоминать, делиться радостью открытия с близким другом. А это — один из признаков истинности поэзии, её оригинальности» (Овсянников И. И. «Любви моей полёт» // Дорожкина В. Т. Только любовь. Тамбов, 1993. С. 6).

В. Т. Дорожкина обладает редким и удивительным талантом быть всегда влюблённой — в жизнь, природу, людей, в свой дом и город. Эта влюблённость, не иссякаемая ни при каких обстоятельствах, служит тем камертоном, по которому настраивается всё лирическое пространство поэзии автора, отмеченной мудростью влюблённого сердца. И, как правило, мудрость концентрируется в концовках стихотворений, которые, согласимся с И. Овсянниковым, действительно становятся афоризмами, которые хочется не просто запомнить, осмыслить, но принять в качестве жизненного ориентира:

*Душа и разум вечно в споре:
Душа мечтает о просторе,
Стремится птицею в полёт,
Но разум крыльев не даёт*

*Свои он строит планы скрытно —
В запретную проникнуть глубь.
Душа так часто беззащитна,
А разум постоянно груб.*

*Душе так хочется полёта —
Хотя б на несколько минут!
Но разум прыгнул с самолёта,
И — не раскрылся парашют.*

(«Душа и разум»)

Выход на поэтическую медитацию, лирику размышлений непременно связан в творчестве Валентины Дорожкиной с декларированием собственных творческих постулатов, с формулированием своего отношения к процессу поэтического творчества. Обращаясь к своей Музе («К Музе»), поэт советует ей не учить рифмовать, «ведь не хитрое это дело, рифмовать я с детства умела»:

*Научи меня душу отдать
Каждой строчке и каждому слову,
Чтоб достойно держать ответ.
Научи воспевать полю, —
Ибо колос давно воспет...*

Вот творческое кредо автора, воспеть не только очевидную красоту и целесообразность, но и «полю», то, что, на первый взгляд, и недостойно одухотворения.

Сила самовыражения в поэзии В. Дорожкиной держится не столько на поэтической форме, сколько на энергии личности самой поэтессы. Её поэзия — скромная, тихая, добродушная и предельно честная, очень нужная современному человеку, продолжающему терять представления об истинных ценностях.

Есть у поэтессы стихотворение, навеянное судьбой героини Леонида Леонова Евгении Ивановны из одноимённой повести, судьбой женщины, сменившей гражданство:

*А женщина молча на камень
Упала, как птица без крыл,
И била туман кулаками
За то, что Россию закрыл.*

В. Дорожкина понимает весь трагизм положения леоновской героини, ибо хорошо знает цену любви к России. Иначе не написала бы она «Мечтаю поехать по белому свету. / О странах далёких, как в детстве, мечтаю... / Мечтаю, мечтаю, но каждое лето / Я в поезд сажусь и в Москву уезжаю». Это написано в стихах. А в жизни она едет в Москву не только летом, а в любое свободное от работы время. Там в больнице лежит тяжело больной человек, соратник по перу. Патриотизм — чувство вполне конкретное, его невозможно выразить никакими бравыми и форсистыми языковыми «па», если душа глуха и к

тревогам народным, и к судьбам отдельного соотечественника.

Валентина Дорожкина не спешит оставлять свою журналистскую деятельность и работу в качестве руководителя творческого детского объединения «Тропинка». Найти героя в гуще жизни, а не взять его взаймы или на прокат у более талантливых и более знающих жизнь собратьев — эта черта творческого поведения поэтессы придаёт её поэзии жизнестойкость.

В критической литературе в ходу сравнение поэзии, сделанной по всем правилам стихотворной грамматики, но лишённой живительных соков человеческого переживания, с бумажным цветком, не дающим запаха. В стихах тамбовской поэтессы мы сталкиваемся с иной ситуацией. Бывает, стихотворение незатейливо «сшито», но всё равно сохраняет заряд человечности, способной удержать внимание читателя. Таково стихотворение «Вы немало уже исходили». Оживлённая магистраль города, грохочут мощные моторы, улицу переходит старая женщина:

*А бедная приложит руку к уху
И слушает, поглядывая вниз...*

И надолго запоминается эта беззащитная старушка наедине с гулом современной магистрали. Внимательный и человечный взгляд поэтессы из многообразной картины бытия высветил лишь одну драматическую ситуацию, но такую, которая отодвинула на задний план мысли о стихотворной форме.

Лирика Валентины Дорожкиной неброская и ненавязчивая, под стать её героине:

*Тобой живу. Тобой дышу.
И письма длинные пишу.
Ни одного не отошлю.
Люблю!*

Оттого и «званный гость», долгожданный собеседник в нашем доме героиня Валентины Дорожкиной, что мы ценим скромность, что истосковались по обычному человеческому теплу и человеческому участию.

Совершенно особое место в сборниках В. Дорожкиной занимают «Стихи о хлебе», они придают им особый вес, эстетическую внуши-

тельность, как венок сонетов, посвящённый Дню Победы, в своё время поднял на новую ступеньку всё творчество поэтессы. Для широкого круга читателей Валентина Дорожкина началась со стихотворения «Моя причастность к войне». Им вовсе неслучайно в 1978 году открылась первая книжка автора, вышедшая в Воронеже, «Причастность». Активная гражданственность и интерес к остро социальным проблемам нашего бытия — выразительная линия творчества тамбовской поэтессы, обеспеченная ресурсами её личности.

И в жизни, и в творчестве Дорожкина едина. Это очень существенно для творческого результата. Последовательна она и в своей памяти об отце-воине, которому посвятила своё первое, самое удачное стихотворение «Моя причастность к войне». И не игра, не поза, а желание быть похожей на отца, погибшего в Великую Отечественную, желание оправдать гражданскую миссию дочери фронтовика диктует поэтессе вот эти строчки:

*Если б видел меня отец,
То сказал бы:
«В меня уродилась».
И добавил бы: «Молодец!»*

Известный писатель Л. Соболев, много лет возглавлявший Союз писателей РСФСР, под аплодисменты однажды назвал советскую литературу «большим кораблём»: «И если есть ещё на нашем большом корабле пассажиры, то стыдно не нам, команде корабля, а им. Пассажиром можно плавать на туристском теплоходе, а не на рыбацьем траулере или боевом корабле. Мы же на нашем корабле идём в бой». В бой за красивого человека, за жизнь, полную добра, света и тепла.

Принимает ли участие в этом бою поэтесса Валентина Дорожкина? Да. Она на корабле литературы не пассажир.

В 1989 году написана прозаическое произведение В. Т. Дорожкиной, автобиографическая повесть «Как говорила моя бабушка...» (Тамбов, 2000). Она стала полной неожиданностью для читателя, который привык видеть фамилию этого писателя под стихотворными текстами. Оказалось, что проза в творчестве автора-поэта является не только органичной для его творчества, но совершенно неотъемлемой частью. Если не прочитать это произведение, многое в поэзии Дорожкиной можно недочитать, недочувствовать, недопонять, а самого автора недолюбить. «Как говорила моя бабушка...» для автора многочислен-

ных поэтических сборников — в некотором роде программное произведение: в нём истоки поэтического мировидения и мироотношения, корни сформировавшейся личности писателя, благородного жизнелюбия.

В. Дорожкина подсказала читателю точный жанровый ориентир, назвав произведение «автобиографической повестью». Точно и авторское посвящение «Памяти мамы и бабушки». Именно бабушка автора проходит от начала до конца повести, определяет сюжет и как бы «дирижирует» взаимоотношениями героев-родственников, в том числе между матерью и её детьми, матерью и свекровью. Да и бабушка в повести изображена так, что она запоминается именно как Мать. Основной сюжетный стержень воздвигнут буквально на пьедестале великого выживания послевоенного человека, детей.

Ярко написанный и потому запоминающийся портрет бабушки, как и картина всей послевоенной жизни, на страницах повести складывается из разных красок, тонов и полутонов. За свойственной почерку автора лёгкой улыбкой, в которой не снисходительность к старой безграмотной женщине, а потрясающая любовь к ней, сохранившаяся на всю жизнь, восхищение её жизнелюбием, добротой, каким-то могучим терпением, не может спрятаться весь трагизм русской жизни накануне войны и послевоенного времени. Сберегающим лучом света освещена жизнь в доме бабушки. Здесь нет уныния, здесь любят труд, любят и берегут детей. В доме бабушки живут по принципу «Вперёд не иди и сзади не отставай». Бабушкины многочисленные афоризмы, как и этот, выражают жизнелюбивую и жизнестойкую мудрость умной и доброй женщины-матери.

Концентрацией авторского восприятия всей послевоенной действительности, отражённой в повести, конечно же, является бабушкин дом. Всё он пережил на своём веку: и гибель на фронте троих сыновей, и послевоенную разруху и голод, и бытовые неурядицы, и сиротство внуков и радость их вырастания, радость добытого куска хлеба. В этом доме господствует мораль, заложенная автором в частушку, «прибаску», которую часто поёт мать:

*Иду полем-огородом,
Иду, песенку пою.
Не хочу перед народом
Открывать тоску свою.*

Бабушка и её дом — одно целое. Она любила дом, и дом любил её. Скрепляющим их началом в повести является запах яблок, антоновки. Подробно в повести описаны двор, огород, сад у дома.

Запах антоновки, столь бережно хранимый бабушкой, — это запах дома, родного, это память души и сердца. Это отношение к прошлому и к себе.

Характерной деталью портрета бабушки, атрибутом картин жизни в повести В. Дорожкиной «Как говорила моя бабушка...» является язык произведения, бережно сохранённый чутким пером автора не только в диалектном выражении, богатстве, роскоши, бездонных возможностях в передаче жизненной философии, настроений, отношений между людьми, а главное — между взрослыми и детьми. Несмотря на трудную жизнь, которую нам сегодня и представить невозможно, используя огромные ресурсы русского языка, взрослые и, прежде всего, бабушка создавали для детей особую языковую картину жизни, в которой были уют и тепло...

Повесть «Как говорила моя бабушка...» завершается скупой информацией о похоронах бабушки и грустным авторским взглядом в наш сегодняшний день: «Сейчас наша улица — по прошествии стольких-то лет! — если и изменилась, то далеко не в лучшую сторону: дома ещё больше постарели, многие сады, лишившиеся рачительных хозяев, посохли, грязь всё та же...

— Хозяина нет... Ох, нет хозяина, — сказала бы бабушка и была бы, как всегда, права»...

Один из многочисленных сборников стихов В. Дорожкиной называется «Остров спасения» (Тамбов, 1989). В названии этой книги, пожалуй, наиболее точно сформулировано значение творческой работы автора. Читая её лирику и прозу, действительно входишь в мир, в котором светло и уютно, в нём господствуют душевность и покой. Это ещё и ещё раз подтверждает вышедший в 2008 году сборник Валентины Дорожкиной «Благая весть».

Ну а к юбилею поэтессы в издательстве Тамбовского отделения Литфонда России вышел сборник «Дорога жизни». Он наконец-то представит читателям в полном объёме В. Дорожкину-прозаика, В. Дорожкину-критика и краеведа. Новая книга даёт представление не только о творчестве её автора, но и о литературной жизни Тамбовского края, с которым связаны имена многих писателей разных эпох.

Валентина ДОРОЖКИНА

ВЛЕКУТ НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

Красота

*Добро и зло не различая,
Погрязли в быте, в суете.
Порою плачем от отчаянья.
А в чём спасенье?
В красоте!*

*В ней –
вечно образы живые,
В ней –
милосердье и добро.
Гляди на брызги дождевые:
Не брызги это –
серебро!*

*Встречая женщину поклоном,
Ты присмотри к её чертам:
Быть может, это –
та мадонна,
Что гения подарит нам...*

*Когда цветок
себя раскроет,
Людей обрадовать спеша, –
Оттаёт чёрствая душа:
Её роса любви омоет.
Зло так бы не торжествовало,
Когда бы на его пути
Преградой*

*доброта вставала, –
Вернее средства не найти.*

*Здесь ни открытий нет,
ни истин.*

*Но, может, всё-таки
не зря*

*Блестят обрызганные листья
Под мокрым светом фонаря?*

Не пропустите цветенье сирени

*Вот и весна наконец-то настала,
Тёплым дождём обновилась земля.
Слышите?*

*Птиц хлопотливая стая
Радует пеньем леса и поля.*

*Сколько в природе
прекрасных мгновений!
Ах, удержать бы их дольше в душе!
Не пропустите*

*цветенье сирени –
Это мгновение близко уже.*

*Юные годы нам снятся нередко –
Это спасительный в жизни родник.
Пусть возвратится
сиреневой веткой
Первой влюблённости трепетный миг.*

*Помните, помните?
Дали синели,
Нас обнимали небесные своды...
Не пропустите*

*цветенье сирени –
Необъяснимое чудо природы.*

* * *

*В чьё сердце попадёт твоя стрела?
В каком она к тебе вернётся виде?..
Творя неблагоприятные дела,
Мы думаем, что нас никто не видит.*

*Мы бережём лишь оболочку – плоть,
Но как давно не очищали душу!
Пошли прозрение, Всевидящий Господь,
Открой нам, грешным, и глаза, и уши.*

*Пока стрела ещё не долетела,
Не ранила и не убила тело,
Ты, Господи, сверши опять добро:
Предотврати людское злодеянье,
Спаси. И преврати стрелу в перо,
Чтоб было чем писать нам заветаенье.*

Горький июнь

*Июнь...
И цветы полевые.
И память острее вдвойне...
Я снова смотрю,
как впервые,
Кино о великой войне.*

*Кровавые кадры мелькают...
И пусть это было давно,
Но я, как всегда, забываю,
Что это –
всего лишь кино.*

*Я там и душою, и телом, –
Бегу, не боясь ничего.
О, как бы прикрыть я хотела
От пули отца своего!*

Кому-то кричу я:
 «Не надо
Отца моего убивать!»...
Он падает...
 падает...
 падает...
А я не могу поддержать.

Я вижу его на экране –
Какой он ещё молодой!
Нет, он не убит,
 только ранен,
Сейчас он поднимется в бой...

И вновь сердце ужас охватит:
Кто выстоит в этом бою?
Ведь в каждом упавшем солдате
Отца своего узнаю.

* * *

«Дай мне водицы непитой», –
Мне часто мама говорила.
Пила
 и обретала силу,
И становилась молодой...

Я наш колодец с детства помню:
И впрямь –
 особая вода.
Когда с ведром встречались
 с полным,
То значит, горе –
 не беда.

...Ни хлеба не было, ни соли.
Враг караулил у дверей.
Зато воды мы пили вволю
И утоляли голод ей...

*Когда печаль души коснётся,
Я пью живительный глоток
Воды
 из нашего колодца:
Он – не источник.
 Он – исток.*

Монолог солдата

*В двадцать первом веке
Снова – войны, войны,
И от взрывов меркнет
Неба синева...
То ли плачут матери,
То ль сирены воют...
А из сердца рвутся
Горькие слова.*

*Даты обозначатся
С промежутком малым:
Принимай, земляца,
Новые тела...
Или злою мачехой
Нам Россия стала,
Что на поругание
Юность отдала?*

*Ах, чума военная,
Сколько ты скосила!
Мне дорога скатертью –
Тожже на войну...
Будь солдату матерью,
Родина-Россия,
У него надежда
На тебя одну...*

*Дай мне, небо, крылья,
Дай, земля, мне силы,*

*Помоги мне выжить,
Брата не убить...
Стань мне снова матерью,
Родина-Россия, –
Ты сама устала
Мачехою быть.*

** * **

*Ни другу, ни врагу не лги.
Возврата сгнули круги...
Перетасованы войною
Потенциальные герои,
Потенциальные враги.*

*То ли завывать,
то ли запеть...
Там было страшно умереть.
Но жить страшнее оказалось:
Ведь человек –
такая малость
И вечно попадает в сеть.*

*Осталось что от храбреца?
Шрам от осколка в пол-лица.
А в памяти –
такие дали...
От сквозняка звенят медали
На старом кителе бойца.*

*Не надо никаких даров,
А только бы
немного дров:
Кофейник на плите тоскует...
А жизнь тасует и тасует
Врагов – друзей,
друзей – врагов.*

* * *

На небе –
Облаков тревожных стадо,
А на земле
Опять идёт война.
И вновь пронзит
Вопросом тишина:
Нравнодушие –
Крест или награда?

Тот неспокоен,
Кто хоть раз услышал,
Как градом боль стучит
По окнам, крышам,
Как вопрошают
Травы и цветы:
Что сделал ты?
Чего не сделал ты?

И совесть
Подведёт к окну опять:
Тонуть
Иль за соломинку хвататься?
Чужую боль
Спокойно воспринять
Иль чёрной безысходности
Поддаться?

Нравнодушие –
Крест или награда?..
А может,
Задавать вопрос не надо?
Но я боюсь
Очередного дня,
Когда весь мир
Проходит сквозь меня.

Троица

*Ох, и бушевали
Прошлой ночью грозы:
Накануне Троицы
Дождь смывал грехи.
Срежу аккуратно
Веточку берёзы,
Помолюсь пред Господом,
Напишу стихи.*

*От воспоминаний
Сердце беспокоится,
К горлу подступает
Горько-сладкий ком:
«Скоро-скоро Троица,
Всё травой покроется», –
Напевала мама, украшая дом...*

*Слава Богу, детство
Постоянно помнится.
Пусть не истончится
Связующая нить...
Помоги и дальше,
Пресвятая Троица,
Память об ушедшем
В сердце сохранить.*

* * *

*Всё в этом мире что-то значит,
И меж большим и малым – связь.
Вот одуванчик –
мальчик-с-пальчик –
Стоит, почти не шевелясь.*

*А вдруг наскочит ветер грубо
И не оставит ничего?..*

*Всего боится:
детских губок,
Готовых дунуть на него,*

*Мяча, ноги неосторожной,
Дождя боится и грозы,
И даже капельки ничтожной,
И даже крыльев стрекозы...*

*А в поле выйти –
так заманчиво,
Душою тянешься сюда...
Туманный шарик одуванчика
Вот-вот исчезнет без следа.*

** * **

*Снова раздвигается пространство:
С фотографий – предков странный взор.
...Дом старинный,
крохи от дворянства –
Тумбочка, портреты и фарфор,*

*Чашка с блюдцем,
аромат кофейный...
И не «пил» ведь скажешь,
а – «вкушал».
О, какой момент благоговейный
Там, где кофе –
целый ритуал.*

*Я смеюсь:
буржуйские замашки!
И, вдыхая дивный аромат,
Думаю, пока все говорят:
«Сколько губ касались этой чашки?».*

*Ах, зачем, зачем мне это нужно –
Думать о прошедших сотнях лет?..
В тот же миг
движеньем неуклюжим
Я роняю чашку на паркет.*

* * *

*Неимоверно много утекло –
Воды?
Нет, не воды, а жизни.
Все мысли – о страданиях Отчизны...
Хлеба созрели –
на душе тепло.*

*Но не отдал ли каждый колосок
Заранее живительный свой сок?
Что остаётся нам от урожая?
Одна стерня –
от края и до края.*

*И поле чёрное,
остатками шурша
Напоминает ныне поле брани,
Где брата брат
или убьёт иль ранит,
И обольётся холодом душа...*

*Седуют раньше времени виски.
На поле выжженном
не зреют колоски.
Опять детей оплакивает мать...
А душу-то когда отогреть?*

* * *

*Какой опять разброд в умах!
А в душах
царствует смятение:
Неужто ожидает крах
Последующее поколение?*

*Не быть, как все!
Как все?
Не быть!
И – проклято единогласье.
И – рухнуло всё в одночасье,
И – ну историю хулить!..*

*Телега прошлого прочна,
И как ей ни шибай колёса,
Как ни толкай её
с откоса,
Не станет кораблём она...*

*В порыве разорвав рубаху,
Не быть, как все, –
ещё не цель.
И как бы со всего размаху
Корабль не посадить на мель.*

*Ведь отличиться так легко
«Лица не общим выраженьем...»,
Но до эпохи Возрожденья
Так далеко.
Так далеко.*

Моё богатство

*Меня корят мои друзья:
Не нажила богатство я –
Ни для кого ведь не секрет,
Что дачи и машины нет.*

*Но я с друзьями не согласна
И возмущаюсь ежечасно:
Как никакого нет богатства?!
А это
 сладостное рабство –*

*Сидеть за письменным столом
И, утруждая руку лбом,
Писать, писать, пока заря
Прочтёт и скажет,
 что не зря*

*Прошла и эта ночь без сна...
Мне помогают
 тишина
И незапятнанное братство
Души, бумаги и пера
Копить несметное богатство
Всю ночь
 до самого утра...*

*Я не веду богатству счёт:
Моё –
 никто не украдёт.*

Маргарита МАТЮШИНА

«КРЕПКАЯ ПЕРЕПЛЕТЁННОСТЬ ПЛОСКОСТЕЙ»

О современной прозе Тамбовского края

Второй том антологии «Тамбовский писатель-2009»* составили произведения четырнадцати прозаиков, членов Тамбовского отделения Союза писателей России. В последние годы пишущим прозу литераторам приходится сложнее, чем поэтам, так как местная периодическая печать всё реже и реже предоставляет свои страницы даже для произведений малого формата. Правда, тамбовская проза регулярно появляется в журнале «Подъём» и на страницах «Тамбовского альманаха». Весьма активно издаёт произведения членов писательской организации Тамбовское отделение ООП «Литературный фонд России». Можно сказать, ему и принадлежит львиная доля публикаций книг, созданных за последние пять лет нашими прозаиками-современниками.

* Тамбовский писатель-2009. 2. Проза / Ред.-сост. Н. Наседкин. Тамбов: Изд-во Тамбовского отделения ООП «Литфонд России», 2009. 504 с. 700 экз.

Маргарита Матюшина родилась в Тамбове. Окончила Тамбовский педагогический институт. Работала педагогом, художником, корреспондентом газет «Тамбовские известия», «Тамбовский курьер». Ныне корреспондент отдела культуры и искусства областной общественно-политической газеты «Тамбовская жизнь».

Публиковалась в центральных газетах «Культура», «Газета №1», «Вперёд», журналах «Регион 68», «Страстной бульвар», «Работница», коллективных сборниках.

Лауреат областной литературной премии им. В. Богданова «Светунец», областного конкурса «Тамбовская пресса», дважды лауреат Международного конкурса прессы «Золотой гонг».

Член Союза журналистов России.

Продолжает финансово поддерживать издание книжных новинок управление культуры и архивного дела Тамбовской области. Некоторым мастерам слова удастся найти поддержку и у частных спонсоров. Так что палитра публикаций за последние пять лет весьма насыщенная и разножанровая.

Литературу часто называют «человековедением», и с этим вряд ли кто поспорит. Трудности возникают на пути определения критериев подхода к человеку, ведь они должны соответствовать всё-таки требованиям настоящего искусства. Ещё великий писатель Э. Хемингуэй сказал, что «нет на свете дела труднее, чем писать простую, честную прозу о человеке». В большинстве своём тамбовские писатели довольно успешно, хотя, бесспорно, и не без ошибок и срывов, преодолевают все сложности на пути к сердцу читателя.

Тамбовская проза по-хорошему традиционна. Прошли те времена, когда эпитет «традиционность» имел негативный смысл. Размышляя о художнике нашего времени, писатель Сергей Залыгин очень точно сказал: «Он чувствует современный стиль, — стиль творческий и повседневный, стиль всей окружающей его жизни. Он стремится его уловить наиболее точно и выразить наиболее полно. В то же время он всегда находится во власти творческой традиции. Ему никогда и никуда не уйти от вполне конкретных художественных произведений, которые на века стали эталонами, которые учат его вечности искусства, вообще вечности и уже по одному этому — традиционны».

Анализируя многочисленные издания прозаиков последних лет, видишь осознанное честное стремление каждого не остаться в стороне от современного ритма эпохи. Но при этом писатели чутко улавливают опасность обеднения мира человеческих эмоций, нравственной сферы. Тем, кто пеняет, что, мол, само время якобы выдвигает на передний план «делового» человека, не обремененного излишней чувствительностью героя, они говорят «нет» и стараются доказать, что у человека есть всё-таки надежная защита от превращения, как говорят критики, «в скромную шестерёнку громадного механизма цивилизации». Она в исконных корнях нравственности, в традициях общества, в окружающей природе.

Именно под этим углом зрения я и стремилась рассматривать явления тамбовской литературной современности. Благо, это всегда интересно, потому что нынешние прозаики и старшего и среднего поколения имеют в основном ярко выраженную индивидуальность манеры письма. Не лишены их произведения и широты, многознач-

ности, и серьёзного социального звучания. По верному наблюдению критика Ю. Суровцева: «Для прозы наших дней вообще характерна переплетённость плоскостей, в которых находится та или иная из затрагиваемых художников проблем, такая крепкая переплетённость, что произведение уже не отнесёшь к некоей даже условно очерченной тематической разновидности». Такими являются в частности произведения прозаиков старшего поколения.

* * *

«Надо биться и биться, — подумалось решительно. — Главное, не мельгешить и быть таким же сильным и чистым, как вот этот родник! Сильным и чистым!..» Такими словами писатель **Александр Акулинин** завершает одно из главных в своём творчестве произведений — роман «Светла водица...» Для корифея тамбовской прозы слова «биться и не мельгешить» своеобразный жизненный девиз. Посвятив многие десятилетия литературе, Акулинин все эти годы старается сохранить родник своего творчества сильным и чистым. Писатель стремится запечатлеть черты времени, ответить на его духовные запросы, идёт своим неповторимым путём.

Чаще всего, обращаясь к тем темам, которые наиболее близки ему, знакомы — это послевоенная и сегодняшняя деревня, — он умеет быть исторически точным и достоверным. Его прозу, прежде всего, отличает доверительное отношение к живой жизни, способность видеть и изображать человека, маленького ли, взрослого ли, в его целостности, в богатстве реальных жизненных связей, в нравственной устойчивости. «В каждом произведении Акулинина, — пишет в книге “Живой родник” Владимир Башканков, — воедино слиты лирические и гражданские начала. Автор считает основой человеческого бытия доброту и этот взгляд, это понимание является краеугольным камнем всего творчества Акулинина. Через народную нравственность им познаётся действительность, раскрывается роль народа в истории общества, и роль отдельной личности в народном целом».

Всё это присутствовало уже в первом произведении Акулинина «Поводырь». Объём повести невелик. Но на этих ста с небольшим страничках — выплеск впечатлений прерванного детства. Ведь Александр Акулинин принадлежит к поколению «детей войны». А их детство, как очень точно заметила И. Карева: «...По сути своей — экстремальная ситуация. Её драматизм позволяет писателю глубоко и всесторонне раскрыть мир подростка. Оставаясь ребёнком, со своими

детскими забавами и проблемами, между тем он обладает чувством долга, проникается всеобщей ответственностью за исход сражения двух сил. Подросток имеет возможность самостоятельно решать важные для себя вопросы и способен отвечать не только за себя».

«Поводырь» очень ёмок. В нём Акулинин сконцентрировал самые разные аспекты жизни села в войну. Тут рядом и тяжелейший далеко не пафосный крестьянский труд и жестокие раны похоронок, раннее взросление и всё-таки ещё не ушедшая совсем детскость в побуждениях и поступках подростков. С первых же строк повести Акулинин задаёт настроение: «Когда июнь склонился к сенокосу, пришёл с войны слепым Шуркин отец. И Шуркина жизнь остановилась, точно разгорячённый конь перед неожиданной преградой. Всё отодвинулось: и шумные игры, и весёлые купания в Лебязьем озере».

Да, жизнь круто изменилась. Но что характерно для акулининской прозы, так это то, что она никогда не бывает чернушной. Наоборот, ей всегда присущ оптимизм, в ней прослеживается мысль, что в одиночку человеку с навалившейся бедой не справиться, а вместе, объединившись, и выход можно найти, и невзгоды преодолеть. Очень показательна в «Поводыре» сцена встречи отца Шурки и убитой горем после похоронки тётки Веры. Разговор-соучастие помог обрести силы обоим: «Когда возвращались домой, отец не сутулился, не клонил головы. Шёл прямо, не отворачивая лица от дождя, казался выше, солиднее, о чём-то напряжённо думал. Шурка был уверен, что отец обдумывает что-то очень серьёзное, важное».

Повесть Акулинина, как верно заметил писатель Н. Наседкин, «получилась щемящей, убедительной, жёсткой потому, что написана кровью и слезами личных воспоминаний». Она прошла проверку временем не только на прочность и талант, которую с успехом выдержала, но и на глубину и силу социально-философской мысли, истинность понимания современной действительности. Черта будущего писателя — чутко и чётко, до деталей, до мелочей, улавливать и запоминать все проявления окружающего мира, — проявилась в Акулиnine с молодых ногтей. Вот почему свои воспоминания он никогда бы не мог вместить в объём одного произведения. И они у Александра Михайловича вылились в целую вереницу замечательных рассказов.

Александр Акулинин работает в этом жанре много, плодотворно, успешно. Анализ рассказов, созданных писателем за десятилетия творчества, достойны отдельной серьёзной литературоведческой работы. Ибо там есть над чем поразмышлять, что-то осмыслить, с чем-то по-

спорить. Интересно движение от его ранних рассказов к произведениям, обладающим всеми признаками творческой зрелости. Рассказ А. Акулинина «Праздник прощания с игрушками» по пронзительности изложения, боли за родную землю, родную деревню можно смело ставить в один ряд с распутинским шедевром «Прощание с Матёрой».

Буквально в каждом абзаце Акулинин находит какую-то свою щемящую ноту, что невольно мурашки пробегают по спине даже у того, кто всю жизнь прожил в городе: «Земля подошла — вспучилась, согрелась. Самое время почесать боронкой, затем поворошить поглубже дорбачём и вновь уж ласково-ласково проехать боронкой. Потом уставшим шагом пройти огород из конца в конец босиком, чтоб почувствовать прохладное, налившееся силой для зарождения, тело земли. Прикинуть, где что посадить: и тут хочешь иль не хочешь, но вспомнишь прошлую осень, вызревшие овощи и, глядя на голую чёрную землицу, увидишь вдруг молоденький, пупырастый в иголочках огурчик — сочный, хрусткий. Непрошено подкатит слюна и стоишь, улыбаешься, точно в прошлогодней золе золотую копейку нашёл».

Язык писателя весьма выразителен, сочен, самобытен, многообразен. В произведениях и крупной, и малой формы немало не только философских иль грустных строк, но и полных юмора, лукавства. «Важно обратить внимание, — пишет учёный-литературовед Л. Полякова, — на некоторую особенность рассказов Акулинина. Собственно, они не столько рассказы, сколько повествовательные миниатюры, иногда почти целиком построенные на диалогической речи и оттого необычайно сценичные, драматургические. По своему пафосу, остроумию это скорее байки, цикл баек, объединённые между собой сквозными героями. Такое уточнение жанра принципиально важно, ибо миниатюра, байка требует от писателя таких усилий, которые не знакомы рассказчику».

Пишет ли Акулинин для взрослой аудитории или для детей, для которых создал несколько циклов рассказов и захватывающую историческую повесть «Крепость на Цне» (недаром отрывки из неё вошли в хрестоматию для девятого класса «Литературное краеведение»), он старается нигде не дать послабления, оттачивая своё слово. Мастерство прозаика, твёрдая жизненная позиция и духовная наполненность способствуют и постоянной востребованности его книг. «Краеугольным камнем творчества Акулинина, — пишет В. Башканков, — является стремление, как самого автора, так и героев его произведений, к осмыслению того, в чем состоит духовная основа человека...

Герои в основном заняты поиском этих основ, размышлением над тем, что необходимо взять с собой из прошлого в настоящее и будущее; то самое главное, без чего человек может потерять, растворить без остатка в общем свое “я”...»

* * *

Проза **Ивана Елегечева** по-сибирски основательна. Чувствуется в ней нутрянная мощь, еле сдерживаемая залихватская удаль, гулкая пружинистая сила: «Как урман, колеблемый, ветром, шумит, гудит, гыгылится, хохочет, рыдает, поёт байга-жизнь. Вся тайга Нарымская собралась на Оби на четыре установленных ещё в глубокой древности дня. Отпразднуют люди и разъедутся по своим дальним речкам, еганам и чворам до будущего года, до масленки. Но горе тому, кто, загулявшись, останется лишнее время».

Образное, самобытное авторское видение присуще не только основанным на сибирской тематике «Байге», «Зиме», «Мангазее», «Дивкорню», «Тунгусскому бору» и другим произведениям Елегечева, торжественным колоколом она звучит и в сочинениях тамбовской поры.

«Как хороша тамбовская осень! — носились в голове Державина подспудные мысли. — Как богата ты, сердцевинная земля России! Сердцевина России хлеб России. А хлеб — основа могущества государского. Без хлеба бессилён солдат, без хлеба не стреляют пушки. Дай мне волю, время, деньги, я соединил бы тебя, сердцевина, каналами и реками со всеми краями отечества моего: торгуй и процветай! Рожь твоя, мёд твой, вощина твоя — лучшие во всём мире, пенька твоя, холсты твои, все плоды труда твоего потекли бы изобильными потоками на Балтику, в Понт Эвксинский — для мирового торга. Я провёл бы дороги, я перестроил бы по новому чертежу губернский город. На месте убогих избышек и домов, и овинов, и гумен в середине города я воздвиг бы каменные дома и дворцы. Но не суждено мне, и это, видно, другие совершат со временем...»

Даже в осознании своего бессилия герой романа «Губернатор» величествен и патриотичен в замыслах и побуждениях, оптимистичен в надеждах на будущие поколения. В таких настроениях и сила прозы Елегечева. А ещё в духе народном. «Вообще Елегечев щедро использует народное творчество, — пишет Л. Полякова. — Сновидения, легенды, анекдоты, прибаутки часто встречаются на его страницах... и это одна из особенностей повествовательной манеры писателя. Она помогает сохранить народный взгляд на события, дать им соответ-

ствующую оценку».

Московский прозаик Сергей Есин, говоря о романе «Губернатор», отмечал, что автор пишет со знанием истории, с любовью к своим героям. Впрочем, эти черты ни какая-то особенность данного сочинения. Если Елегечев работает в историческом жанре, то скрупулёзно старается изучить документы исследуемой эпохи, а уж знания о жизни сибирской глубинки двадцатого века и вовсе почерпнуты из собственного опыта. Ведь корни Ивана Елегечева — сибирские. Они-то всегда и питают его прозу живительным творческим соком. Оттого и описан так сочно шумный весёлый остяцкий праздник в романе «Байга», оттого так животрепещуща экологическая тема борьбы за драгоценный сибирский лес и чистые реки в «Тунгусском боре», «Золотом ожерелье», «Див-корне».

Но и тамбовский период писателя весьма обогатил его последующие сочинения. Сборник рассказов «В русском лесу», вышедший в 1981 году после пятилетнего проживания Елегечева на Тамбовщине, это уже эпическое осмысление бытия русского человека. «Его “русский лес”, — пишет Л. Полякова, — это больше, чем лес, это русский народ». «Романы “Губернатор” и “Голгофа”, драма “Что есть истина”, трагикомедия “Пушкин в Тамбове” — всё это истекло из прозрачных родников земли тамбовской», — убеждён профессор Ю. Михеев. И в этом нет ничего удивительного: в основе творчества каждого приметного писателя лежит его собственная биография. Но для подлинного художественного творчества этого мало.

Не краеведческий материал сам по себе делает талант Елегечева свежим и привлекательным, а умение найти в нём то, что интересно и важно не только тамбовскому жителю, но и всей России. Выйдя на такой уровень художественного мышления, Елегечев не теряется на общем литературном фоне. Остаётся самим собой. В этом ему помогает умелый выбор объекта, предмета художественного исследования. Он, как правило, берётся за материал, до него никем не разработанный — становится его первооткрывателем: сибирская ссылка протопопа Аввакума («Зима»), позабытая всеми Мангазея («Мангазея»), совершенно новый ракурс «антоновской» темы («Голгофа»).

Роман-трагедия «Голгофа», по мнению многих профессиональных историков и литературоведов, одно из самых мощных произведений Ивана Елегечева. Давая высокую оценку прозе автора, некоторые всё же не согласны с трактовкой выбранной темы. Это и понятно. «Антоновщина» ещё не слишком далёкий пласт нашей истории. Полити-

ческие предпочтения читателей, несомненно, влияют на восприятие описываемых Елегечевым событий. Некоторых не устраивает полярное разведение сторон: злодеи-большевики и невинные жертвы. Кто-то не приемлет трактовку автором образа Антонова, как вождя крестьянского восстания, ибо видят в нём оголтелого бандита. Тема «антоновщины» действительно и сегодня остается весьма животрепещущей. К тому же она снова выводит читателя на философское осмысление взаимоотношений человека и власти.

Эти взаимоотношения, как очень верно заметил Ю. Михеев, «волновали Елегечева давно, но особенно остро обрисованы в романе-трагедии “Толгофа”. Власть, стоящая над человеком, угнетающая человека, неприемлема, безоговорочно автором осуждается. Поэтому он в своих произведениях на стороне тех, кто против угнетающей власти: поддерживает Аввакума в его борьбе против воеводы Пашкова, на стороне Палицына против воеводы Кокорева, воюет на стороне Антонова против Волка и других. Но противостояние власти предрержащим, гражданская позиция сами по себе мало привлекают: у гражданской позиции должны быть прочные, надёжные нравственные основы.

В своих рассуждениях о творческом труде Елегечев принципиально избегает слово писатель: слишком ответственным оно ему представляется. Писатель — это добрый и совестливый человек. Есть честный совестливый человек, есть и писатель. Нет — и писателя нет. Всё это, однако, конкретно реализуется не в прямых авторских инвективах, а, как положено, в художественных образах — в характере персонажей. Они-то и доносят авторскую мысль до читателей в своих поступках и действиях. С ними и связаны наиболее крупные удачи писателя — с разнообразием и выразительностью человеческих и социальных типов.

* * *

Василия Кравченко по праву называют мастером остросюжетной новеллистики. Даже крупные произведения писателя выстроены как цикл ярких новелл, но со сквозным одним или несколькими персонажами. Пример тому вышедшая два года назад к юбилею Кравченко, ровеснику Тамбовской области, «Сага о заблудших». Сборник из десяти небольших обособленных произведений, в которых действует Павел Сидоренко, при полном прочтении воспринимается романом, в котором прослеживается жизнь героя, как говорится от «мла-

дых ногтей» до того момента, когда выходит его книга, наделавшая в провинциальном городке Лысогорске много шума.

«Сагу о заблудших» можно считать квинтэссенцией всего творчества Василия Кравченко, так как она вобрала весь наиболее существенный опыт писателя — от мальчишечьих впечатлений нелёгкого детства: «Всякого пришлось пережить за это время. Ещё не раз уходили мы из дома, скрываясь у добрых людей, брат со своими ровесниками где-то в поле, в овраге вырыли укрытие и уходили туда, когда немцы устраивали облавы для отправки рабочей силы в Германию. Маму забирали в тюрьму, но свой человек из управы помогал ей освободиться. Но мы ко всему притерпелись, невзгоды переживали легче, чем в первую зиму», — до перипетий в писательской среде Лысогорска второй половины прошлого века.

«Это было время, когда “корочки” (то есть твёрдый переплет удостоверения члена Союза писателей, диплома о высшем образовании, наконец — партийного билета члена компартии) решали всё. Человек мог издать десяток книг, и были такие, но если он не состоял в Союзе писателей, его скромно именовали “автором десяти книг”. Человек мог быть непревзойдённого ума, но если он не имел диплома о высшем образовании, а всего лишь о среднем, его не ставили на ответственную должность, а брали посредственность с дипломом. То было время, когда бумажка превосходила человека».

Ещё раз вместе с автором и героем читатель «Саги» проходит тернистым путём в поисках нравственных идеалов. Впрочем, и всё творчество прозаика Кравченко можно соотнести с этой темой. Любопытно, что именно в год выхода сборника «Тамбовский писатель-2009» в свет, исполняется ровно пятьдесят лет, как на страницах «Тамбовской правды» был опубликован первый рассказ Василия Кравченко, с которого и началась профессиональная деятельность этого интереснейшего писателя.

Начинал вхождение в литературу Кравченко как писатель-«деревенщик». Его первые повести и рассказы «Хуторяне», «Лето в Озерках», «Время долгих ночей», «Полюшко-поле», «Шелковица», «Братья Карандеевы» и другие вобрали эпизоды из личной биографии, связанной с детством и юностью в деревне. Красной нитью в них проходит тема любви к родному краю, к трудовой, нелёгкой, но интересной жизни селянина. Последующий сборник Василия Кравченко «Беспокойный человек» составили уже рассказы-портреты. «Думается, — пишет, анализируя эти произведения, Н. Наседкин, — именно с этой

книги и начинается Кравченко-прозаик, каким знают его сегодняшние читатели: с его вниманием к отдельному человеку, к внутреннему миру личности, к судьбе простого обыкновенного смертного с его страстями, горестями, радостями, со всеми достоинствами и недостатками).

Постепенно главной и любимой темой Кравченко становится городская жизнь («Личное дело следователя Дудникова», «Без видимых причин», «Недоразумение», «Лицедеи» и так далее). Главные герои прозаика, хотя и с деревенскими корнями, давно перебрались в город. Причём, в основном персонажи Василия Кравченко действуют в Лысогорске, в котором без труда узнаётся наш родной Тамбов. Оттого так интересны, помимо лихо закрученных интриг, философских размышлений, колоритных персонажей, и разгадки ребусов, которыми полны произведения прозаика последней поры.

«К примеру, в “Графском наследнике” (как, впрочем, и в “Саге о заблудших”, — М. М.) областной центр показан с такими подробностями, — пишет поэт и литературовед В. Дорожкина, — что не узнать его невозможно. Да автор и не пытается скрыть, что Лысогорск — это Тамбов: он хоть и “зашифровывает” имена и фамилии действующих лиц, но по тем метким характеристикам, которые он им дает, мы безошибочно узнаём руководителей города и области, местных миллионеров, которые, прикрываясь должностями и удостоверениями депутатов, преступным путем наживают себе капитал на развалинах перестройки».

Бесспорно, яркие, острые, жёсткие характеристики людей и городские зарисовки запоминаются читателю своей образностью: «Два потока вертелись вокруг рынка: одни шли по часовой стрелке, другие против неё. Приходили сюда не только купить, и даже не столько, а просто поглазеть, полюбопытствовать, что же происходит в мире, “позавидовать”. Где-то за кордоном шла иная жизнь, где всё это, привезённое новоиспечёнными дельцами, которые ещё недавно назывались спекулянтами, было вчерашним днём и ничего не стоило, а здесь ещё было в новинку, и нужно было платить бешенные деньги, которых при неостановимой инфляции, и на еду не хватало. Девчонки жадными глазами рассматривали каждую вещь и ради неё готовы были на всё. Стриженные парни, ещё не ставшие рэкетирами, катали во рту жвачку и нахально расталкивали толпу могучими плечами...».

«В. Кравченко в тамбовской нынешней литературе — писатель-проблемник, писатель-критик, писатель-публицист, — считает Н. Наседкин. — Он заостряет преднамеренно внимание на язвах нашей се-

рой обыденности. У Кравченко вообще нет (в последних произведениях) чисто положительных, идеальных героев, и это выгодно выделяет его прозу в потоке сегодняшней литературы, заикливающейся на поисках ангелоподобных персонажей... Проза В. Кравченко переполнена проблемами, недостатками, вывихами нашей шизофренической действительности... Писатель умеет создавать жёсткие, трагичные, злободневные произведения...»

* * *

Многие из тамбовских прозаиков начинали путь в литературу со стихосложения. К таковым принадлежит и писатель из Котовска **Виктор Герасин**. Но, работая над стихами, Герасин уже начал пробовать писать прозу. Поэтому, когда увидела свет книга стихов «Один денёк», в арсенале Виктора Ивановича было и несколько рассказов, два из которых опубликовал московский альманах «Истоки». «От стихов к прозе, — писал журналист И. Овсянников, — Герасин перешёл под влиянием творчества Фёдора Абрамова, Василия Шукшина, Василия Быкова. Нет, он не стал их слепым последователем, подражателем, или, как говорят критики, эпигоном. Он нашёл своё поле, которое по его признанию, расположено между Достоевским и Шукшиным. Соседство, как видим, привлекательное, но и обязывающее».

Интересен такой факт из жизни Виктора Герасина. Ещё в самом начале его творческого пути — в 1980 году — очень точную характеристику его прозы дал московский критик Александр Антонов: «Он (Герасин) пишет о людях труда, об их радостях и горестях, о многом другом, что сумел увидеть. Он одарённый литератор, и наиболее значительная сторона его одарённости показывает, что автор умеет из самого, на первый взгляд, несущественного жизненного факта сделать художественное обобщение, поднять этот факт до события. И делает это не лобово, а тонко и глубоко, каждый раз заставляя задумываться над явлениями, возвращаться к прочитанному». Удивительна прозорливость критика! А ведь тогда ещё не были написаны основные произведения Герасина, которые и составили ему впоследствии писательское имя.

«За два десятилетия творческой деятельности, — считал И. Овсянников, — Виктор Герасин обрёл свой голос, свой стиль, накопил творческий опыт, стал без всякой иронии маститым и авторитетным литератором. Но не изменилась его авторская манера повествования. Она по-прежнему мягка, доверительна, лишена претензий Автор по нату-

ре человек добрый, незлобивый, но не благостный. У него есть своя позиция, свой взгляд на действительность, и он умеет их отстаивать. Он пытается понять, что же случилось с Россией в последние годы, почему произошло “снижение человечности в человеке”. Почему страна оказалась в таком униженном состоянии? Куда подевались кумиры-бессеребренники?»

Философское осмысление нравственных сторон обыденной жизни героев присутствует во всех произведениях Виктора Герасина, начиная с его первых рассказов и повестей. Показательны в этом плане сборники герасинской прозы, которые стали выходить одни за другим в восьмидесятые годы прошлого века: «Не помни зла», «Костёр на снегу», «Час туда — час обратно», «Алёна Большая». Высокую оценку прозе Виктора Герасина дал тогда писатель Сергей Залыгин: «Книга рассказов “Час туда — час обратно” включает в себя шестнадцать рассказов, имеющих разную тематику и разных героев. И тем не менее она — весьма цельное повествование о жизни средней полосы России в наши дни. Ни один рассказ нельзя не прочесть или изъять из книги: вместе с ним исчезнет существенная примета, какая-то яркая краска на полотне художника».

Нелёгко путь героев прозы Герасина. Но персонажи многих рассказов привлекательны своей духовно целостностью, отношением к труду. Он для них, как и для прозаика, радостная необходимость, в нём они видят смысл жизни. Автор своими произведениями подвигает читателя к размышлению, к неравнодушию. Заветная мечта Виктора Герасина и цель — «помочь читателю стать хоть чуточку нравственно выше». И этому способствуют герои его прозы. Таков, к примеру, образ Алёны Большой, одноимённый рассказ о которой вошёл в двухтомник Герасина «Нравы-норовы». Женщина, потерявшая на войне и мужа и сына, воспитала чужого ребенка. Полуграмотная крестьянка показана великой матерью, которая смогла заложить духовные основы в своего приёмного сына. Будучи уже взрослым мужчиной он продолжает выстраивать свою жизнь по критериям, заложенным ею: «И теперь вот, хочешь верь, — говорит он своему собеседнику, — хочешь не верь, что мать моя Алёна может прийти ко мне и спросить с меня, если я не по совести жить стану».

В двухтомное собрание сочинений Герасина вошли его лучшие произведения: повести «Моя вина», «Мост», рассказы «Изба с краю», «Волки», «Под грозой» и многие другие. «Автору, удаётся избежать монотонности и однообразия повествования, — пишет В. Дорожки-

на. — Он с любовью рассказывает о земляках, которых хорошо знает, потому что живет с ними рядом, оценивает их поступки, болеет за них душой. Чувствуется как дорога писателю каждая история, рассказанная в книге, как нравится ему язык сельчан. Он не придумывает специально колоритные фразы, не перенасыщает речь героев неологизмами. Язык героев — это язык самого автора».

Также органично вместе с персонажами Герасина входит в его повествование и природа тамбовского края. Ненавязчиво писатель старается открыть читателю всю её прелесть, чистоту и богатство красок. «Солнышко совсем за лес свалилось, воздух отмяк, повлажнел, настоялся на травах, было по-особому тихо, мирно, легко. Будто на всем белом свете так вот ласково, парно, спокойно», — описывает состояние природы Герасин в рассказе «Волки». А вот то же место, но в другое время суток: «Лес оцепенел под прямым июльским солнцем. Молодые широколистные клёны стояли понурясь, как невольники. Обвисли и ветви берёз под тяжестью наполненных летними соками листьев. Замерли и дубы, и только природная упругость их сучьев не позволяла принимать утомлённый вид».

Давая высокую оценку двадцатилетнему труду талантливого русского писателя, продолжателя лучших традиций отечественной литературы, Е. Голошумов написал: «Литературное творчество Виктора Ивановича представляет собой художественное осмысление человечности, смысла самой жизни. Самого бытия. Оно — его творчество, возвеличивает и защищает человеческое достоинство, зовёт к добру и свету, к тому, чтобы люди, в каких бы неординарных обстоятельствах они не оказывались, как бы ни жестока была к ним жизнь, оставались людьми и поступками и делами своими совершенствовались тот мир, в котором живут. Проза Герасина привлекает именно этим, а не скандальностью, не “элитарной” заумью, не так называемой жестокостью...»

Герои Виктора Ивановича люди обычные, не элитные. Но с чётким пониманием человеческого достоинства и чести, со стремлением уйти от той бесчестной и жестокой жизни, которая их окружает».

* * *

Не умаляя достоинств художественной прозы писателя **Николая Наседкина**, всё же решусь на утверждение, что его фундаментальный литературоведческий труд «Достоевский. Энциклопедия» на сегодня в творчестве писателя-исследователя — наивысшая планка. Данная энциклопедия, бесспорно, явление в российской литературе.

Впрочем, переведённая и изданная уже и в других странах, книга, таким образом, стала достоянием мировой литературы.

Она имела немалый резонанс в литературных кругах. Автор получил достаточно много откликов на свою работу, как от критиков, так и от простых, но увлечённых творчеством гениального писателя читателей. Недаром свой труд Николай Наседкин посвятил «всем “людям Достоевского”». И он нашёл свою аудиторию. В прошлом году энциклопедия была удостоена внимания уже крупнейшего и весьма престижного московского издательства «Эксмо». Книга вышла в серии «Энциклопедии великих людей».

Взяв этот увесистый том в руки, поначалу можно подумать, что это, бесспорно, значительный, но наверняка слишком научный и «сухой» труд. Какими, кстати, нередко и бывают энциклопедии. Но работа Николая Наседкина на проверку оказывается необычайно увлекательной. Почти полторы тысячи статей энциклопедии изложены прекрасным языком, объективны и выдержанны. Автор, не полемизируя ни с какими точками зрения, больше опирается на высказывания, письма и работы самого Фёдора Михайловича и воспоминания людей, окружавших Достоевского. Всё это придает повествованию документальный, но в то же время и доверительный характер.

Энциклопедия представлена как «путеводитель по необъятному миру Достоевского». И это действительно так. Ибо книга, которую составляют три раздела, охватывает и произведения писателя, его героев и то окружение, которое сопровождало Достоевского по жизни. Краткий биографический очерк изложен Николаем Наседкиным с предельной точностью, но достаточно занимательно, так что читается на одном дыхании. Автор энциклопедии не подходит формально и не излагает только краткое содержание сочинений писателя. Он старается раскрыть замысел, описать историю возникновения и основу сюжета, предлагает читателю различные мнения современников о произведении. В этом же разделе представлены все жанры, в которых работал Фёдор Михайлович.

Крайне интересен взгляд автора и на героев Достоевского. О некоторых персонажах писателя Наседкин даёт достаточно пространственные статьи, где можно проследить не только их путь и развитие внутри произведения, но и понять сущность, уяснить истоки и предтечи возникновения того или иного образа. Самый обширный, третий раздел энциклопедии — это, естественно, те личности, которые влияли на творчество и развитие писателя, окружали его при жизни. Читая эти

статьи, зачастую являющиеся небольшими яркими рассказами-биографиями, понимаешь, какую скрупулезную и огромную предварительную работу провёл Наседкин. Весь собранный, несомненно, обширнейший материал автор «просеял» сквозь личное редакторское сито. Оттого оставшиеся и весьма важные факты столь ярко характеризуют описываемого автором человека.

Надо отдать должное, выводить ёмкие, но весьма выразительные образы на страницы своих произведений Николаю Наседкину удавалось уже с первых серьезных шагов в литературе. Его сочинения малой формы появлялись в коллективных сборниках и журналах «Наш современник», «Урал», «Подъём» и других. Первый же авторский сборник Наседкина «Осада» увидел свет в столичном издательстве «Голос» шестнадцать лет назад. Затем там же вышел сборник повестей «Криминал-шоу». Большой успех имел сборник рассказов «Наша прекрасная страшная жизнь» пятилетней давности, вышедший в Тамбове. Он выдержан в лучших традициях Эдгара По и О'Генри.

«Если попытаться определить своеобразие рассказов Николая Наседкина, то можно сказать, что он пишет в русле “жёсткой прозы” и зачастую, в “фантастическо-реалистическом” жанре, — считает прозаик Петр Алёшкин. — Все рассказы сборника, как правило, с криминальным напряжённым сюжетом, составляют как бы единый цикл, и в них действительно показаны и “прекрасные”, и “страшные” стороны нашей сегодняшней жизни. Причём, события зачастую происходят не где-нибудь в Италии или Америке, — всё это случилось и случается рядом с нами, в Москве или чернозёмном городе Баранове, так похожем на Тамбов».

Именно город Баранов (то есть Тамбов) стал в прозе Наседкина ареной действий его крупных произведений — романов «Алкаш», «Меня любит Джулия Робертс», «Люпофь». Как признают многие критики, Николай Наседкин стал даже первопроходцем, выведя на литературную арену новые жанры прозы: виртуальный роман и email-роман, а также вынеся в название слово «алкаш». Шуму все эти новшества наделали много. Но не только. И само содержание произведений вызвало полемику среди и писателей, и читателей страны, так как книги вышли в московских изданиях. Столь бурный резонанс явно говорит о большом таланте писателя, сумевшего-таки зацепить за живое читающую братию.

Сочиняют сейчас немало, но задеть могут лишь единичные произведения. В романе «Алкаш», как пишет журналист Виталий Гармаш,

«читателю, конечно, ясно, что повествование в форме исповеди Неустроева, которую он передал автору для опубликования, — лишь художественный приём, взятый в основу создания романа. И один из главных мотивов использования такого приёма — желание автора предельно откровенно и раскованно изложить свои взгляды, принципы видения жизни. Особенно убеждает в этом ещё один — прямо скажу, интересный и любопытный приём, придуманный им. Это “Послесловие и комментарий”, занимающие шестую часть книги, то есть без малого сто страниц.

Роман в определённой мере автобиографичен. Мироощущение, миропонимание Неустроева не безразличны автору. Естественно, параллели сугубо условны, чисто художественны. И тем не менее... Здесь я подхожу к самой болевой точке произведения. Хотя в ремарке “От автора” и сказано, что всё написанное — плод авторского воображения, а “любые совпадения с действительностью — событий, дат, имён, фамилий и пр. — чистая случайность”, однако же, чрезмерная прозрачность многих фамилий, должностей, профессий и так далее говорит как раз об обратном... Уже название города, с которым связала его судьба — Баранов, о чем-то говорит. И настораживает.

Описание его внешнего вида, улиц, ритма жизни, характеристики обитателей, житейско-бытовые картинки нравов не оставляют сомнения в том, как относится Неустроев к городу и горожанам, которых с наслаждением именует он барановцами или барановичами, а сам город характеризует как “странный, вздорный, дремучий, злобный, грязный”. Отношение это высокомерно-презрительное, барское этакое, покровительственно-пренебрежительное... Сразу скажу, что есть оценки и характеристики, бьющие, что называется, не в бровь, а в глаз: метко-злые, убийственные, раскрывающие сущность человека. В тонкой наблюдательности, умении одним или несколькими штрихами создать точный портрет автору не откажешь».

Если Гармаша равнодушным не оставили, а в чем-то и оттолкнули страницы связанные с легко узнаваемым тамбовским антуражем, то коловращение столичных событий, захлестнувших героя, оказались до боли знакомы московскому писателю, ныне живущему в Германии, Валерию Куклину и он пристально рассмотрел их в своём отклике на произведение. «Название романа Н. Наседкина, — пишет он, — и строй сюжета книги о таланте, отданном на откуп водке и проституткам от искусства, требует именно этого взгляда на ситуацию, которая обрисована в “Алкаше” с предельной честностью и отчётливос-

тью. Ибо талант все-таки, если подходить к нему по большому счёту, — это долг его носителя перед обществом, в котором он живёт, а не способ добычи привилегий и денег».

Тема, поднятая в романе «Алкаш», до чрезвычайности остра. Но не меньшую боль общества — гибельную зависимость сильной половины человечества от сети Интернета — рассматривает Наседкин в двух других произведениях «Меня любит Джулия Робертс» и «Люпофь». Главные герои этих романов, по мнению прозаика и журналиста Н. Веселовской: «И любовь предпочитают ирреальную, поскольку, кроме обожания и физиологических восторгов, ничего не могут дать любимой женщине. Фактически это чувство нужно им, чтобы уйти в некий иной мир. Любовь, как наркотик, любовь, как побег. Всё равно куда, хоть в виртуальное измерение». Но, «если любовь стала самоцелью, самоутешением и вектор приложения духовных сил направлен не на объект, а опять же на себя, любимого, то она обречена».

Затронутая автором проблема столь современна и животрепещуща, что даже ещё и не полностью осознаётся при первом прочтении, к примеру, романа «Люпофь». Потому что, как это ни парадоксально прозвучит, поначалу «мешает» то, что увлекаешься интригой сюжета, разворачивающимися событиями, и как-то тут не до философских осмыслений. Они приходят потом. Вдруг понимаешь: да-да, это как раз-то и не любовь, а шлепок об асфальт да со всего размаха. Недаром-то заменены буквы в этом слове и таким оно выведено в название романа. Крючок, зацепленный романом за сердце, ещё даст о себе знать.

* * *

«Валерию Аршанскому удалось в жизни многое, — считает его коллега по перу Григорий Сельцер. — И, прежде всего, он сумел “впрячь в одну телегу коня и трепетную лань”. “Конь” — это журналистика, а “трепетная лань” — писательская деятельность. Обычно, проявив себя на литературной стезе, люди из журналистики уходят. Мотивируя это тем, что она, мол, приучает к штампам, притупляет остроту восприятия жизни... Валерий Аршанский это опроверг, совместив в своём творчестве публицистику, литературную прозу и конкретную экономику».

Аршанский стал корреспондентом ещё во время армейской службы. Уже тогда он чутко умел определять важность темы и, главное, заинтересовывать ею читателя. Вот это острое чутьё на животрепещущие проблемы и образность их изложения в своих материалах при-

годились, когда Валерий Семёнович несколько лет спустя решит посвятить себя журналистике. Профессионалом высокого класса он стал быстро. Недаром корреспондент «Мичуринской правды» Валерий Аршанский весьма скоро будет назначен заведующим отделом, а затем и заместителем редактора газеты. Как собственный корреспондент он сотрудничал с «Тамбовской правдой». Добротные статьи Аршанского сразу же обратили на себя внимание читателей. Их отмечали не только глубина разработки темы, но и живой литературный язык. Тогда же, вслед за очерками, репортажами, проблемными статьями, появились рассказы и повести.

Сначала они увидели свет на страницах газет, журнала «Подъём» и в коллективных сборниках. А с середины восьмидесятых прошлого века начали выходить отдельными книгами: «Дипломная практика», «Фольклорная экспедиция», «Встреча», «Откровение», «Горькая трава Марор» и так далее. «Главный герой в произведениях Аршанского — сам автор, — пишет прозаик З. Колесникова. — Последовательность его повестей и рассказов такова, что по мере их прочтения, одного за другим, все более понятным, — как человек — писатель — личность — становится автор. Его экзистенциальность органично-трагична, обособленно индивидуальна, в своем роде единственна... Я бы выделила для себя два направления: исповедальное («Дудочка», «Встреча», «Игра по переписке»), иронично-лиричное («Страшный лейтенант», «Белые крылья»).

Автор работает над рассказом или повестью, а получается лирическая поэма в прозе... Поэтичность этого («Дудочка») произведения в ненавязчиво грустной ноте, которой пронизан весь рассказ, в исповедальности героя, как бы со стороны себя видящего и с самим собой говорящего. Отсюда — усиливающаяся убедительность образа...

Повесть «Страшный лейтенант» по мере прочтения моего, в меня проникла, да там и осталась живостью языка, остроумием и остро-словием самого рассказчика и его героев. Здесь удачно наблюдается при всём при этом чувство меры. Юмор и шутки избежали банальности, тривиальных поворотов...

В рассказе «Игра по переписке» вроде бы ничего и не происходит. Так нет же! Динамичность сюжета во внутренней жизни героев, где каждый из них одинок и беззащитен перед бедой, предательством. Что объединяет автора и его героев в данном случае? Сострадательная, сопереживательная любовь, которой жива душа русского человека... Знанием: ты, и только ты — та самая душа, которая нужна, необ-

ходима другой душе... А без этого нет жизни!»

Произведения Валерия Аршанского порой настолько разнотемны, что озадачивают критиков: а один ли человек их писал? «Положительный ответ, — убеждена В. Дорожкина, — дают многие особенности: язык автора и его героев, публицистичность произведений, нисколько не снижающая их художественный уровень, а наоборот, подчёркивающая его высоту и высвечивающая гражданскую позицию писателя». Особенно сильна и выпукла она в романе “Живые помнят”, повести “Встреча” и других, посвященных Великой Отечественной войне и освещению действий прислужников фашистов — украинских националистов. Автор, анализируя события, происходившие в Германии и Украине, даёт точные оценки событиям и поступкам, рисует яркие характеры персонажей.»

«И там, где местные жители не шли под ружье добровольно — загоняли силой, угрозами, нередко приводимыми в исполнение, пишет в повести “Встреча” Валерий Аршанский. — Одураченные, околпаченные, запуганные, неграмотные сельские мужики и парни, спеленутые вязкой паутиной униатской церкви, знать не знали и знать не могли, что к середине войны верхушка западноукраинских националистов уже во всю была тесно связана с гиммлеровским абвером. А “справедливые” лозунги, которые, не жалея легких, выкрикивали перед ними, наймитами-боеварями, главари банд, — лишь пустопорожняя болтовня, только для вида прикрывающая чёрные, постыдные дела негодяев. Да и откуда было взяться светлым святым идеям, когда вся идеология была густо замешана кровью и насилием?»

Читая подобные страницы произведений Аршанского, в свете современных украинских событий, с прискорбием понимаешь, как они вновь актуальны, неся чёткое понимание истоков и осуждение зверств, творимых националистами. Но как по-настоящему талантливый автор Валерий Аршанский в своих сочинениях умеет быть не только жёстким, но и печальным, добрым и весёлым, оптимистичным и жизнеутверждающим. Это доказал и обширный сборник архивов, дневников, рассказов, очерков, эпизодов «Мозаика лет», выпущенный к 60-летию писателя.

«Каждая новая книга автора встречается читателями и критикой не просто доброжелательно. Она вызывает желание откликнуться на прочитанное, — убеждена В. Дорожкина, — потому что в произведениях Аршанского много такого, что близко и дорого человеку неравнодушному, каким является сам автор. Кажется, он ничего не выду-

мывает, а рассказывает о том, что пережил сам, его друзья, родные и близкие. Многим знакомо выражение: “Каждый автор имеет право на вымысел”. Есть он и в повестях и рассказах Аршанского, и, тем не менее, читая их, веришь всему, что написано. Наверное, потому, что все события прошли через сердце писателя, а значит, и читателя они не могут не “зацепить”, не взволновать».

* * *

Михаил Гришин — прозаик довольно успешный. Тамбовский читатель знает его и как интересного автора «малой прозы», и оригинального мастера детективного жанра. В его творческом багаже уже немало публикаций в печатных средствах массовой информации и несколько книг: сборник рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет», повесть «Вкус мести» и роман «Паутина». Захватывающие фабулы произведений автор черпает из своей богатой на впечатления жизни, которая и сама сродни авантюрному остросюжетному роману. Михаил объездил почти всю Россию, бывал в исламских странах, жил в буддийском монастыре. Судьба его забрасывала даже на далекие сказочные острова Мальдивы, Цейлон. Будучи сам человеком неординарным, Михаил Гришин и своих героев наделяет непредсказуемостью. Оттого зачастую и истории, которые с ними приключаются, кажутся невероятными и захватывают читателя.

Правда, прежде, чем перейти к остросюжетной прозе, Михаил Гришин написал ряд рассказов, содержание которых представляют как бы выхваченный кусок нашего бытия со всеми плюсами и минусами русского менталитета к нему в придачу. «Оказывается, есть авторы, творящие не на потребу дня, а по велению сердца, — написал после выхода в свет сборника рассказов Михаила Гришина “Дождь, самогон и коробка конфет” журналист М. Жуков. — Центр внимания автора — маленький человек, с его такими же маленькими, но кажущимися для него гигантскими проблемами. А, в общем-то, это рядовая жизнь в её обыденном проявлении. Такая знакомая каждому из нас. Гришин не судит своих героев.

Как тут не вспомнить Чехова или, скажем, того же Довлатова, которые никогда не навешивали ярлыки на своих персонажей. Автор, как бы со стороны, наблюдает за жизнью героев. Да, он, возможно, их осуждает, но не более того. Мы этого не замечаем. Персонажи рассказов Гришина как будто предоставлены сами себе. Они плывут по волнам житейских обстоятельств, автор не протягивает им своей руки

равно, как и не топит их. Читатель сам всё додумывает. Без Гришина... А рассказы читаются легко, без напряжения. Диалоги выстроены грамотно. По-шукшински скупое и жесткое. Ситуации в общем-то банальны. Это, на мой взгляд, и позволяет читателю видеть себя в зеркале гришинской прозы».

Одно из последних изданий Михаила — роман «Паутина». Название книги вкупе с картинкой на обложке, где злое паук в ожидании жертвы застыл на паутине, сквозь которую проглядываются очертания современного города, немедленно намекают на полный набор детективной экзотики. Скажу сразу — и интриг, и экзотики как московской, так и жарких стран в романе предостаточно.

Более того, фраза на обложке о том, что по книге готовится экранизация, намекает на тот язык, к которому прибегает автор, излагающие происходящие в книге события. Текст весьма «кинематографичен». В меру лаконичный и образный, сочный, но без обширных описательных красот, стремительный, но постоянно подкидывающий читателю очередную загадку, поддерживая в нём, таким образом, жажду скорейшего прочтения, чтобы узнать тайну.

Как и положено хорошему детективу, разгадка будет самой неожиданной, довольно шокирующей, что примиряет с наличием в романе несколько чрезмерного количества экстравертных героев. Будто их и не волнует вовсе свой собственный внутренний мир. Все устремления персонажей выплескиваются только в действия, только во внешний мир. Впрочем, и в этом есть своё преимущество, ибо так ту же закручивается пружина интриги. Роман «Паутина» — действительно захватывающее произведение, местами беспощадное, откровенное, язвительное до шаржированности. Этот детектив обязательно хочется дочитать до конца, а не бросить на середине, разгадав все подводные течения, как это часто бывает со многими современными образцами криминального чтения.

Итак, что же являет собой этот загадочный роман? События начинают лихо закручиваться с первых же страниц, где описывается всем известная трагедия, случившаяся в День Победы в Каспийске. Именно в её эпицентре и оказался один из главных героев книги. Эхо взрыва во время теракта на военном параде пронесётся через весь роман и совершенно неожиданно столкнёт «под занавес» две центральные фигуры повествования. Описание каспийской трагедии весьма натуралистично, но и являет нам автора как сильного прозаика: «Взволнованный до предела, бессмысленно метался по улице, разбрызгивая

лужи крови, когда унесли последнего пострадавшего. Слегка успокоился, поравнявшись с женщиной во всём чёрном. Она стояла посреди площади. Раздувая побелевшие ноздри, Лёха остановился, словно перед неожиданным препятствием. Как сквозь сон, он видел: набежавший с моря ветер косматил её побелевшие в одно мгновение волосы. Она протягивала к небу руки, грозила ссохшимися кулачками, с её губ срывались чудовищно страшные в своей правоте слова: “Господи! Где ты был в тот момент?”»

В паутине интриг романа, по мере стремительно разворачивающихся на фоне современных столичных и провинциальных реалий событий, запутаются и главный герой, и персонажи, представляющие полный гламурный набор современности. Здесь М. Гришин довольно традиционен. Весь выведенный букет и без того «гнилых» субъектов приправлен описаниями ещё и жестко-реалистичной криминальной обстановки, как в модельном, так и в шоу-бизнесе. Автор порой довольно беспощаден в показе неблагоприятных поступков персонажей, что, впрочем, как раз и способствует тому, что читатель чуть ли не физиологически ощущает обволакивающую липкость паутины.

Водоворот событий, разворачивающихся в столице и на Мальдивских островах, всасывает в свою пучину не только персонажей книги, но и читателей. Увлекательный сюжет заставляет их поглощать страницу за страницей. Роман «Паутина», несмотря на некоторые излишества, все-таки достаточно добротнo скроен. Можно предположить, что взявший его в руки читатель не без удовольствия доберётся до последних страниц и будет ошеломлён неожиданным финалом. Всё это закономерно породит интерес со стороны читающей публики к дальнейшему творчеству Михаила Гришина.

* * *

По сравнению с предыдущим автором, который только начал интенсивно осваивать жанр, **Анатолий Косневич** трудится на поприще детектива не одно десятилетие. Из-под его пера вышло немало остро сюжетных рассказов. Впрочем, в творческом багаже писателя есть сборники «малой» прозы и иных жанров. Начиная путь в литературе Косневич с рассказов и повестей для детей. Первый сборник, увидевший свет, «У весны голубые крылья», как раз и посвящался теме становления характеров подростков. Но уже вторая книга «Портрет неизвестного со шпагой» был сборником детективов.

«В безбрежном мире детективной прозы книжка Косневича для

нас — островок примечательный хотя бы уж тем, что на Тамбовщине этот автор как бы родоначальник жанра, — пишет журналист Н. Кулин. — Все четыре повести выдержанны именно в рамках канонического детектива: есть преступление, есть розыск, наконец — обнаружение преступника. Одним словом как в старой детской игре говорить «Сыщик, ищи вора!». И в эту игру А. Косневич играет увлечённо, пытаясь и читателя заинтриговать.

Автора, по прочтении всей книжки, интересуют, главным образом не герои, а процесс поиска преступника — так называемая «погоня», разгадка преступления и его обстоятельств. Детективу присущ счастливый конец. И в этом Косневич своих читателей не обманул. Не обманули в другом: напряжение повести постоянно, вплоть до развязки, возрастает, читается она с интересом.

У повестей Косневича не отнять внутреннего динамизма. Искусством сжимать до предела фабульную пружину он владеет неплохо. Кроме того, у этих повестей своя стилистика: в меру лирики, в меру лёгкой иронии. Серьёзный элемент стилистики — некий романтический настрой положительных героев, о чём свидетельствует их настроение в краткие минуты досуга — тоже, кстати сказать, классическая традиция. Мне симпатична тяга автора к каноническому игровому детективу, нарочитый традиционализм, превращающий повести Косневича в некий сознательный экзерсис, игру в детектив».

Впоследствии Анатолий Косневич продолжил работу в жанре детектива. Им написано более сотни рассказов, которые распределились по циклам: «Расследует Скребнев», «Расследует Буров» и «Расследует Мячов». Все три героя прозаика занимаются одним делом — расследуют преступления. Но уж очень отличаются их методы ведения дел. Да и характеры персонажей весьма непохожи друг на друга. В это бесспорно заслуга автора, который стремится в своих циклах отразить всю палитру деятельности различных детективов. Зачастую Косневич преподносит похождения своих героев с долей иронии. Но даже выводя их неблагоприятные поступки, старается уж совсем не очернять их образы. Ведь все равно они способны и на сочувствие и благородство.

Да и вообще, как считает журналист Виталий Гармаш: «Косневич умеет дать персонажу, а таковых в его рассказах не один десяток, краткую, запоминающуюся характеристику-портрет — почти фотографический. Ещё привлекают внимание, а главное играют на действие, создают нужное настроение, ауру, фон удачные авторские описания,

сравнения, метафоры. Детективные истории писателя практически всегда, за редким исключением, круто закручены, сюжетно увлекательны, интригующи». За почти тридцать лет работы в это жанре у Косневича вышли книги: «Как искали Шерлока Холмса», «Похищенная корона», «Смерть столичного человека», «Женщина в красном», «Тайна голландского натюрморта», «Билет до Парижа», «Расстрел Мата Хари» и другие.

Бесспорно, интересны и автобиографические рассказы Анатолия Косневича в сборнике «Опасное сходство». Прозаик описывает события своего военного детства и юношеского периода жизни, пришедшегося на нелегкие послевоенные годы. Не впадая в крайности, автор простым и ясным языком излагает детские переживания. Причём без всякой пафосности и назидания рассказывает о нравственном становлении личности на примере порой бытовых неприятных ситуаций, в которые попадает большинство мальчишек.

Нередко писатель выступает и с рассказами житейскими (сборники «Сиреневый туман», «Пик Льва», «Вальс при свечах» и так далее). Называя такие рассказы «простыми», журналист В. Гармаш, например, имел ввиду не простоту сюжетов, хотя и это присутствует, а обычность, повседневность историй, из которых складывается человеческая жизнь. «Но увидеть за обыденностью судьбу, душу человека, нюансы и переливы душевных его переживаний, терзаний или же простоту, гармоничность бытия и раздумий, рассуждений — это дано не каждому. Во многих же рассказах Косневича за внешней простотой ситуаций и характеров скрываются совсем не простые судьбы людей, их неоднозначный внутренний мир. Ключевым с этой точки зрения видится рассказ “Прикосновение к земле”. Его лейтмотив — человек должен всегда оставаться человеком — во все времена был актуальным, а в наше жёсткое, слишком прагматичное время звучит особенно злободневно».

* * *

В литературу **Владимир Селивёрстов** вошёл тоже как «детективщик». Причём самые первые исследования автор посвятил специфике некоторых аспектов своей прямой профессиональной деятельности. Следовательно, затем руководитель отделов внутренних дел, а ныне адвокат Селивёрстов изложил их в двух изданиях, опубликованных под занавес прошлого века — «Защита по дорожно-транспортным преступлениям» и «Взятка: Коммерческий подкуп». Затем был ры-

вок-интерес в сторону Владимира Высоцкого. Обратиться к творчеству и личности поэта и актёра сподвигло восхищение Селивёрстова гением Высоцкого: «Творчество его — психологическое лекарство. Наркотик, вызывающий только положительные воздействия и последствия. Транквилизатор, снимающий боль с души, придающий силы телу и воле».

Правда, небольшая книжка «Многоликий Высоцкий» ещё не была по сути литературой, а скорее, вхождением в неё. Недаром и сам автор назвал свой труд «размышлениями современника». А вот за ними последовали три десятка рассказов и две повести, написанные в детективном жанре. Они были опубликованы в двух выпусках Селивёрстова «Тамбовский детектив». Уже на заре третьего тысячелетия поэт Игорь Лавленцев в отклике на эти книги назовёт Владимира Селивёрстова «одним из самых заметных на сегодня тамбовских литераторов. Селивёрстов, как автор, безусловно, ангажирован, но ангажированность эта отнюдь не политическая. Достаётся в рыло и большевикам, и демократам, коих, впрочем, по незыблемому закону о единстве противоположностей следует считать и мужем и женой, и одной сатаной.

Ангажированность Селивёрстова именно нравственная. Этические, моральные позиции, приписываемые герою повестей “Смерть по-тамбовски” и “Ополчённая ревность” Алексею Ивановичу Селиванову, небесспорны, уязвимы во многих аспектах и даже рискованны. Но они же бескомпромиссно и полностью оправданы антиэтическим и супераморальным жизнеустройством сегодняшней России, они ожидаемы, желанны теми, кого принято называть простым народом... Созвучие фамилий автора и героя явно не случайно. Автор книги Владимир Селивёрстов — бывший полковник МВД... И смена погон на перо дало насытившую книгу “гремучую смесь” опыта “ментовского” зубра и некоторой неискущённости “начинающего писателя”. Эта смесь способна преподнести читателю любого рода сюрпризы.

Удивительно грамотно выстроен ритм повествования. Кульминационная вспышка определённого этапа сменяется несколько монотонным философствованием “за жизнь нашу скорбную”. Уж глаз, нет да нет, путает строку, ах уж этот “рашен стайл”! Ан нет — новая интрига, словно хлыстом, подстёгивает сюжет, меняя ход событий, как полёт рикошетной пули под острым углом. Да и язык автора в большей своей части — живой, умный, не замызганный в литературной криминалистике... Селивёрстов неординарен. Селивёрстов азартен. Селивёрстов интересен».

Нельзя не согласиться с точными характеристиками Игоря Лавленцева, тем более, что жизнь подтвердила вынесенную им оценку литературного дара Селивёрстова. Очень скоро он вырос в сильного прозаика. Но произошло это уже на почве исторических исследований. Владимир Селивёрстов увлёкся краеведческими изысканиями. И первым на этом пути стал роман «Гибель триумvirата» о судьбе и делах Владимира Лауница в период его губернаторства на Тамбовщине, опубликованный в журнале «Подъём». «Я рад, что в своё время порекомендовал Владимира Ивановича, — напишет тогда А. Акулинин. — Попасть литератору на страницы этого журнала не просто. Селивёрстов сразу же ярко заявил о себе. Его можно принимать и не принимать. Но это личность, которая занимает своё место в литературе. Селивёрстов застолбил за собой интересную тему».

Действительно застолбил. Далее последовали исторические исследования Селивёрстова «Державин — правитель тамбовский», «Губернатор Миронов», «Тамбовский губернатор Безобразов». Автор намерен и далее продолжить эту серию художественно-документальных портретов тамбовских властителей. «Его Державин, — пишет В. Дорожкина, — несмотря на не чуждые ему человеческие слабости, представлен фигурой огромного масштаба — в литературной, в государственной деятельности и в личной жизни. Несколькими фразами — то авторскими, то размышлениями самого наместника, то отзывами о нём тех, кто его окружал, Владимир Селивёрстов на протяжении всего повествования словно укрупняет образ Державина, добавляя к общеизвестным характеристикам новые».

Действительно, о Державине написано немало, но Владимиру Селивёрстову удалось внести и свою ноту в образ и жизнеописание великого поэта и государственного деятеля. А вот о героях других произведений писателя Безобразове, Миронове и Лаунце мало известно даже на Тамбовщине. Селивёрстов очень скрупулезно и много работает над архивными документами, поэтому-то его исторические исследования (так автор определяет свои произведения) — являются весомым вкладом в художественно-краеведческую литературу. Тем более, что проза Селивёрстова отличается весьма оригинальным языком. Как отмечают и литературоведы, и рядовые читатели, в сочинениях Владимира Селивёрстова есть нерв. Есть напряжение. Образы выписаны крупными мазками и не забываются. Автор пишет с азартом. И с азартом хочется читать его произведения.

* * *

Рассказы **Валерия Кудрина** воспринимаешь как нечто удивительно тонкое и трогательное. А ведь их сюжеты и герои вполне обыденны. Они из нашей окружающей действительности, без каких-либо изысков и крутых поворотов. Что любопытно, небольшие по объёму рассказы хотя и читаются легко, тем не менее, не «проглатываются». Их стараешься вдумчиво осмысливать, ощущая каждое слово, каждую фразу. И вовсе не торопишься к финалу. Потому что помимо правды, есть в прозе Кудрина какая-то завораживающая чистота. Да и в большинстве своём образы его героев как-то по-особому притягательны. Встречаясь на страницах рассказов писателя с его персонажами, невольно радуешься: есть же, есть среди нас вот такие стоящие люди.

Вот приехал неожиданно с визитом к сыну отец («Мосток»). Сели за стол. И потянулся было сын за баяном, как отец, подняв голову от тарелки, спросил: «Коль, а у тебя молоток-гвозди есть?». И пояснил недоумённо взглянувшему сыну: «Шёл я сейчас к вам с автобуса низом, через речку, по мостку, а он расхлябанный вконец, неустойчивый, доски ходуном ходят, а тут скользко ещё, зима вон какая растепельная выдалась, того и гляди в воду ухнешь, и зацепиться не за что — перила в двух местах выломаны, прожилыны болтаются. Закрепить бы их». От настырности отца сын взрывается: «А почему мы? Там вся деревня ходит, и что-то никто ещё с молотком не суетился...» Но отец, не обращая внимания на раздражение сына, взял инструмент и ушёл ремонтировать мосток.

Валерию Кудрину не надо выдумывать своих героев, он находит их в реальной жизни. Ведь писатель основную часть жизни проработал учителем и журналистом в глубинке, в Знаменском районе. Именно встречи с его жителями, их судьбы, характеры, взаимоотношения и обогатили жизненный опыт журналиста и прозаика. Примечательно, к примеру, образы женщин в рассказах «Дорогому сыночку» и «Нянька». Безусловно, это маленькие шедевры прозаика. На первый взгляд, Кудриним взяты довольно банальные жизненные эпизоды. Но писатель смог философский подтекст сюжета, без какого-то реально-го текстового моралитэ, поднять на такую высоту, что рассказы буквально сжимают сердце от волнения.

Весьма образны и картины природы Черноземья в кудринской прозе. Немало их в рассказе «Уроки преддипломной практики»: «А места были поистине изумительные. Сама деревня, с трех сторон охвачен-

ная подковой векового леса, стояла на высоком холме, словно стекающем в широкую луговину, замыкавшуюся вдали стеной хвойного бора. И всё это — и луговина, и холм, и селение — было покрыто пушистым, девственно белым снегом, который рассекала одна-единственная наезженная дорога к дальнему бору».

Или же в рассказе «Кому нужны хорошие котятка?»: «Солнце ещё не показалось, оно горело пока за домами и садами поселка, розово высвечивая снизу застывшую на горизонте вытянутую продольно кисею облаков. А выше над головой простиралось чистое, наполненное мягкой голубизной небо. Тихо и безветренно было вокруг, только редкие звуки различались в этой тишине, и раздавались они отдельно и отчётливо, возникая будто поочерёдно. Вот в соседнем дворе хрипло прогорланил петух, где-то вдалеке взлаяла собака, простучал деловитый молоток...»

В общей сложности Валерием Кудриным написано не так уж много. Он долго и мучительно, по его словам, работает над текстами своих произведений. За три десятилетия в литературе увидели свет только три книги прозаика: «Отпуск в октябре», «Перед свиданием», «Крутой вариант». Некоторые рассказы и повесть «Проверка» были опубликованы в коллективных сборниках и газетах. И всё. Но мал золотник, да дорог. «Кто-нибудь может удивиться: что же, В. Кудрин пишет идеально, у него нет недостатков в прозе, орехов? — задается вопросом в очерке-портрете о писателе Н. Наседкин. — Да есть, конечно, есть к чему придраться... Только у меня не было не малейшего желания этого делать. Все его орехи и просчёты — мелочь по сравнению с главным: он пишет настоящую, отличную прозу, и опубликовано ещё так мало, что рано пока судить об общем и целом».

* * *

Первая книга **Юрия Расстегаева** «Большая прогулка» увидела свет, когда читающая публика уже знала его как прозаика, интересно работающего с «малой формой». Публиковаться Расстегаев стал ещё будучи студеном энергетического института в Смоленске. Сотрудничал с областной газетой, а вернувшись на Тамбовщину, привёз с собой сборник стихов. Работая в Тамбове заводским инженером, Юрий, тем не менее, о литературе не забывал. Его материалы публиковали местные газеты, а потом в «Рассказ-газете» появилась маленькая книжечка.

Судьба Юрия Расстегаева оказалась неординарной. Из инженеров, перейдя на службу в милицию, он трудился и в районном отделе и в аппарате УВД, затем редактировал милицейскую газету. А потом под-

полковник Юрий Расстегаев был даже назначен командиром первого сводного отряда, отправившегося в Северную Осетию и Ингушетию. Этот боевой опыт впоследствии лёг в основу ряда рассказов и романа «Зона “ЧП”».

Выход книги «Большая прогулка» весьма тепло приветствовал Александр Акулинин: «На первый взгляд, она незамысловата по содержанию: ну, что тут такого — отобрал автор какие-то случаи из собственной жизни, да и изложил на бумаге... Вот в изложении и есть достоинство Расстегаева. Он не просто излагает, но сопереживает, ненавидит, клеймит зло. Он не равнодушен! Юрий находит свои тропки к душам людским — если эти люди близки ему по духу — и наказует достойно существа противные. Прочитав произведения Расстегаева, вдруг ловишь себя на желании: “Ещё почитать бы”».

Рассказы прозаика, в которых он опирался на собственный опыт, оказались действительно не просто литературными произведениями малого формата. Их отличало то, как верно подметил журналист Евгений Голошумов, «что написаны они были со знанием беспокойных милицейских будней, истоков тех кривых и корыстных путей-дорожек, которые избрали некоторые персонажи книги».

Рассказы, вошедшие в первый сборник Расстегаева весьма разнообразны. Да и стиль изложения порой полярно противоположный. От вещей явно ироничных, автор переходит к необычным, но реальным событиям. А завершается «Большая прогулка» по «малой» прозе Расстегаева и вовсе жёстким «Осетинским дневником». Здесь-то мы и ощущаем пульсацию настоящего крепкого повествования: «Вереница машин с приближением комендантского часа редеет, а к 22 часам магистраль пустеет, шум движения затихает. Но тишина здесь обманчива. Непривычно режут ухо бессистемная пальба, взрывы гранат, трескотня автоматных очередей. В наиболее опасных районах, прилегающих к горным ущельям, ведут прицельный огонь снайперы. От такого выстрела спастись шансов мало — пуля, выпущенная из снайперской винтовки, редко проходит мимо цели, и на расстоянии полкилометра пробивает каску или бронезилет, как скорлупу грецкого ореха».

«Вспомнить поименно» — вторая книга Юрия Расстегаева, в которую вошло одиннадцать очерков о работниках милиции. Она раскрыла читателям его умение в небольшом материале дать весьма ёмкий портрет героя повествования.

Достоинством следующего сборника — «Во фронтовых делах не участвовал» — является лаконичность. «Она свидетельствует, — счи-

тает журналист Е. Голошумов, — о знании той “милицейской доли”, о которой рассказывает автор. Отсутствие длиннот, литературных красотей, сдержанность и, я бы сказал, скупость стиля, не помешали а, напротив, помогли воссоздать точные приметы тех времён и тех обстоятельств, в которых действуют и живут герои и персонажи книги.

Несколькими абзацами, а то и фразами автору удалось вылепить их словесные портреты, показать характеры. При всём этом книга увлекает, читается с неослабевающим интересом. В книге нет сюжетов, “закрученных”, как штопор. Напротив, все они документальны (подлинные события, подлинные имена и фамилии действующих лиц, названия городов и районов). Но это не влияет на увлекательность чтения, не снижает интереса к нему».

Увидев среди привычного малого формата в сборнике «Террористы» одноимённую повесть-быль, поклонники прозы Расстегаева, были явно приятно удивлены. Правда, обманку под названием «повесть-быль» прозаик тут же сам и раскрыл в утверждении, что «во многом в повести представлена фантазия и вымысел автора». Кураж, с которым Расстегаев повествует о духовном терроризме, встречающемся и на работе, и дома, юмор, переходящий в сарказм, — всё говорит о большом потенциале автора, как сатирика. Так время показало, что амплитуда чувств в произведениях Юрия Расстегаева велика, и в дальнейшем от прозаика можно ждать немало интересных и неожиданных вещей. Выход книжки «Пасечные истории» в прошлом году лишь подтвердил эту мысль.

* * *

Сибирский характер писательницы **Любови Асеевой** сказался и на характере её прозы, необычной, упругой, с удивительным тамошним языком. Впрочем, чувства, к примеру, сибирячки Настасьи («Настасьино счастье»), пожалуй, будут близки и жителю Черноземья, где волею судьбы в семидесятых годах оказалась сама Л. Асеева: «Ей (Настасье) нравится идти одной посреди жаркой степи. Идти и думать... Небо над ней, широкая степь впереди, а в дали синий Салаир. Что захочет, то и делать будет, куда хочет — пойдёт. Свободная. И показалось вдруг ей, что эти заливающиеся в кустах и травах птахи, и воздух, и небо — всё будто бы для неё создано, но и не для неё одной. И для хакасов-степняков, наверно, в толстых халатах, подпоясанных платками, которых она видела в Кряжине, и для цыган, что увели Бусую, и для бойцов в защитной форме, которых

она провожала, — где они теперь?»

На страницах своих произведений «Настасьино счастье», «Под соснами вековыми», «Обь — река глубокая», «Глафира» и других Асеева открывает для нас, читателей, необъятный мир несравненной природы, своеобразных людей. «Любовь Асеева, — считает Н. Наседкин, — принадлежит к числу писателей, стремящихся создать и воссоздать в произведениях жизнь, в первую очередь, не через собственное “я”, а через анализ характеров и судеб окружающих людей».

За внешней простотой образов асеевских персонажей, ой какой непростой внутренний мир. Каждое произведение писательницы — это психологическое исследование души человека. Тут, похоже, сказывается и философский склад ума, и философское образование Любови Асеевой. Она скрупулёзно прорабатывает и характеры героев и события, в которые они втянуты. Оттого писательница может возвращаться к своим сочинениям и, спустя время, дорабатывать их.

«Эта требовательность к собственному творчеству, — пишет Н. Наседкин, — присуща Асеевой с первых шагов на литературном поприще. В своё время ей довелось быть участницей V Всесоюзного совещания молодых писателей. Участники его обсудили повесть Л. Асеевой «Урман» и высказали немало замечаний. И что же? О том, что разговор оказался поучительным для прозаика, говорит такой факт — уже следующая повесть — “Настасьино счастье” была, можно сказать, безоговорочно воспринята и читателями, и критиками, как явная удача автора. И недаром потом в выступлении на одном из пленумов Союза писателей РСФСР лауреат Государственной премии Г. Коновалов сказал о Л. Асеевой: “Талант — чуткий на правду”».

* * *

За неполные десять лет творческий багаж **Зинаиды Королёвой** пополнился пятнадцатью книгами. А началось всё с хорошей приметы. Первую книгу Королёва назвала «Пожелайте мне удачи». Это был сборник стихов, который получил положительные отзывы коллег по литературному объединению «Радуга», близких друзей и рядовых читателей. Вот их-то пожелания удачи автору, наверное, и помогли обрести литературные крылья Зинаиде Королёвой. Да плюс талант и трудолюбие самой писательницы, которой судьба вовсе не готовила во всём только одни розы. Ох, сколько шипов припасли на её нелегком пути проблемы со здоровьем. Но читатель никогда не догадается об этом, потому что главными героинями произведений Королёвой

являются доброта и участие.

«Литература, — писал Н. Некрасов, — не должна наклоняться в уровень с обществом в его тёмных или сомнительных явлениях. Во что бы то не стало, при каких бы обстоятельствах ни было, она не должна ни на шаг отступать от своей цели — возвысить общество до своего идеала — идеала добра, света, и истины». Зинаида Королёва следует именно такому завету. Об этом можно судить и по многочисленным отзывам благодарных читателей.

К примеру, пропагандист творчества Королёвой заведующая музеем в селе Рудовка Пичаевского района Н. Шевцова собирает всё — печатные и письменные — отзывы о любимом прозаике.

Есть среди них и мнение корифея тамбовской литературы В. Герасина: «У Королёвой, можно сказать, не было ученической поры, она уже в первых публикациях заявила о себе как о состоявшемся литераторе, имеющем свой пристальный взгляд на окружающую реальность, свои стилевые особенности и образную структуру... Её персонажи, события, явления просты и естественны. Как сама жизнь. И в то же время они притягательны своей правдивостью».

Надо отметить, что от стихов Зинаида Королёва довольно быстро перешла к «малой» прозе. И, начиная со второй книги, она с завидным постоянством выпускает один за другим сборники повестей и рассказов. Выразительны их названия: «Всё будет хорошо», «Возрождение души», «Не очернить святое», «Своё солнышко найти» и другие. Именно они принесли Королёвой литературное признание широкой аудитории. Например, учитель русского языка и литературы В. Таскина оставила такой отзыв в музейном журнале: «Давно не читала таких чистых, душевных книг. Кажется, сюжеты их просты, но как много в них вложено. Да, это вечное в жизни людей: доброта, надежда, верность, милосердие, внимание друг к другу. И всё это в книге связано с именем Бога. Читаешь, и очищаешься душой от всего плохого, что есть в нашей жизни. Эти произведения заставляют нас задуматься: “А так ли ты живешь? Как ты относишься к людям, помог ли кому?”»

Помимо художественной прозы Зинаида Королёва выпустила в свет и краеведческий сборник «Рядовые войны великой», в котором рассказала о земляках, жителях села Дмитриевка Гавриловского района, прошедших через горнило страшной войны, добрым словом вспомнила солдатских вдов. Рассказы писательницы полны интересных и трогательных деталей, позволяющих сделать образы её героев живыми и близкими.

Произведения Зинаиды Королевой увлекают сюжетом, который

пересказывать, дело неблагодарное. Теряется главная интрига, итог которой часто непредсказуем читателем, но так желанен его сердцу. Да, да, для Королёвой очень важен душевный комфорт, что обретают её герои, пошедшие через страдания, сомнения, невзгоды, а вместе с ними и те, кто сопереживает происходящему в рассказах и повестях. И, может быть, разворачивающиеся захватывающие события порой и кажутся чуть сказочными, но именно такими их и желал бы видеть читатель, а писательница лишь их предугадала.

* * *

Свою судьбу **Александр Зотов** связал с армией, но и его позвала за собой литературная деятельность. Хотя писать он начал довольно поздно. Сегодня в арсенале прозаика публикация таких книг, как сборники рассказов «Белое танго», «Просто о жизни», «Роскошь», «О людях в погонах», и отдельным изданием вышла повесть «Батальон-2. Офицеры». Первые рассказы Зотова «Страсть», «Батальон», «Крапива», «Выстрел», «Санька» в девяностых годах увидели свет на страницах «Молодёжной газеты», в изданиях «Литературный премьер-клуб» и «Наедине». Путь прозе к читателю проторила и библиотечка «Рассказ-газеты».

Хорошо зная жизнь военнослужащих, Александр Зотов и основную часть своих произведений посвящает судьбам коллег. Хотя немало внимания уделяет прозаик и взаимоотношениям мужчины и женщины. К примеру, они легли в основу повести «Белое танго». Описывая разворачивающиеся события, Зотов старался добиться эффекта художественности, чтобы читатель видел живых героев, сопереживал им. Ведь читателю не надо знать, сам ли автор испытывал подобные чувства, или пересказал историю знакомых, или художественно изложил, услышанный от друзей рассказ. Главное, чтобы, перелистывая страницу за страницей, он воспринимал героев произведения персонажами реального мира.

Для Александра Зотова характерно, чтобы очерки, рассказы, постепенно складывающиеся в книгу, первоначально возникали как фрагменты встреч, впечатлений, мемуаров. Рассказ «Мы увидим расцвет», который вошёл в одноимённую книжку появился после встречи писателя с ветераном Великой Отечественной войны. Один из эпизодов фронтовой жизни нашего земляка и описал прозаик в своём произведении. Так рождались и многие рассказы из сборника «О людях в погонах». Герои Зотова — настоящие мужики, военнослужащие, про-

шедшие Афганистан, Чечню, добросовестно служившие во внутренних войсках офицеры.

Александр Зотов любит возвращаться к своим произведениям. Иногда в процессе совершенствования даже получают новые произведения. Например, ранее написанный рассказ «Батальон», по желанию читателей, прозаик продолжил и доработал, в результате появилась небольшая повесть, которую автор назвал «Батальон-2. Офицеры». Она повествует о мужестве наших воинов. У Зотова вообще в произведениях очень сильна именно патриотическая нота. В этом плане хорош рассказ «Санька», в котором автор доходчиво и очень тепло показывает преемственность поколений: от деда к внуку перешло восхищение военной профессией и желание посвятить ей жизнь. И сегодня Александр Зотов продолжает в своём творчестве любимую тему, трудясь над повестью о судьбе военнослужащего.

* * *

Современная практика отнюдь не бедна доказательствами широты художественных и духовных возможностей тамбовской прозы, о которой шла речь в этой статье. Жизнь, как говорят литературоведы, на месте не стоит и предъявляет к ней новые требования, в чём-то порой её опережая. Но это процесс неизбежный и неотвратимый. И в этом заключены внутренние импульсы к дальнейшему движению.

Приятно, что в основной массе наши прозаики соответствуют критерию предназначения писателя, выведенному И. Тургеневым: «Точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни — есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями». Данная статья, ввиду определённых рамок, не претендует на всю полноту обзора творчества нынешних членов тамбовской писательской организации. Бесспорно, у каждого автора есть и свои недочёты и упущения, но это цель уже конкретных литературоведческих исследований.

Главное, что наша проза на пути к глубокому и многомерному изображению современника. Ей не откажешь в умении идти в ногу с веком, во внимании к переменам в сознании и в повседневной жизни людей, в чуткости к нравственной проблематике. Постигание жизненной и художественной правды во всём их объёме, правды о человеке как главном предмете литературы по-прежнему остается важнейшей целью тамбовских писателей.

Мария ЗНОБИЩЕВА

МУЗЫКА ЖИЗНИ

О поэзии Александра Макарова

Современная литература Тамбовского края развивается стремительно и активно. В одном только Тамбовском отделении Союза писателей России за последнее время вышел целый ряд стихотворных сборников. Вот лишь некоторые из них: «Тамбовский писатель-2009. Том 1. Поэзия», «В ожидании чуда» Валерия Маркова, «Тень судьбы» Валерия Хворова, «Избранное» Марины Гусевой, «Дерзаю воспевати» Лидии Перцевой, «Благая весть» Валентины Дорожкиной, «Судный час» Ивана Акулова....

Поэтическая палитра разнообразна, однако всех авторов объединяет поиск правды и света, утверждение красоты, не зависящей от капризов времени. Одним же из первых хранителей добра, художником земли и пахарем слова в тамбовской литературе, без сомнения, остаётся Александр Макаров.

Человек рождается на свет и — учится ходить; поэт — учится петь. Это потом читатель легко узнаёт его по свойственной ему одному лирической походке (ширине и твёрдости шагов, их ритму, похожести или непохожести на полёт). Первые же шаги совершаются всегда в тишине. Их растворяют в себе всепоглощающие родные просторы, волгая хмарь осеннего неба, туманы безвременья.

Мария Знобищева родилась в Тамбове в 1987 году.

Аспирантка ТГУ им. Г. Р. Державина. Автор шести поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Российский колокол», «Пионер», «Детская литература» и др.

Постоянный автор «Тамбовского альманаха».

Участница Всероссийского форума молодых талантов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве.

Член Союза писателей России с 2006 года.

Поэт — соучастник мировой гармонии или всемирного хаоса. Смотри по тому, какую роль отводит ему его эпоха. Поэт — это прежде всего слушатель, и только потом — творец. Таков Александр Макаров, чутким ухом русского богатыря приникший к родной земле. В стихотворении «Слушаю» среди звуков Вселенной им особенно отчётливо выписаны «...шёпот, скрипы, жужжанье, стон. / Хмурых деревьев ропот, хриплые крики ворон». Далее звучит органичное продолжение этой музыки: «Слушаю тело. Звуки взяты взаймы у земли».

Поэт Александр Макаров — гражданин Земли, песня которого сродни воде и воздуху, солнцу и небу — всему тому, что естественно и любовно окружает нас с рождения. Строки Александра Макарова о родной земле, людях, населяющих её, об уязвимости человеческого бытия и его радостной неповторимости, о космосе собственной души — хорошо известны не только тамбовскому читателю. Имя поэта неслучайно вписано в Антологию русской поэзии XX века наряду с именами его великих предшественников и современников.

Последняя по времени издания поэтическая книга Александра Макарова «Музыка жизни» (2006 г.) ещё раз и с трагической отчётливостью определила принадлежность поэта к русскому пространству, его тревогам и дорогам. Даже на уровне структуры и композиции сборника видно: слушатель и созидатель, в хоре разрозненных голосов, жалоб и криков, поэт слышит именно музыку. Её звучание определяется пространством жизни: Далью, Воздухом, Водой, Солнцем, Камнем, лежащим на Земле. Одноимённые названия носят разделы книги. Последний из них, озаглавленный «Колесо», содержит в себе идею времени и движения.

Пространство задано изначально, его очертания зримы и узнаваемы: «как прежде живу на равнине Среднерусской, / У неё на ладони судьба моя вся»; «Но я помню — мы жили на Русской равнине, / Там, где даль искони изначально светла. / Где теперь никого не осталось в помине. / Бесконечная жизнь безвозвратно ушла»; «Я крепко к груди прижимаю холмы — их много на Русской равнине». Это пространство изменчиво, оно зависит от времени и законов памяти. Всякая переходность («Берег», «В преддверье», «Меняется страна», «Марфуна уезжает из деревни» и другие) имеет отрицательную семантику: по неизбежному закону деградации, помноженному на ментальную особенность русских любить и жалеть то, что осталось позади, всё лучшее остаётся в прошлом: «Пепелища печальный запах / Надо мной, подо мной, во мне...». Идеальным сегодня оказывается, напротив,

КРИТИКА

место стабильности и покоя: степь, январское звёздное небо, «Это вечное», и, как ни парадоксально, Погост.

Книгу открывает стихотворение «Древнерусская быль». Задавая координаты собственной поэтической вселенной, декларируя (хотя, применительно к Александру Макарову, это слово не совсем корректно) свою лирическую правду, поэт говорит:

*Уважаю слова. Но пустые слова меня ранят.
Сквозь дожди и века — всё слова да слова.
Я хочу, чтобы всяк не словами, а делом был занят,
Например, как земля, муравей иль трава.*

«Как земля, муравей иль трава», рождая и рождаясь, пробивается на свет слово. Из этой вечной оппозиции «Слово — слова» вытекает очевидная для автора жизненная необходимость дела, сокровенного молчания при невозможности сказать то единственное, чему ещё не пришла пора:

*Я хочу помолчать, на себя и на дождь обижаясь,
Без обид на судьбу, жить, как совесть велит...*

Жить по совести и обижаясь лишь на себя — почти геройство. Тем более, когда вокруг и внутри «бесконечная грязь», «бесконечное чувство сиротства», стоящее на грани банкротства хозяйство, потерянная связь с землёй. Продолжая лермонтовские и есенинские традиции моделирования пространства, собственное место в мире распятый простором поэт определяет так:

*Так хочется мне под крылом журавля
Ладонями — в чистые реки,
Ногами — в леса, головою — в поля,
И так бы остаться навеки...*

Далее, по нотам, складывается мелодия Времени и Дали. Стихотворение «Господи! Неужто это мы...», молитвенное по жанру, и бунтарское — по сути, подводит итог целой эпохи, ища причину духовной девальвации.

«Двадцатый век», пролетевший мимо, «как одна минута» есть мера зла, определённая в наказание грешникам быстрота восприятия вре-

мени. Мотив доводящей до слёз грусти сливается с лейтмотивом потери: «потерял опору человек». Потеря же ощущается автором как потеряность, причина её видится ему не столько в самом человеке («будто нет ума у нас и рук»), сколько вовне: «...будто бы невидимый паук / Сетью зла опутал» и — в конце стихотворения — непосредственно: «Неужели Ты не видишь нас, / Неужель не слышишь...».

Следующее за ним стихотворение «Крик» продолжает тему одиночества и неуслышашности: «Я кричал: спасите!.. Но горло моё пересохло, / И меня не услышали ни птица, ни зверь».

Время как таковое воспринимается негативно:

*Лежат, кольцо к кольцу, года внутри ствола.
Они хранят в себе прошедшие слова,
Которые из нас бесцеремонно выжал
Двадцатый век — ему ни славы, ни любви.*

Время — это враг, и единственная возможность побороть его — вернуться к воспоминаниям. Однако все они вписываются в настоящее лишь только сном, миражом:

*В пустом, уставшем море, возле края света,
В стеклянном воздухе возник простой пейзаж.
И первое, о чём подумал я, что это
Галлюцинация, но это был мираж.*

*Краснели яблоки, «сорвите нас!» — кричали.
Сидели на ветвях русалки и дрозды.
Фантазмагория, — подумал я в начале,
Но это был мираж — дыхание звезды.*

*Увидел я отца, похожего на Бога,
Родимое село и низкий домик наш.
Заросшая тропа, я звал её дорогой,
Бежала к городу... Всё это был мираж.*

*Движеньё воздуха и света преломленьё,
Меняющийся мир и близкий, и чужой.
Где неизменен страх и чувство удивленья,
Где грустно от всего, что любишь всей душой.*

Мотив русской грусти тесно связан здесь с концепцией любви-жадности, любви-сожаления, любви-воспоминания. Жизни — «та» и «эта» — скроены воедино грубым швом перемен, шрамом на сердце, разломом Судьбы: «В той жизни я летал, пускай — во сне, / Душа смеялась, радуясь весне / И свету», «А в этой жизни — будто нет весла. / Речонка пересохла. Заросла / Дорога... Душа молчит...» Вчера и сегодня в сознании автора двуглаво спаяны, но головы, словно на державном гербе, направлены в противоположные стороны. Антитеза становится у Александра Макарова основным законом лирического движения.

Страшные метаморфозы времени вписаны в контекст национальной литературной традиции («Я увидел вчера: по равнине в седом полумраке / Мчался розовый конь, а в седле русский парень сидел / А сегодня, куда ни помотришь, повсюду собаки...»), христианской символики («В небесах вороньё, впрочем, это теперь херувимы»), отечественной истории («Города и деревни война превращала в руины. / А сейчас нет войны — всё разбито, и мы не у дел»). Дополнение и подведение итога, звучащее эпитафией «Впрочем, я рассказать не об этом сегодня хотел», и заключительное — «Не сказал я того, что сказать я сегодня хотел» — в очередной раз подчёркивают трудность и почти невозможность нахождения настоящих и стоящих слов об эпохе, на телевизионном полотне которой живут «... наркоманы, убийцы и воры, / Крики ужаса, взрывы, фрагменты деревьев и тел».

Слова меняются не просто так: отражая поставленную под сомнение действительность, они обесцвечиваются и обесмысливаются. В обращенном к хозяевам и героям нашего времени стихотворении «Ну, что же, вот и стали вы господами...», перечисляя творимые «господами» беззакония, поэт говорит: «...и мою Родину называете “Эта страна”...» Живя в безымянной стране легко потерять и собственное имя. Не случайно в одном из стихотворений нарицательно и порицательно проскальзывают «ваньки» и «митьки»; не случайно зарастает тропа, называемая прежде дорогой; не случайно вместо праздника нас ожидает тризна; не случайно забываются имена рек и деревень. А ведь «Имена деревень на Руси почти все человечье, / И выходит — такая ж душа».

В стихотворении «Меняется страна — и хорошо и плохо...» анафорически намечен «перечень» сегодняшних утрат: «меняется длина и амплитуда вдоха», «меняется земля», «меняются слова», а вместе с ними — люди, обычаи, весь уклад жизни. Но константой по-прежнему остаётся душа: «Меняющийся мир проходит через душу, / Одну её ничто не может изменить».

В семантическое поле понятия «возвращение» вписаны печаль, жалость, свет, шёпот, полутон, гул пустоты в доме, в саду, в сердце.

Возвращение видится поэту приходом или переходом в заповедную и нездешнюю страну:

*Свет шёл от земли, где ни разу я не был,
Где жили, не зная меня,
От чистого сердца, от синего неба,
От давнего тёплого дня.*

В этой стране его не знают, не знали и, может быть, не узнают, но: «Я не могу отвернуться от света, / И к свету назад я иду». Время, обернувшееся вспять, меняет координаты и векторы художественной системы: по вертикали движение к свету традиционно, и это — устремление вверх (по Александру Макарову, «к звезде»), но по горизонтали оно направлено назад. Однако свет исходит и «от земли», и «от взгляда», и «от любви», а кровь из-под бинтов — «всё тот же свет по сути». Все эти понятия и составляют одну из ипостасей понятия «русская душа».

Именно душа с её незыблемыми идеалами, почти не находящими своего воплощения в сегодняшнем дне, противопоставлена эфемерности жизни, в которой — «...Мысли — одежды. Слово — дом из песка. / В сердце надежда наподобье ростка», «луч солнца корчится один в безмерной тьме», а человек должен выживать и выплывать, но не жить и не плыть. «Накапливаю свет. Словесное зерно / Толку в своей душе, как в некой вечной ступе...» — такова работа души поэта.

Другая возможность спасения кроется именно в подобной работе, любом активном действии, исполненном простого и вечного смысла:

*Счастливый тот, кто носит воду,
Кто варит кашу на воде,
Кто пашет клин, кто пишет оду
В эпоху нашу о труде.*

Космос, который «жив трудом зерна», предстаёт поэту как сгусток энергий «души и мысли», мир, где каждый обременён и в то же время награждён посильной ношей:

*Мы все несём — кто крошку хлеба,
Кто крест, кто камень,
А кто — небо.*

Пока века нас не согрут. Так интерпретируется тема «народа-богоносца» в стихотворении «Похвала труду». Символ веры и русский Бог — это не только высшее бытие с его небом и крестом, но и атрибуты земного: то, на чём стоит и чем питает себя человек: камень, хлеб, вода.

«Портной бушлаты шил, а плотник шил гробы», — такова картина полурабского существования ремесленника. В шаркающей походке строки как будто слышатся и шёпот мастеровых, и однотонный шум инструмента, и шелест грубой материи. Но, озарённая идеей всеобщего подчинения высшему закону и внутренней свободой от условностей, есть иная работ — работа духа: «Я делаю Судьбой порученное дело: / Гремя цепями дней, гребу, гребу веслом».

В расположенных на одном развороте книги стихотворениях «Гробовщик» и «Просыпаюсь. Пора на работу...» раскрывается диалектика образа-мотива работы. Негативное восприятие не приносящего радости, обусловленного необходимостью жизни и смерти труда, перерастает в осознание усталости: «Я делать устаю кресты, / Я устаю копать могилы». Скорбный труд гробовщика из стройцеха мотивно близок теме социального рабства, невозможности противостояния законам общества и природы. Ему противопоставлена радостная работа человеческого сердца, которому не пройти «...мимо грустного, мимо / Распечали чужой»: «Может, выручить надо кого-то, / Дать любви и добра. / Помогать — это тоже работа. / На работу пора».

Ремесло поэта соотносится с мастерством плотника, строителя, пекаря: «Молот ты опускаешь, лиру ты поднимаешь. / Что для тебя важнее — знать не хочешь, не знаешь»; «Строил, руки молчали, душа твоя пела».

Поэзия Александра Макарова ориентирована на Восток, ей в высшей степени свойственна философия частицы (цветка, звена, камня, дерева): «Я только звено в цепи мирозданья, / Но мирозданье ничто без меня»; «Я — поздний цветок, я — цветок полевой»; «Когда-нибудь я стану ветром»; «...Я эпитафия, / Штрих большого полотна»; «Отголосок... или радости колосьев, / Или ярости мечей»; «... зерном я положен / В тёмную землю Отчизны».

*И я верю древней тотемной верою
В то, что однажды я весь уйду
В тихую вербу, а над вербою
В синее небо, в белую звезду...*

Движение частицы не хаотично, она твёрдо знает своё место и назначение во Вселенной: «Найди своё место в пустыне и в райском

саду. / Меси своё тесто, с собою и с миром в ладу». Зерно рождается, чтобы «...смертью доказывать... неиссякаемость жизни», жаворонок — висящий на нитке «колокольчик» — чтобы рассыпать по сердцам и сёлам «звоны солнца», цветок — «ждать своего урожая». Только человек, оторвавшийся от земли, теряет свою цель и смысл.

Однако минорная музыка времени в поэзии тамбовского автора ещё отчётливее оттеняет вечно живую музыку жизни: разговор деревьев в «берёзовом соборе», игру ветра на серебряных струнах их ветвей, «живое чудо» текущего над миром света, «воздух сказа», «сонного ландыша», мышиноного писка, петушиного пения.

Эпоха сомнений и разочарований меняет имена и лики, предаёт свои же собственные святыни. Забвению людьми себя самих противостоят лишь «память земли» и Космос, вбирающий в своё молчанье и трели соловья, и скрипы ржавой жести, и деление жизненных часов.

Александр Макаров — не демагог и не проповедник. Его герой сомневается и задаётся вопросами, пытается сделать почти невозможное: обрести, вспомнить или «услышать» правду об этом мире. Эту правду знают небо и земля, колыханье воздуха, течение воды, бесконечность дороги, её знают птица, рыба и зверь — друзья по принадлежности к живому, но не человек, потерявшийся или потерянный где-то в дали перепаханного русского простора. Из вопросов и ответов рождается музыка жизни, то замирающая и как будто теряющая сознание, то спокойная, словно ток крови по жилам или сока по древесному стволу, то несущаяся к надмирной Красоте.

Стихотворным завершением последнего раздела сборника становятся строки поэта о дороге, далях, солнечном лучике на грязной стене сарая, объединённые темой надежды:

*Под стонами круч и под всхлипами ветра
Проходят минута и год.
Кого-нибудь спросишь — не слышишь ответа,
Но чувствуешь: кто-то идёт.*

Трагедия музыки, которую никто не услышит, перестаёт существовать, потому что тончайшим слухом сердца поэт предчувствует приход нового слушателя и музыканта, хорошего человека, научившегося петь и ходить по земле.

Владимир ПОПОВ

ВАСИЛИЙ И ГЕОРГИНА ЧИЧЕРИНЫ

Посетители редко заглядывают в Тамбовский Дом-музей советского дипломата Георгия Васильевича Чичерина. Может, время сейчас настало такое немужейное, а может, страшится попасть под жаркое полыхание знамён Октября и назойливое мельтешение агиток, призывающих «революционный держать шаг». Между тем, старинный тихий деревянный особняк, где прошли детские годы знаменитого ленинского наркома, совсем не похож на памятник боевой революционной славы. Конечно, образы вождей мирового пролетариата здесь витают, но не столь ощутимо, а так, исподволь, без монументального размаха. Да и сам соратник Ильича, глава внешнеполитического ведомства не очень-то выходит на первый план. В экспозициях музея, пожалуй, более широко и колоритно представлены его родственники и родители. Дяде наркома отведён отдельный зал. Крупнейший философ-идеалист, учёный-правовед, общественный деятель, Борис Николаевич Чичерин олицетворял цвет отечественной интеллигенции. Преподаватели вузов, специалисты различных научных учреждений мало-помалу освобождают сейчас от пелены забвения его обширное творческое наследие.

Владимир Александрович Попов родился в 1949 году в селе Горелое под Тамбовом. Окончил Тамбовский приборостроительный техникум, Московскую духовную семинарию и магистратуру Санкт-Петербургского христианского университета.

Посещал литературное объединение «Радуга» при С. С. Милосердове. Публиковался в местных и центральных газетах, журнале «Кредо».

Живёт в Тамбове.

Талантливый род Чичериных заявил о себе в России с XIV века. Он подарил Отечеству множество выдающихся личностей. Чичерины верой и правдой служили при дворе великих московских князей, занимали видные места в царской России.

В гостиной Тамбовского Дома-музея размещены большие фото-портреты основателей одной из ветвей этого рода, родителей Г. В. Чичерина: Василия Николаевича и Георгины Георгиевны. Вокруг — семейные фотографии, на которых Василий и Георгина запечатлены в тамбовских усадьбах Караул и Покровское в окружении детей и родичей. На одухотворенных лицах — тишина и умиротворённость. Вот они — типичные картины благоустроенного дворянского быта. Хотя это только на первый взгляд. За внешним ореолом спокойствия у каждого члена семейства стоит Судьба, таят года напряжённых духовных исканий, выбор цели и смысла жизни. Одним словом, жизнь, непохожая на безоблачную идиллию.

Василий Николаевич Чичерин родился в 1829 году в Тамбове. Получил домашнее образование под педагогическим руководством известного учителя Тамбовской гимназии Ивана Сумарокова. После окончания в 1849 году юридического факультета Московского университета — стремительный взлёт по ступенькам дипломатической карьеры. Сотрудник Главного архива Министерства иностранных дел, секретарь русского посольства в Бразилии, высокопоставленный работник дипломатической миссии в Германии, Италии, Франции.

В декабре 1856 года старший секретарь посольства Василий Чичерин знакомится в Турине с внучкой посла Штакельберга, участника Венского Конгресса при Александре Первом Георгиной Мейендорф. А через три года состоялась их свадьба. У баронессы Мейендорф было несметное количество друзей и поклонников в высшем Петербургском свете. Её супруг становится изысканным светским львом, завсегдаем балов и салонных раутов.

Неожиданно неслыханная новость взбудоражила великосветский Петербург: Василий Чичерин, назначенный в текущем 1869 году русским послом в Америку, вдруг оставил дипломатическую службу и удалился от светской жизни. Что же случилось? В салонах на все лады толковали о крупной ссоре Василия Николаевича с родственником жены бароном Рудольфом Мейендорфом. Психически неуравновешенный кузен Георгины нанёс серьёзное оскорбление её мужу. По законам высшего света за этим инцидентом должна была последовать дуэль. От Василия ожидали законного возмездия обидчику. Однако

он от поединка наотрез отказался. На его голову тут же посыпались обвинения в трусости, в измене дворянской чести. Но, как выяснилось позже, отказ от дуэли произошёл не из-за слабоволия и малодушия, а по мотивам религиозным.

Ещё во время службы в Париже Василий Николаевич свёл близкое знакомство с английским проповедником-евангелистом лордом Редстоком. Этот аристократ много путешествовал по странам Западной Европы и с большим энтузиазмом проповедовал духовное возрождение через веру в Иисуса Христа. Редсток призывал к жизненно активному христианству, к деятельной вере. Желая от души послужить Богу, он открывал ночлежные дома для бродяг, строил госпитали, проводил евангельские собрания в аристократических домах. Сердечная проповедь Редстока о христианской любви глубоко затронула душу Василия Николаевича. Христос учит любить даже врагов и молиться за обижающих. Тогда не будет ли грехом стремление воздавать злом за зло и обидой за обиду?

Было ли обращение Василия Николаевича к евангельским идеалам спонтанным? Вряд ли. Слово и беседы Редстока, по всей вероятности, смогли пробудить то, что подспудно созревало в глубине души годами ранее. И отец, и мать Василия были людьми религиозными. Но их религиозность не ограничивалась рамками обрядоверия. По замечанию другого сына Бориса, вера для их отца, Николая Васильевича, была «высшим освещением нравственного мира, залогом и предвозвестником будущей жизни»¹. Мать, урождённая Хвоцинская Екатерина Борисовна, тоже отличалась не внешним, а жизненным внутренним благочестием. Она никогда не гналась за модой, уклонялась от балов и увеселительных празднеств.

Родители воспитывали восьмерых детей. Несмотря на каждодневные семейные хлопоты и уйму дел по ведению большого хозяйства, Николай Васильевич каким-то чудом находил время для того, чтобы следить за всеми новинками в духовно-интеллектуальном мире и поддерживать дружбу с деятелями литературы и искусства. Он был знаком с Грановским, Герценом, постоянно общался с Евгением Баратынским, писателем Николаем Павловым, актером Михаилом Щепкиным. Практическая сметка сочеталась у Николая Васильевича с любовью к философии, литературе, истории, изящным искусствам. «Человек ясного и твёрдого ума, высокого нравственного строя, с сильным характером, с глубоким знанием людей, с тонким литературным вкусом и врождённым чувством прекрасного», — так очерчивает внут-

ренный портрет отца его сын Борис². Образ Николая Васильевича был бы не совсем полон без рассмотрения ещё одного не менее яркого дарования — педагогического.

Первым учителем жизни и мудрым наставником для Василия и других детей всегда был отец. Он внимательно и в то же время без назойливости и давления наблюдал за учёбой и поведением сыновей. В длинных письмах он хвалит студента Васю за то, что тот прекратил играть в карты, рекомендует сыну проявлять упорство и постоянство в достижении поставленной цели, советует не кичиться знатностью и древностью своего рода, ни в коем случае не искать наслаждений и удовольствий в жизни. Когда отец узнал о том, что Василия не приняли в каких-то высших аристократических кругах, и сын из-за этого впал в депрессию, он не преминул высказать в письме свои соображения: «Неужели ты так скоро заразился пустым тщеславием, этой общей болезнью великосветских людей? Неужели твоя свежая душа приняла уже в себя гнилые миазмы светской атмосферы? Высший круг составлен из людей пустых, но чопорных и надутых, прикрывающих свой эгоизм и внутреннюю бедность блеском наружной роскоши и приятностью форм. Одумайся, милый Вася, пока порча не проникла до костей... Берегись этой заразы, умерщвляющей всё истинно доброе и прекрасное в душе человека»³.

О частых перепадах настроения и внутренней борьбе свидетельствуют дневниковые записи молодого дворянина Чичерина. Свой дневник Василий называл: «Мой журнал». В нём с явным преобладанием звучит исповедальная тональность. Василий подвергает себя неподдельному самоанализу и самобичеванию, борется с противоречивыми чувствами. «Во мне всегда было много самолюбия, а вместе с тем и самоотречения», — признает Василий⁴. Он отмечает в себе довольно сильные порывы к проповедничеству: «Я толковал всем и каждому о твёрдости, моральной силе и обуздании страстей»⁵. Василия постоянно преследуют мысли о назначении человека, о жизненном призвании. Читая «Дэвида Копперфильда» Диккенса, Василий увидел привлекательную черту характера главного героя в том, что он «не домогался стать выше своего положения, отчего и был свободен»⁶. Соотнося персонаж Диккенса с близким ему окружением, Василий отмечает: «У нас же я вижу противное: всякий, на какой бы ступени он не стоял, старается гнущаться равными и быть последним между теми, кто выше его. Отсюда вечный страх упасть, потому что не стоит на той ноге, которую ему Бог дал, но втёрся и выработал себе место,

где он не мог вкорениться»⁷.

Строгий уклад жизни, мудрая опека отца сызмала готовили Василия к ответственному поприщу. Первые годы службы в Министерстве не удовлетворяли Чичерина. Ему приходилось выполнять рутинную работу чиновника средней руки в Главном архиве. Молодой человек жаждал «порыскать по свету». И вскоре такая перспектива открылась перед ним.

С 1853 года начинается кочевая жизнь Василия Чичерина в качестве российского дипломата. Два года он служит в Бразилии, затем перемещается в европейские страны: Германия, Италия и, наконец, Франция.

Французский период жизни дипломата отмечен углублением богоискательства. Из года в год он ведёт переписку с братом Борисом. Его письма несут отголоски острых дискуссий о достоверности Евангелия, о сущности христианства. «Христианство, отделённое от личности Спасителя, делается абстрактным, и вся его животворная сила утрачивается, — уверяет Василий брата. — Если стать на ту точку зрения, что в Евангелии заключена не доктрина, а живое и полное описание земной деятельности Человека, именуемого Христом, то необходимо быть проникнутым живым сознанием всех действий и речей этого Человека, как будто Он действовал перед нашими глазами»⁸.

Советник русского посольства Василий Чичерин с интересом посещает в Париже библейские собрания. Местом встреч для духовных бесед был салон госпожи Андрэ, матери солидного банкира-миллиардера. Представители местной аристократии увлечённо обсуждали вопросы богопознания и спасения души, читали Библию, воспевали христианские гимны, молились. Желанным гостем на этих своеобразных раутах был английский проповедник лорд Гренвилл Редсток. Он по обыкновению молился вслух своими словами, раскрывал Библию, читал отрывки и в простой манере изъяснял их применительно к жизни. Проповеди Редстока захватывали Чичерина тем, что в них не было никаких отвлечённостей, сухого академизма, изложения каких-либо мелочных правил и религиозных обрядов. Простая детская вера, искренняя любовь к Богу и к ближним, — вот круг тем, которые живо освещал Редсток.

Под впечатлением свободных библейских штудий Василий Николаевич вдруг увидел в христианстве иное измерение. О своих открытиях в духовной области он не переставал делиться с братом. «Мне

кажется, ты ищешь обращения к христианству не там, где бы ты мог его найти. Подобно тебе и я долго находился на этом пути, кто ищет разумом, находит философию. А вера в личного Христа дает тебе постоянного спутника и охватывает не только способности к рассуждению, но и душу» — доказывает он своему сородичу⁹.

Борис Николаевич был, как известно, человеком науки и привык мыслить рационально. Его перу принадлежат фундаментальные труды по юриспруденции, социологии, политологии. Но в то время, когда Василий начал затрагивать в письмах вопросы духовные, теологические, Борис взялся за иной труд. Свою новую книгу он назвал «Наука и религия». Учёный не превозносит науку, хотя большинство тогдашней интеллигенции увлекалось позитивистскими идеями и возводило науку на высокий пьедестал. Он ставит науку в определённые границы. Какие бы эксперименты ни проводил человек, изучая природу тех или иных явлений, в них всегда будет присутствовать некая неразгаданная тайна. Борис Николаевич отдаёт дань религии, усматривая в ней основу нравственности и силу, которая возвышает человека над суетной обыденностью. Приступая к изучению религии, Борис Чичерин использует метод научно-философского исследования, берёт на вооружение логику. Интересную и своеобразную оценку методологии Чичерина-учёного дал Николай Бердяев: «Справедливость требует признать Чичерина одним из самых сильных русских умов. Его знания и сфера интересов были необыкновенно обширны... Это был ум административный... В уме этом было что-то доктринеское, а в натуре что-то слишком рассудочное»¹⁰.

Вот эта склонность к рассудочности более всего, пожалуй, беспокоила его брата Василия. Тот был убеждён в том, что с помощью научного анализа и философии невозможно проникнуть в суть такого феномена как евангельское провозвестие. «Возьми Евангелие не с тем, чтобы критиковать, но с искренним желанием просветиться, — советует он Борису Николаевичу. — Попробуй наедине стать лицом к лицу с Богом, Которого существование ты признаёшь, хотя не знаешь Его, но проси в молитве, чтобы этот Неведомый Бог наставил тебя. Это время не будет потеряно даром. Ты судишь о христианстве, не вкусивши его. А мы будем продолжать за тебя молиться»¹¹.

Василий и Борис отличались друг от друга по складу ума и темперамента. Василий — мистик по натуре. Борис стоит ближе к схоластике. Для Василия главный инструмент богопознания — сердце. Для Бориса — интеллект. Василий больше опирается на интуицию, а Бо-

рис кладёт в основу философское исследование. Они оба искренне стремились постичь Абсолют, но только разными путями. Василий избрал путь евангельских пастухов, а Борис шёл путём волхвов. И те, и другие, как известно, нашли Иисуса и преклонились перед Ним. В труде Бориса Чичерина «Наука и религия» прослеживается влияние великих философов-схоластов: Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Иоганна Лейбница. Схоласты большое значение придавали интеллекту, стремились найти гармонию между разумом и верой, между религией и наукой. Та же проблема волновала и Бориса Чичерина: «Разрыв между религией и наукой происходит иногда от недостаточности науки, иногда от несовершенства религии. Но окончательной целью развития должно быть высшее объединение обеих областей»¹². Опираясь на столпов схоластики, следуя в русле европейской рационалистической философии, Борис Чичерин не игнорировал полностью и мистический опыт брата. Его «Наука и религия» представляет собой, по сути, критику позитивизма и развернутую апологию христианства. На страницах его книги, нет-нет, да и пробивается откровенно проповеднический пафос, напоминающий пассажи из писем брата Василия. Борис Николаевич часто сетует на то, что современный человек из-за безверия «превратился в исключительно вниз смотрящее существо»¹³. Он возвышает скорбный голос о людях, «которые забыли даже, что существует свет Божий, и готовы закидать камнями того, кто дерзает о нём помянуть»¹⁴. Говоря такие слова, Борис Чичерин как бы предугадал судьбу брата. Ведь Василий Николаевич глубоко пережил новый кардинальный поворот на пути духовных исканий. Христианство перестало быть для него некой традиционной религией, но превратилось в образ жизни, в повседневное следование по стопам Христа. В нём возобладало сильное желание быть носителем Божьего света и высшего добра. По мере углубления веры, менялись многие понятия и представления Василия. В свете учения Христа он со всей ясностью увидел, что между аристократизмом светским и аристократизмом духовным — дистанция огромного размера.

Столь большая перемена в мировоззрении дипломата настроила против него высших чиновников из аппарата Министерства иностранных дел. Они стали смотреть на Василия Николаевича как на «жордывого отщепенца» и «сектанта». Верующему максималисту недвусмысленно дали понять, что его взгляды несовместимы с занимаемой должностью.

Оказавшись вне государственных дел, Василий Чичерин нашёл для

себя поприще более скромное, но отрадное для души. Он возвращается с женой в Тамбовскую губернию, поселяется в имении Покровское Козловского уезда. До приобретения дома в Тамбове Василий и Георгина летом обычно занимались хозяйством и устраивали усадьбу в Покровском, а на зиму переезжали к брату Борису в имение Караул Кирсановского уезда.

«Мы в эту пору во многом с ним расходились. В Париже он заразился узко-протестантским направлением, которое в нём было тем менее понятно, что он был верующий православный, — писал в своих “Мемуарах” Борис Николаевич. — Но частные разногласия не мешали нашим братским отношениям. При возвышенном нравственном строе, при невозмутимой ровности его характера, при его старании избежать всякого, сколько-нибудь жесткого соприкосновения, жить с ним было легко. К счастью, сошлись и наши жёны. Да и трудно было не сойтись с моею невесткою, одной из самых чистых и возвышенных натур, какие мне случалось встречать. И она так же, как и брат, даже более, ибо само была протестантка, заражена была пиетическими взглядами. Но это вполне искупалось безукоризненно нравственной прямотою и глубоко сердечным настроением. Жена моя, которая была глубоко религиозна и постоянно изучала Библию, но с преданностью православной церкви соединяла широкую терпимость, сходилась с нею в основных христианских воззрениях и полюбила её сердечно. Мелкие домашние дразги исчезали в общем задушевном строе. Жилось хорошо»¹⁵.

Православный Василий и лютеранка Георгина вошли в русло пиетизма. Естественно, Георгине этот шаг дался легче. Ведь пиетизм как межцерковное движение за оживление и обновление духовной жизни зародился как раз на протестантской почве. Из протестантской среды он перекинулся на католичество и затронул частично русское православие. С 1874 года носитель идеалов пиетизма лорд Редсток стал частым гостем в домах петербургской и московской знати. Борис Николаевич Чичерин упоминает, что этот проповедник часто наносил визиты семье брата Василия, когда она оказывалась в Петербурге¹⁶.

Горячим распространителем евангельской проповеди Редстока в России стал известный петербургский аристократ Василий Александрович Пашков. Его именем впоследствии было названо широкое евангельско-протестантское движение, вобравшее в себя многие высшие и простонародные слои Российской Империи во второй половине XIX века. В Архиве канцелярии тамбовского губернатора хранится цирку-

ляр Министерства внутренних дел губернаторам, градоначальникам и полицмейстерам об учреждении строжайшего надзора за членами «Общества поощрения духовно-нравственного чтения», организованного Пашковым в 1876 году. В списке высокопоставленных пашковцев значится имя Георгины Георгиевны Чичериной. Городской полицмейстер и уездные исправники регулярно слали губернатору краткие донесения о поведении и всех переездах Георгины.

«Вера без дел мертва есть» — таков был девиз евангельских христиан-пашковцев. Супруги Чичерины следовали ему жертвенно и неуклонно. Усердными стараниями хозяев родовое имение в селе Покровском превратилось в очаг деятельного христианства. В сердце Георгины горела страсть спасти души. Она просвещала крестьян библейской мудростью, уговаривала их не пьянствовать, жить с высоким смыслом, искать радости и утешения в служении Богу и ближним. Регулярные устные беседы о христианских идеалах человеколюбия подкреплялись конкретными делами. Не только духовные брошюры раздавала крестьянам Георгина. Бедные и больные получали из её рук продукты, деньги, одежду, лекарства. Вместе с мужем на свои средства они построили и содержали школу, открыли библиотеку, медицинский пункт. На удивление всем Василий нередко сам исполнял работу фельдшера. «Иные говорят, что лучше немедику не приниматься за дело, — писал он брату Борису. — Но, когда ко мне приходят со словами: Батюшка, помоги! Мой сын лежит, не может работать, а без работы мы с голоду помрём, тогда уж не толкуешь о том, медик ты или нет, а утопающему хотя бы соломинку протягиваешь»¹⁷.

Особое сочувствие к больным усиливалось ещё и оттого, что сам Василий Николаевич не отличался от природы крепким здоровьем, и на себе испытал мучительные страдания от различных недугов. Несмотря на возрастание всевозможных хворей, во время русско-турецкой войны он отправляется по линии Красного Креста в Бухарест, где потратил немало трудов и сил на заботу о выздоровлении больных и раненых воинов.

Жители Тамбова знали и уважали Василия Николаевича как самоотверженного благотворителя. Вернувшись с войны в Тамбов, он возглавил работу «Общества попечения о бедных». Местные гимназисты не раз приносили ему свою благодарность за душевный и практический отклик на их нужды. Городская общественность возвела Василия Николаевича в почётные члены «Общества для пособия нуж-

дающимися воспитанникам гимназии».

Непрерывные тяготы и беспокойства подтачивали и без того слабый организм Чичерина. 3 октября 1882 года Василий Николаевич скончался от туберкулёза. Несмотря на то, что Чичерин несколько расходился с господствующей церковью, тело его удостоилось погребения по православному обряду и захоронения на территории Казанского монастыря. Церемонию похорон совершил епископ Палладий.

«Василий Николаевич не был благотворителем в том смысле, как привыкли у нас понимать это слово: он не основывал своих добрых дел на одной только материальной помощи, а принимал сердечное участие в каждом, кому помогал, — писала в некрологе газета “Тамбовские губернские ведомости” от 8 октября 1882 года. — Эта теплота и чувство, искренность и твёрдость убеждения в деле помощи нуждающимся и, вообще, гуманность его хорошо известны тем тамбовцам, которые входили с ним в какие-либо отношения»

Естественно, благотворительность христианская — это не просто широкий жест состоятельного человека, не знающего куда деть излишки доходов, а искренняя потребность души. Потому и не укладывается подлинная христианская любовь в рамки одной конфессии, одной партии, она не делит людей на своих и чужих. В атмосфере такой любви жила семья Чичериных.

Будущий дипломат, всесторонне одарённый сын Василия и Георгины Чичериных тоже дышал этим чистым воздухом. Он слышал эмоциональные молитвы родителей, пение проникновенных христианских гимнов, мудрые библейские беседы. Георгина на пятнадцать лет пережила супруга. Всё это время было посвящено воспитанию детей и религиозно-общественной деятельности. Георгина обучала детей музыке, прививала им любовь к истории, языкам, искусству. В запасниках музея можно увидеть её собственные рисунки, где запечатлена природа Италии, уютные улочки живописных южных городов. В летнее время Георгина часто брала с собой Георгия на миссионерские просветительские собрания для крестьян. Тонкая впечатлительная натура мальчика живо впитывала рассказы и поучения из Библии. Двенадцатилетний Георгий даже написал несколько духовно-музыкальных сочинений: «Херувимская песнь», «Блаженны вси», «Помышляю день страшный», «Придите и видите». Подлинники этих работ хранятся в отделе рукописей Публичной библиотеки Петербурга.

Со временем, в пылу увлечения модными идеями века, Георгий детскую сердечную веру в Божий промысел растерял. А всё сопут-

ствующее ей отдал на алтарь революции. «Материально революция ему ничего не сулила. Он был одним из тех немногих революционеров, имевших всё: материальный достаток, власть, положение в имперской иерархии... Монах, бежавший от мира плотских соблазнов и дьявола, не мог бы дальше зайти в самоотречении ради веры, чем это сделал Георгий Чичерин», — тонко подметила американская журналистка Бесси Бити, лично знавшая наркома¹⁸.

В мировоззрении Георгия Васильевича, как видно, произошла своеобразная метаморфоза. Революционные идеи и грёзы о светлом будущем человечества Георгий фактически принял на веру. Больше сердцем, нежели умом. Прилив некой чисто эмоциональной волны породил в нём сомнения в Боге, почему-то посылающем одних людей в ад, а других в рай. Претензии к Богу, часто сочетались у него с заявлениями о том, что христианство было явлением прогрессивным¹⁹. На закате жизни Георгий даже начнёт писать работу по истории христианства.

В молодые годы, ещё будучи студентом, Георгий Чичерин зачитывался сочинениями Белинского. «Отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твоё своекорыстное я, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага», — призывал «неистовый Виссарион»²⁰. Эта сентенция, подогретая высоким пафосом, напрямую перекликается с евангельским учением о самоотречении ради Христа и Его Царства. Тогдашняя, революционно настроенная интеллигенция взяла, по сути, на вооружение христианский аскетизм, но отвергла Христа, как Бога и Спасителя душ.

Христианские настроения детства и ранней юности под влиянием духа эпохи и своеобразного характера преобразовались у Чичерина в революционное подвижничество. Георгий не имел семьи. Став с 1918 года наркомом иностранных дел в правительстве Ленина, проживал в комнате рядом с рабочим кабинетом, довольствовался скудной пищей. После смерти дяди в 1904 году отказался уже тогда от принадлежащей ему по завещанию усадьбы в селе Караул на Тамбовщине в пользу двоюродного племянника Алексея Владимировича Чичерина. Известно его письмо Александре Алексеевне, супруге Бориса Николаевича, по поводу именина: «Не находишь ли ты прекраснейшим исходом, если хозяином сделается в будущем сам народ, и там, где прежде разврывалась изящная жизнь кучки немногих, теплился одинокий огонёк высшей культуры посреди мрака общего варварства, там будет

общественный дом среди общественного парка, будет центр общественных собраний, науки, искусства?», — писал в 1906 году увлечённый марксизмом, тогдашний политэмигрант Георгий Чичерин²¹.

Прекраснодушные романтические мечтания Георгия сбылись лишь отчасти. Большевики вначале выдали охранную грамоту для усадьбы и устроили там музей, а через десять лет лишили имение музейного статуса. Наиболее ценные книги, картины, мебель, фарфор, архивы растеклись по учреждениям Москвы, Ленинграда, Тамбова. В тридцатые годы местные вандалы посягнули на фамильное кладбище, взорвали мельницу, разрушили храм. Исчезли со временем липовые и берёзовые аллеи. Погиб от пожара главный барский дом. Мог ли тогда, на заре двадцатого века мечтатель и утопист Георгий Чичерин представить себе столь печальную судьбу родных пенат и очага культуры?

Революция не отказалась от услуг потомственного дворянина, от его широчайшей культуры и редких талантов. Но до поры, до времени. Настал час, и она показала утончённому аристократу на дверь. Популярность наркома иностранных дел приобретала широкий международный размах. Особенно с 1922 года после Генуэзской конференции, где Чичерин провозгласил принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем и добился частичного выхода Советской России из состояния изоляции. В министерстве у Чичерина появилось много завистников, которые всеми правдами и неправдами старались выискывать какой-либо компромат на главу ведомства. Некоторым его подчинённым и членам ЦК не нравилось то, что Чичерин не одобрял кампанию чистки госаппарата, не поддерживал утверждение о неминуемой победе большевистской революции во всём мире, осуждал организацию расправ над священниками, социалистами-революционерами. Известно его ходатайственное письмо от 10 апреля 1923 года в Политбюро ЦК РКП(б) и Сталину о невынесении смертного приговора Патриарху Тихону. Чичерин доказывал, что расправа над Патриархом крайне осложнит отношения с Америкой и резко ухудшит международное положение Советской России²².

В 1928 году Георгия Чичерина посылают на лечение за границу. Заместитель Чичерина, дипломат Максим Литвинов намеревался таким образом проложить себе дорогу в кресло наркома. Георгий Васильевич хорошо понимал это. В письме к Льву Карахану, своему второму заместителю, он предельно откровенно заявил: «Возвращение в СССР есть моя ликвидация — или немедленная официальная, или

фактическая с помещением для отвода глаз где-либо на юге»²³.

Предположения Чичерина вскоре сбылись. Разногласия с кругом сослуживцев нарастали. Кроме того, неистовый революционер Иосиф Сталин не любил дворян и не особо жаловал интеллигенцию. Известное Шахтинское дело 1928 года, затем шумный процесс над Промпартией не без воли Сталина были сфабрикованы для дискредитации лучших инженерно-технических специалистов, для запугивания и выдавливания старой интеллигенции с ключевых постов в народном хозяйстве.

В 1930 году Георгий Чичерин повторил в какой-то мере судьбу отца. Блестящий дипломат, необыкновенно преданный своему делу, вынужден был уйти в отставку. Несмотря на настойчивые ходатайства Калинина, публикация книги Чичерина о Моцарте тоже была отставлена. По указанию свыше.

Даже на гражданской панихиде во время похорон Г. В. Чичерина 9 июля 1936 года Крестинский, другой заместитель наркома, с подачи Сталина негативно оценил работу Чичерина в иностранном ведомстве²⁴. И только через двадцать пять лет глава советского МИДа Андрей Громыко осмелился заявить в газете «Известия» от 5 декабря 1962 года, что «Сталин извратил роль Чичерина в советской дипломатии».

Так случилось, что ныне во многих странах мира больше знают моцартоведа и ценителя изящных искусств Чичерина, нежели Чичерина-наркома. Да и в Тамбовском Доме-музее наибольшую публику собирают музыкальные гостиные с классическим репертуаром. А в Рождественские и Пасхальные дни местный хор «Преображение» на благотворительных концертах в стенах музея исполняет детские христианские сочинения Георгия.

Неодолимо временем и не ограничено пространством духовное влияние родителей. Кстати, о присутствии родителей в Тамбовском музее напоминают не только фотографии. В малом дворике посетителям показывают две мраморные плиты, перенесенные сюда из Казанского монастыря. На них скупые сообщения о днях пребывания Василия и Георгины в земной юдоли. А основную экспозицию внутри дома украшает личная Библия Георгины на французском языке, подаренная музею правнучатой племянницей наркома Натальей Дмитриевной Чичериной из Петербурга.

На «Чичеринских чтениях» в Тамбове в ноябре 2001 года Наталья Дмитриевна рассказывала, как среди её родственников долго ходил слух о том, что Чичерин, находясь в Московской больнице с тяжёлым

заболеванием, уже при смерти неожиданно выразил желание причаститься. Однако вызвать священника начальство побоялось. Дабы чего не вышло.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чичерин Б. Н. Мемуары. Т. 9. М., 1999. С. 97.
2. Цит. по: Пешков В. И. Звезда разрозненной плеяды. Тамбов. 1999. С. 94.
3. Письмо Чичерина Н. В. сыну Василию от 22.10.1851 г. Отдел рукописей РГБ. Москва. Ф. 334, карт. 12, ед. хр. 2, л.л. 29, 30.
4. Дневник Чичерина В. Н. Отдел рукописей РГБ. Москва. Ф. 334, карт. 53. ед. хр. 8, л. 9.
5. Указ. Дневник. Ф. 334, карт. 53. ед. хр. 8, л. 19 об.
6. Там же, л. 14.
7. Там же, л. 14.
8. Письмо Чичерина брату Борису от 27.04.1866 г. Отдел рукописей РГБ. Москва. Ф. 334, карт. 10, ед. хр. 11/3, л. 6 об.
9. Там же, л. 4, л. 6 об.
10. Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 3. Париж, 1989. С. 185-186.
11. Письмо Чичерина В. Н. брату Борису от 17.11.1866 г. Отдел рукописей РГБ. Москва. Ф. 334, карт. 10, ед. хр. 11/3, л. 19 об.
12. Чичерин Б. Н. Наука и религия. М., 1999. С. 23.
13. Там же. С. 21.
14. Там же. С. 22.
15. Чичерин Б. Н. Земство и Московская Дума. М., 1934. С. 56.
16. Там же.
17. Горохов И., Замятин Л., Земсков И. Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. М., 1973. С. 22.
18. О'Коннор Т. Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918-1930. М., 1991. С. 33.
19. Зарницкий С., Сергеев А., Чичерин. М., 1966. С. 9.
20. Горохов И. С. 25.
21. Цит. по: Чичерин А. В. Сокровища душевной красоты. М., 1964. С. 443.
22. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922-1925. Кн. 1. Новосибирск, Москва. 1997. С. 264.
23. Соколов В. В. Неизвестный Чичерин / Новая и новейшая история, 1994. № 2.
24. О'Коннор Т. Э. С. 234.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

Подведены итоги 3-го Международного конкурса произведений для детей и юношества имени А. Н. Толстого. Среди награждённых — тамбовский прозаик Михаил Гришин: его повесть-сказка «Старая прялка, или Необыкновенные приключения Витьки Картошкина» (опубликованная в 6-м номере «Тамбовского альманаха») удостоена Почётного диплома.

* * *

Тамбовская писательская организация в рамках социального заказа области выиграла грант в 425 000 рублей. Это позволит писателям до конца года провести ряд литературных праздников и фестивалей, а также издать несколько книг для библиотек области.

* * *

В № 1 журнала «Slavia Orientalis» за этот год, издаваемом в Варшаве под эгидой Польской Академии Наук, опубликована рецензия Влодзимежа Вильчинского на 2-е российское издание энциклопедии «Достоевский» (М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. 4000 экз.) Николая Наседкина.

* * *

На молодёжном образовательном форуме «Селигер-2009» один из проектов тамбовской делегации, мюзикл по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита», был высоко оценён и получил поддержку лично председателя правительства России В. В. Путина. Музыка к мюзиклу написал преподаватель ТГУ им. Г. Р. Державина Андрей Пронин, а либретто — преподаватель ТГТУ и по совместительству поэтесса, член Союза писателей России Татьяна Маликова. Это уже не первая работа тамбовских авторов: их мюзикл «Я всегда буду с тобой...» по мотивам сказок Андерсена с успехом шёл на сцене Учебного театра ТГУ, а либретто опубликовано в 6-м выпуске «Тамбовского альманаха». Если всё пойдёт удачно, мюзикл «Мастер и Маргарита» при поддержке правительства России будет поставлен уже в следующем году на одной из сценических площадок Москвы.

* * *

На сайте «Преголя-Арт» (Калининград) — <http://pregolia-art.com> — в рамках проекта «Русский акцент», посвящённом литературе, появились сведения-ссылки и о нас — Тамбовской писательской организации.

* * *

25-26 сентября 2009 года на Тамбовщине прошёл очередной, 13-й по счёту, литературный праздник, посвящённый памяти поэта Вячеслава Богданова. В гости к тамбовчанам приехали из Москвы старые добрые друзья — поэты Валентин Сорокин, Иван Голубничий и двоюродный брат В. Богданова и главный координатор праздника Виктор Сошин.

Основные мероприятия Богдановских чтений-2009 состоялись в Тамбовской центральной городской библиотеке им. Крупской и на малой родине Вячеслава Богданова в Мордовском районе. В них приняли участие, конечно же, и тамбовские писатели: председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России Николай Наседкин, поэты Валентина Дорожкина, Татьяна Маликова, прозаики Александр Акулинин, Василий Кравченко, Юрий Расстегаев, молодая поэтесса Елена Захарова.

* * *

16-20 октября 2009 года в Тамбовской области прошёл молодёжный фестиваль книги и чтения «Чит@й.ru» с участием нескольких московских писателей, а также представителей Книжного союза России, крупнейшего издательства страны «Эксмо» и журнала «Октябрь». Это уже третий подобный фестиваль на Тамбовщине и нынче он посвящён Году молодёжи.

К сожалению, организаторы фестиваля в писательскую бригаду ни единого тамбовского прозаика или поэта не пригласили. Хотя бы, к примеру, Михаила Гришина, который полностью соответствует именно «формату» данного фестиваля — пишет «молодёжную» прозу, издаётся в «Эксмо», недавно с новой повестью стал дипломантом Международного конкурса на лучшее произведение для детей и юношества имени Алексея Толстого...

Спасибо, что хоть допустили тамбовских писателей к участию в фестивальном «круглом столе» по проблеме «Молодёжь и книга», где именно выступления председателя Тамбовского отделения СПР Николая Наседкина, членов писательской организации Валентины Дорожкиной и Марии Знобищевой задавали тон дискуссии.

НОВЫЕ КНИГИ

Астахова Л. Белый колодец. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2009. 120 с. 300 экз.

Гусева М. Избранное / Серия «Поэтический Тамбов»: Вып. 3. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2009. 216 с. 500 экз.

Елегечев И. Соколиная охота. Историческое повествование в 2-х кн. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2009. 628 с. 10 экз.

Косневич А. Ненужное зачеркнуть. Повесть. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2009. 84 с. 100 экз.

Меньщикова Г. Я всю жизнь любовь искала. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2009. 100 с. 300 экз.

Литературно-художественное издание

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 8 (ноябрь 2009)

Компьютерная вёрстка и дизайн – **Н. Наседкин**
Корректор **А. Кириллов**

Подписано в печать 10.10.2009 г.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 16,0.

Тираж 600 экз. Заказ №

Издательство Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России»
392602, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14.
Тел. 53-50-77; 72-70-32
<http://www.niknas.by.ru/1tambovsp>
E-mail: tambocsp@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в открытом акционерном обществе
«Тамбовская типография “Пролетарский светоч”»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.